

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В. Д. ВИНОГРАДОВ, Н. А. ГОЛОВИН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Учебное пособие

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1997

ББК 60.5
В49

Рецензенты: д-р филос. наук В. Т. Лисовский (НИИКСИ при СПбГУ), д-р филос. наук Р. П. Шпакова (СПбГУ)

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского университета

Виноградов В. Д., Головин Н. А.
В49 Политическая социология: Учебное пособие. —
СПб.: Издательство С.-Петербургского университета,
1997. — 176 с.
ISBN 5-288-01615-1

В учебном пособии политическая социология рассматривается как наука о взаимовлиянии индивидов, социальных общностей, политических институтов по поводу возникновения, распределения и функционирования власти, власть же — как волевое отношение двух субъектов — властвующего и подвластного.

Для студентов и преподавателей гуманитарных факультетов.

0302030000—012
В 076(02)—97 19—96

ББК 60.5

Учебное издание

Валерий Дмитриевич Виноградов,
Николай Александрович Головин

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Редактор Д. Р. Есипович
Художественный редактор Е. И. Егорова
Технический редактор Е. Г. Учаева
Корректор А. С. Качинская

Лицензия ЛР № 040050 от 15.08.96 г.

Сдано в набор 01.07.96. Подписано в печать 14.01.97. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 11.
Усл. кр.-отт. 11,12. Уч.-изд. л. 11,8. Тираж 800 экз. Заказ № 174.
Издательство СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Типография Изд-ва СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.

© В. Д. Виноградов,
Н. А. Головин,
1997

© Издательство
С.-Петербургского
ун-та, 1997

ISBN 5-288-01615-1

ВВЕДЕНИЕ

Политическая социология как часть социологической науки, как учебная дисциплина получает все большее признание в системе гуманитарного образования российского общества. Интерес к ней определяется следующими факторами: во-первых, активной ролью политики, ее разнообразных и порой неожиданных проявлений в социальной практике; во-вторых, широкими возможностями политической социологии не только к наблюдению и комментированию, но и присущей ей способностью преобразовываться в весьма полезную науку в прояснении существующих в обществе негативных явлений и в применении соответствующих способов их лечения, в формулировании конкретных обобщений и рекомендаций; в-третьих, необходимостью использования социологических методов и нормативов исследования в сфере политики и на этой основе — получение комплексного представления о социологической науке в целом и ее месте в системе гуманитарного знания.

Политическая социология, или социология политики, преподается на социологических факультетах ведущих университетов России. Развертывается подготовка специалистов высокой квалификации в этой области знания. Однако сама наука только формируется. Ее структура, границы составляющих массивов исследования, нормативы, соотношение с другими гуманитарными дисциплинами являют собой на сегодняшний день «экспериментальное поле». Идет интенсивный поиск в определении объектно-предметных характеристик политической социологии, ибо от этого зависит ее дальнейшая жизнь на российской почве. Современное понимание содержания данной дисциплины требует присутствия в ее рамках прошлого опыта становления и развития — зарубежного и российского. Без учета этого фактора любая наука выглядит неполной, «урезанной».

В учебном пособии сделана попытка представить политическую социологию как науку, которую интересует взаимовлияние, взаимодействие индивидов, социальных общностей, политических институтов по поводу возникновения, распределения ■

функционирования власти. Сама же власть рассматривается как волевое отношение двух субъектов, в результате чего один становится властвующим, другой — подвластным. В структуре социологического знания о политике и ее составляющих важное значение имеет понимание действия механизма властных отношений, его влияния на весь спектр отношений, складывающихся на каждом конкретном этапе развития общественной системы, всех ее компонентов. Человеку всегда присуще свойство заглянуть в «неведомое» и «тайное», находящееся зачастую за пределами его возможностей. Срывание «печатей и замков» в политическом действии помогает ему осознать и понимать свое место, свой потенциал, корректировать свое поведение, принимать рациональное решение. С другой стороны, единичное сопереживание, соучастие помогают в разрешении массовых политических недугов, конфликтов, кризисных ситуаций, приводят к стабилизации общественной системы. Политическая социология, используя наработанный инструментарий, исследует формальные и неформальные связи, сообщества, институты, выявляет тенденции и закономерности, предлагает альтернативные варианты решения.

Структура учебного пособия построена таким образом, чтобы читатель мог получить необходимые знания, начиная с общего понимания политики, власти, политических институтов и заканчивая основными характеристиками политического процесса, политической стабильности, политического поведения и политической культуры. Авторы стремились избежать двух крайностей:

— идентифицировать политическую социологию с политологией;

— свести политическую социологию лишь к изучению общественного мнения, политического поведения и электоральной системы.

Данная книга не является научным исследованием, а представляет собой попытку систематизации первоначального материала по политической социологии, что послужило бы импульсом для последующего углубленного изучения всей проблематики, входящей в рамки этой дисциплины.

Предлагаемое учебное пособие робкий шаг на пути заполнения существующего вакуума в одной из важнейших областей социологического знания. Авторы будут признательны всем, кто выскажет пожелания и критические суждения в их адрес.

Учебное пособие подготовлено учеными факультета социологии С.-Петербургского университета доктором соц. наук, проф. В. Д. Виноградовым, доц. Н. А. Головиным.

Виноградов В. Д. — введение, гл. I, гл. II (§ 1, 2), гл. III (§ 1, 3), гл. IV (§ 1, 2), гл. V (§ 1), заключение;

Головин Н. А. — гл. II (§ 3), гл. III (§ 2, 4), гл. IV (§ 3), гл. V (§ 2), гл. VI.

ГЛАВА I

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК ОТРАСЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Задаваясь целью осветить объектно-предметные характеристики политической социологии, ее структуру, функции, основные методы анализа, следует прежде всего ответить на вопрос: что же собой представляет сама политика и почему ей уделяется всегда такое большое внимание? Уяснение этого фундаментального понятия вводит в раскрытие всего содержания политической социологии как науки и как учебной дисциплины.

§ 1. ЧТО ТАКОЕ ПОЛИТИКА?

Понимание слова «политика» восходит к греческому «*politike*», «*politeia*» и интерпретируется как искусство управления государством или как организация общества с помощью государственной власти. Историческая практика расширила содержание политики. Ее многочисленные определения свидетельствуют о сложности и противоречивости данного феномена. Политика рассматривается как:

— участие в делах государства, управление государством, определение задач, содержания и форм функционирования государства;

— участие в формулировании, выражении и представлении индивидуальных и групповых интересов;

— участие в разработке и принятии политических решений;

— деятельность социальных общностей, направленная на удовлетворение своих интересов с помощью власти;

— борьба за власть и ее осуществление;

— отношения между социальными группами, классами, государствами, народами по поводу власти;

— волевое распределение материальных и духовных ценностей;

— концентрированное выражение экономического базиса, экономики;

— устройство общественной жизни с целью обеспечения порядка и безопасности граждан.

Во всех этих определениях явно или подспудно акцентируется внимание на одном явлении — явлении власти, которая постоянно находится в центре политики, а по сути дела является ее главной целью. Данное соотношение можно было бы охарактеризовать следующим образом: «Без власти нет политики, политика без власти мертва». Политика начинается там и тогда, когда между двумя или более социальными субъектами формируются отношения по поводу власти. В последнее время появилась точка зрения, согласно которой феномен «политического» возникает в результате «взаимодействия отношений влияния и властных отношений».¹ В данном случае категория «влияние» отражает естественные процессы распределения ресурсов, компетенций, прав и обязанностей в рамках социальной общности. Причем это «распределение» основано на добровольном согласии между членами общности. Если «отношения влияния» реализуются посредством общественного мнения, убеждения, личного примера, то «властные отношения» нуждаются в материализованной силе, организационных структурах, нормативных актах. И те, и другие взаимосвязаны, но несводимы друг к другу. Они существуют как в официальной, так и в неофициальной форме, например, группы давления, социальные движения, мнение видного ученого, писателя, общественного деятеля.

Думается, для политической социологии добавление, связанное с категорией «влияния», представляет существенный интерес, ибо оно отражает не только формальные, но и неформальные отношения, которые возникают на различных этапах функционирования общества, а также в его составляющих компонентах — в отдельные ситуативные моменты. Другое дело, что в «отношения влияния» часто втягиваются представители официальных властных структур, имеющие самые непосредственные связи с осуществлением и воспроизводством власти как в центре, так и на местах. Тогда само отношение «влияния» перестает быть таковым и трансформируется в чисто «властное». Изучение данного явления, несомненно, прерогатива политической социологии. Сам же феномен «влияния» в политике в его чистом виде является переходным, промежуточным, ибо всякая социальная общность в лице партии, класса, нации, государства стремится с его помощью достичь более осязаемого результата, каковым выступает власть в любом ее виде — частичном или полном.

Взаимодействие по поводу власти возникает как минимум между двумя субъектами, вследствие чего один из них становится властвующим, другой — подвластным, но сохраняющим за собой право занять место первого. Их взаимные переходы,

чередования — это реальная политика в действии. Включение большего количества субъектов в это отношение свидетельствует об усложнении данного процесса, а само его содержание трансформируется в многовариантные исходы с элементами ужесточения политического противоборства. В теоретическом и в практическом плане политика возникает на этапе осознания социальной группой своих интересов, их рационального формулирования, выражения и представления на «всеобщий форум». Именно здесь появляется возможность выявить сходства и различия интересов различных социальных общностей, их артикуляции, агрегирования и координации с целью обеспечения целостности и единства всей общественной системы. Основаниями для согласования интересов могут выступать национальные, профессиональные, религиозные, социальные, идеологические, культурные и другие факторы. Правда, эти же факторы могут являться своеобразным возбудителем, ведущим к размежеванию, дезинтеграции социальных общностей.

Внутренние противоречия, вызывающие такие противоположные значения, заложены в содержании самих факторов, где «варится» совокупность, комплекс политических действий. В центре всех взаимоотношений, взаимовлияний находится власть, ее завоевание, распределение и использование. Политика, следовательно, представляет собой отношения, возникающие на уровне социальных общностей по поводу власти. Материализованным выражением политики, как правило, выступают не сами социальные образования, а их структурно организованные институты, которые непосредственно разрабатывают и осуществляют программы деятельности на долго- или краткосрочную перспективу. Совокупность всех институтов, существующих в обществе, их отношений между собой, взглядов, норм и настроений составляют политическую систему. Характер взаимодействия ее составляющих приводит к пониманию политического режима, который фактически означает способ осуществления реальной власти в обществе. Историческая практика дала несколько типов политических режимов: демократический, авторитарный, тоталитарный.

Демократический режим основан на участии всех граждан и социальных групп в осуществлении власти через использование различного рода представительных учреждений. Приоритетное значение придается обеспечению прав человека, его свободному развитию. В статье 1 Всеобщей Декларации прав человека, принятой Организацией Объединенных Наций 10 декабря 1948 г., зафиксировано: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». При авторитарном режиме власть осуществляется одним лидером или коллективным органом, игнорирующими право и представительные учреждения. Вовлечение в систему управления представителей различных институтов, как правило, сочетается с

¹ Амелин В. Н. Социология политики. М., 1992. С. 13.

опорой на бюрократический и полицейский аппарат, на меры принудительного и даже насильственного характера. Тоталитарный режим характеризуется узурпацией власти одним лицом, диктатором и его окружением. Демократические свободы полностью ликвидируются. Понятие «тоталитаризм» (всепроникающий, всеохватывающий) было предложено итальянским философом Дж. Джентиле и впервые использовано Муссолини для характеристики фашистского режима. Многие исследователи считают, что для выяснения содержания этого явления важнейшими выступают следующие элементы:

- господствующая идеология — комплекс политических доктрин, пронизывающих экономику, культуру, общественную и личную жизнь, которые должны разделять все граждане;

- существование одной партии, приверженной тоталитарной идеологии и возглавляемой диктатором;

- секретная полиция, выискивающая и наказывающая всех, кто зачисляется во враги режима;

- монопольный контроль диктатуры за экономическим развитием общества, средствами массовой информации и вооруженными силами.²

Внутренняя структурированность политики представляет собой результат взаимоотношений как формальных, так и неформальных социальных образований между собой и с властными структурами. Исходные данные подобных взаимоотношений служат основой для разработки повседневной практической политики, которая дифференцируется по разным основаниям. Являясь в этом плане совокупностью управленческих решений и действий, она выполняет в каждом государстве внутренние и внешние функции. Внутренняя политика — это целенаправленная деятельность всех государственных и политических институтов, обеспечивающая функционирование и развитие данного государства в рамках его границ. По объекту функционального воздействия можно говорить об экономической, социальной, культурной, национальной, военной, экологической, технической и т. д. политике. Каждая из них имеет свою структуру, функции, приоритетные направления развития в зависимости от уровня и этапа состояния всего общественного организма. Внешняя политика, являясь логическим продолжением внутренней, обеспечивает сохранение существующей в обществе системы отношений от негативных воздействий извне и сотрудничество с другими государствами в самых разнообразных сферах. Она служит формированию цивилизованных принципов взаимодействия между народами и государствами, исключая силовую, военную или конфликтную варианты. Становление и углубление мирового политического порядка, гло-

бализация проблем — экологической, энергетической, сырьевой, ядерного вооружения, ставящих на повестку дня вопрос выживания человечества, все это должно находить свое место во внешнеполитических концепциях любого государства.

Политика может различаться по носителям, субъектам власти: государственная, партийная, молодежная, профсоюзная, диктаторская и т. д. Приоритетной в данном спектре выступает государственная политика, ибо она осуществляется от имени главного субъекта средоточия властных функций — государства, без которого вообще невозможно функционирование политической системы. Только в политике государства могут находить выражение интересы и потребности всех классов, социальных групп, наций, всех членов общества. Государство призвано уравнивать социальные противоречия, нейтрализовать и гасить возникающие конфликты, обеспечивать социальный порядок и преемственность общественного развития.

Практическая политика характеризуется также масштабом охвата и сроками действия. Каждое государство, независимо от его величины, вносит свой вклад в мировую, региональную, локальную политику, политику блоковых союзов экономического и военно-политического характера. Сегодня в мире существует около 200 государств с их несовпадающими интересами, целями в самых разных областях деятельности. Данное обстоятельство вынуждает вести согласование, стыковку политических, военных, дипломатических и иных действий субъектов международного права. Структурно-мировая политика складывается из следующих компонентов:

- внешнеполитическая деятельность суверенных государств и их отношений между собой;

- деятельность региональных межгосударственных и надгосударственных образований;

- деятельность ООН и других организаций, созданных национальными государствами на основе добровольного согласия. Разумные и долгосрочные политические компромиссы между государствами становятся единственной возможностью в сохранении мирового порядка, его упорядочения и стабильности. Мировое сообщество вправе рассчитывать на то, чтобы каждое государство проводило свою внешнеполитическую деятельность на основе учета нескольких факторов:

- исключение в международной политике конфронтационных элементов, ведущих к локальным конфликтам и войнам;

- использование в международных отношениях исключительно мирных переговоров в рамках общего согласия, консенсуса;

- соблюдение, уважение суверенитета и интересов партнера.

Наконец, важнейшее значение в политической социологии имеет проблема соотношения человека и политики. Двойствен-

² Гидденс А. Политика, управление и государство // Рубеж. 1992 № 3. С. 102.

ная роль человека по отношению к политике, вступает как бы в противоречие с провозглашаемыми постулатами о социальной справедливости, свободе, законности, равенстве. В одних случаях человек выступает творцом политики, в других — ее рабом. Уникальность, неповторимость, самоценность человеческого индивида соседствуют с подавлением, угнетением, нивелированием его личных качеств. Как быть, как преодолеть отчуждение человека от собственности, им же созданной, и от власти, им же придуманной? Эти извечные вопросы постоянно сопутствуют человеческой жизни. Человек — не абстрактная субстанция, а «мир человека, государство, общество».³ Не случайно молодой К. Маркс поставил эти взаимосвязанные понятия в один ряд. Изначальная цель политики — служение человеку, раскрытие его уникальных способностей, создание для каждого члена общества необходимых условий в его самосовершенствовании, ибо его жизнь слишком кратковременна в общем процессе мироздания. В этом заключается гуманизм политики, ее предназначение. Человек чувствует себя раскрепощенной личностью тогда, когда «правовое государство, общество» гарантирует его благополучие, способствует реализации его потенциальных возможностей, защищает собственность, а тем самым и его свободу. С другой стороны, самореализация человека наступает в том случае, если он сам деятелен в выполнении своей социальной роли, в утверждении социального статуса в микро- или макросреде. Свое внутреннее равновесие человек обретает не только с помощью внешних политических, социальных и иных воздействий со стороны властных структур, но и благодаря своим стремлениям участвовать в совместной деятельности людей, направленной на улучшение функционирования реально существующего или провозглашенного правового общественного организма.

«Человек и политика» — это отношение прямой и обратной связи, ведущее в конечном счете к гармонизации человеческого общежития, к элиминированию в нем негативных проявлений.

§ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Дискуссии о политической социологии, как, впрочем, и вообще о социологии, их месте в системе гуманитарного знания ведутся давно. Основным предметом спора выступает соотношение между политической социологией, политической наукой или науками и политологией.⁴ Обозначились две точки зрения,

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 414.

⁴ Политическую науку, политические науки, политологию можно назвать абсолютно тождественными. Различие в их названии касалось, прежде всего, периода их становления в разных странах.

согласно которым, во-первых, политическая социология как часть социологической науки является совершенно самостоятельной; во-вторых, политическая социология и политология в теоретико-методологическом и категориально-понятийном плане малоразличимы и даже идентичны. Не втягиваясь в бесконечный спор, заметим, что доля правды присутствует и здесь, и там.

В историческом аспекте становление политической социологии происходило параллельно с социологией и во взаимодействии с политологией. В 1839 г. Огюст Конт в IV томе «Курса позитивной философии» ввел в обращение понятие «социология». Социологические же принципы исследования общества и его политической надстройки разрабатывались и применялись в трудах Платона, Аристотеля, Макиавелли, Гоббса, Локка, Монтескье. Их имена лежат в основании как социологической науки, так и политической науки и политической социологии. Первые кафедры политической науки появились в Европе и США в конце XIX — начале XX в., а политическая социология в качестве отдельной науки утверждается в западных странах в 30—50-х годах XX столетия.

Идеи Платона о единстве, всеобщности, целостности, справедливости государства, о разделении труда, лежащем в его основе, следует назвать первыми политико-социологическими абстракциями, носящими утопический характер. Аристотель в «Политике», используя метод научного наблюдения, сравнительного анализа, пришел к выводу о том, что государство является высшей формой социальных связей между людьми. Следовательно, человек есть по своему предназначению существо государственное, политическое. Политика же, как наука о государстве, обязана научить человека искусству управления и умению выбирать наиболее подходящий тип государственного устройства.

Эпоха Возрождения привнесла в политическую науку светский характер. Это связано с именем Н. Макиавелли, который в «Государе», посвященном Лоренцо Второму Медичи, посредством наблюдения, сравнения и социологических обобщений проводит «клиническое» исследование власти и ее носителей. Таким образом, политическая наука освобождается Макиавелли от теологического владычества и определяется им как наука о государстве, как наука о власти. Теологическое морализирование о том, что должно быть, заменяется по сути дела социологическим подходом — что есть в действительности.

Проблема соотношения человека, государства, общества нашла свое блистательное продолжение в трудах Гоббса, Локка и Монтескье. Двум последним принадлежит формулирование теории разделения властей в государстве. Известный французский социолог Р. Арон, характеризуя вклад Монтескье в социологию, заметил, что он — «не предвестник социологии, а

один из основоположников социологической доктрины... и стремится трактовать все аспекты человеческой общности с социологической точки зрения».⁵

Краткий экскурс в историю политических исследований свидетельствует о тесной взаимосвязи политической социологии и политической науки. Да и последующие не менее известные представители научного знания в этой области заботились не о том, к какой науке отнести свои изыскания, а больше о том, как лучше и качественнее их провести, чтобы получить объективную или близкую к реальной картину действительности. М. Вебер, В. Парето, М. Острогорский, Р. Михельс, Ч. Мерриам, Г. Лассуэл, Т. Парсонс, М. Дюверже, Р. Миллс и многие другие исследовали политику и составляющие ее компоненты через изучение социальной макро- и микроструктуры, формальных и неформальных социальных институтов, общественного мнения и политического поведения, политической культуры и политического лидерства, политических партий и системы парламентаризма, человека и социальной общности во всем многообразии их характеристик и отношений. Они внесли в сферу исследования политики новые понятия и категории, которые используются сегодня социологической наукой.

Политическая наука, как более ранняя и самостоятельная область знаний, занимается исследованием политической жизни общества как на общетеоретическом уровне, так и на уровне теорий среднего уровня и эмпирическом. Известно, что во многих университетах США отделения политических наук были созданы в конце XIX — начале XX в., а Американская ассоциация политических наук образовалась в 1903 г. В европейских университетах этот процесс проходил значительно позднее. Международный коллоквиум политологов, организованный под эгидой ЮНЕСКО в Париже в 1948 г., определил четыре группы тем, изучаемых политической наукой:

- политическая теория и история политических идей;
- политические институты и их сравнительный анализ — конституция, центральное, региональное и местное правительства, государственная администрация, экономические и социальные функции правительственных органов;
- политические партии, группы и ассоциации, участие гражданина в правительстве и госадминистрации, общественное мнение;

— международные отношения — международная политика, организации и право.⁶

После второй мировой войны политическая социология пытается «вырваться» из-под опеки политической науки. Это стре-

⁵ Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Пер. с франц. М., 1993. С. 33, 76.

⁶ Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология / Пер. с франц. Ч. I. М., 1992. С. 59.

мление часто поддерживалось формированием общественного мнения в научных кругах с помощью высказываний авторитетных ученых, введением этой дисциплины в учебные планы университетов. В 1957 г. Р. Бендикс и С. Липсет предложили самостоятельную проблематику для изучения политической социологии:

- поведение электората в избирательных кампаниях, анализ общественного мнения;
- процесс принятия политических решений;
- идеология политических движений и групп давления;
- политические партии, группировки и проблема олигархии;
- управление и государственная администрация.

Разграничивая политическую науку и политическую социологию, они утверждали, что обе науки исследуют проблемы осуществления и разделения власти в обществе. Однако политическая социология не изучает институциональные условия реализации власти, а принимает их как данное. Вывод их таков: «Наука о политике исходит от государства и исследует, как оно влияет на общество, в то время как политическая социология исходит из общества и исследует, как оно влияет на государство, то есть на формальные институты, которые занимаются осуществлением и разделением власти».⁷

Программа учебного курса политической социологии в Джорджтаунском университете США включала следующую тематику:

- способы взаимовлияния общественных организаций гражданского общества на политическую структуру, политические процессы и принимаемые решения;
- общественное мнение и голосование электората на выборах;
- государство и его отношения с гражданским обществом;
- демократический и тоталитарный варианты общественного развития;
- политические кризисы;
- социальные движения и социальные конфликты, в том числе и революции.

Заметим, что и в первом, и во втором случае набор тем примерно одинаков. Идентичным является и макросоциологический подход к формулированию проблематики. Разумеется, он предполагает исследование общественных явлений и на микроуровне. На этой основе возможно построение соответствующих частных выводов, которые позволяют корректировать более широкие обобщения. Результаты этих исследований могут носить как долговременный, так и кратковременный характер в значительном диапазоне — как осознается человеком, малыми

⁷ Bendix R., Lipset S. M. Political Sociology // Current Sociology. 1957. Vol. VI. N 2. P. 87.

и большими социальными общностями, политическими и иными организациями существующая на сегодня политическая реальность, система властных отношений, авторитет лидеров высшего и среднего звена, реализация прав и свобод граждан и т. д.

Польский социолог Е. Вятр, поддерживая точку зрения о строгом разграничении политической социологии и политической науки, предлагает наряду с ними новое понятие — «социология политических отношений». Его интересное исследование, переведенное на русский язык в 1979 г., носит именно такое название.⁸

Согласно Е. Вятру, социология политических отношений — это часть социологии, объясняющая борьбу за власть и ее осуществление в установившихся формах социальной жизни и указывающая на объективные предпосылки этих явлений и их влияние на жизнь общества. Результаты исследований данной науки составляют эмпирическую основу социологической теории. Специфичность политической науки заключается в равнозначности составляющих ее дисциплин, а не в преобладании какой-либо из них.

Большинство наших авторов, идентифицируя объектные области политической социологии и политологии, придерживаются мнения о том, что предметное содержание этих наук различное. Саму политологию предлагается рассматривать в широком и узком плане. В первом случае в рамках данной науки, принимающей характер «собираемости», выделяются теория политики; история политических учений; политическая социология; теория международных отношений. Предлагается иногда включать сюда также и такие дисциплины, как политическая философия, политэкономика, политическая психология, политическая статистика, теория государства и права, политическая экология. Подобное расширительное толкование политологии нельзя назвать правомерным. Следуя этой логике, можно прийти к выводу о том, что все гуманитарные науки, в том числе и такие, как языкознание, литературоведение, искусствоведение и другие, можно отнести к политологическим, ибо общеизвестно, что любая деятельность человека содержит политическое отношение, а каждая социальная общность имеет политический аспект.

Более предпочтительной и аргументированной выглядит точка зрения, согласно которой политология трактуется как общая теория политики, синтезирующая полученные знания и выступающая методологической основой для частных политических наук, в том числе и для политической социологии.⁹

⁸ Вятр Е. Социология политических отношений / Пер. с польск. М., 1979.

⁹ Белов Г. А. О системе политических наук и политологии // Вестн. Моск. ун-та. Социально-политические исследования. 1991. № 1. С. 46—49.

Тогда и сам предмет последней конкретизируется и принимает реальные очертания. Для политической социологии важен прежде всего анализ взаимодействия индивидов, социальных общностей и политических институтов по поводу власти; исследование механизмов превращения социального в политическое, а конкретно — как формируется и выделяется из социальной общности носитель политической власти, политический субъект.¹⁰ В этом случае политическая социология может давать «снятый» материал конкретного характера для общей теории политики.

Следуя за образным выражением Н. Дж. Смелзера о том, что социология — это «способ изучения людей»,¹¹ можно также принять следующее положение: политическая социология — это способ изучения человека, социальных общностей в сфере политического процесса. Являясь политической главой социологии, она в то же время выступает в качестве составного элемента политологии как науки, имеющей методологический и мировоззренческий характер. Ранее говорилось о том, что изначальные истоки и той и другой являются идентичными. Однако их пути «расходятся» по набору предметных областей знания и по уровню абстракции. Это «расхождение», конечно, условное, ибо зачастую трудно, да, видимо, и невозможно утверждать, что в данном месте кончается политология и начинается политическая социология, и наоборот.

Исследуя поведение человека в политическом процессе, его реакцию на действия властных структур, место и роль социальных общностей, политических институтов в жизни любого общества, политическая социология обнажает, фиксирует реальный мир, реальную ситуацию во всей их противоречивости — будь то стабильность или конфликтность в обществе; ангажированность человека в политике или его нейтральность, а, возможно, и отвращение к ней; авторитет политического лидера или его неумение найти выход из рядовой ситуации; престиж политической партии и общественного движения или «глас вопиющего в пустыне» и т. д. В этом своем качестве она сама использует данные других наук — социальной антропологии и психологии, истории и этнографии, правоведения и географии, экономики и социальной экологии. Ее собственные объектно-предметные сферы зачастую «перекрываются» воздействием вышеприведенных дисциплин и неожиданно приносят сверхпозитивный эффект. Например, в психологии прочно обо-

¹⁰ Тощенко Ж. Т., Бойков В. Э. Политическая социология: состояние, проблемы, перспективы // Социологические исследования. 1990. № 9. С. 22—28; Политическая социология, политология, социология международных отношений: Круглый стол // Социально-политические науки. 1991. № 7. С. 55—83; Амелин В. Н. Социология политики. С. 14—15.

¹¹ Смелзер Н. Дж. Социология М., 1994.

сновалась не без влияния политической социологии отдельная область знания — политическая психология, исследующая психологические мотивы поведения человека в политике, психологическое понимание и объяснение его поступков в этой сфере общественных отношений. Автономной областью исследования в биологии становится политическая биология. Эти «отпочкования» от традиционных дисциплин вызываются не прихотью заангажированного ученого, а необходимостью понять и осмыслить сложное явление или факт на уровне междисциплинарных исследований, которые получают сегодня вполне закономерное развитие. Такая разнородная проверка помогает получить картину, близкую к истине.

Устойчивые связи существуют между политической социологией и статистикой, социолингвистикой, логикой. Функциональный аспект этих взаимоотношений очевиден. Движение информационного потока и его обработка получают свое завершение в формулировании неких гипотез или представлений, где учитываются данные этих наук в чистом виде. Речь идет не о «социологическом ополитичении» названных дисциплин, а, наоборот, о привнесении определенной доли нейтральности из их сферы в политическую социологию, которая не в состоянии выполнять в очередной раз роль «служанки» при дворе вождя. Если такая ситуация повторится, то ей уготована незавидная и короткая жизнь. Способ лечения негативных явлений с помощью политической социологии предполагает ее полную неангажированность в политических пристрастиях и объективность.

Поскольку политическая социология призвана вскрывать социальные недуги общества, она не может обойтись без установления взаимодействия с науками, имеющими в своей структуре стабильные нормы и обладающими большим практическим опытом. Сюда можно отнести этику и педагогику, теорию управления и теорию прогнозирования. Политическая этика и теория политического прогнозирования в нашем обществе только сейчас начинают открывать и использовать свои методы исследования, распространяя их и на другие ветви гуманитарного знания.

Становление нового политического порядка в России, функционирование всех видов власти свидетельствуют об элементарной неграмотности большинства чиновников как в практическом управлении, так и в педагогических навыках. Бюрократизация общества должна прекратить свое «победное шествие» и уступить место свободному развитию человека и его праву прожить достойную жизнь.

Вместе с другими гуманитарными науками политическая социология может успешно вести изучение этих явлений, а возможно, и способствовать возрождению былой социальной ответственности и надежности российского человека.

Итак, политическая социология, взаимодействуя с довольно обширным набором родственных дисциплин, может активно развиваться сама и одновременно давать соответствующие импульсы для «самовоспроизводства» иным наукам. Ее объектно-предметные области знания подвижны, флуктуационны, как и само общество со всеми его основными характеристиками. Если ее объектный ареал в основных чертах в настоящее время совпадает с политологическим, то это не означает, что данное соотношение сохранится и в будущем. Обе области социального и политического знания являются слишком молодыми, чтобы их содержание и границы оставались неизменными. Утверждение о том, что политология как общая теория политики, призванная изучать совокупность механизмов между властвующими и подвластными, сферу «социальных интересов и институтов по поводу завоевания, организации и функционирования политической власти»,¹² как раз и свидетельствует не только о едином научном поле, но и о многоцветьи переменных величин, содержащихся в нем. Интерес к нему политической социологии может быть тем больший, чем более разнообразным будет спектр переменных в противовес единственной заданной «плоскости».

Категория власти в ее многомерных ипостасях привлекает еще и тем, что она неуловима для понимания в рамках лишь одной науки, как неуловимы также воля и знание властвующего. Верно подмечено: «Знание наделяет власть осмысленностью, предсказуемостью; воля сообщает ей пафос активности». ¹³ Поэтому политическая социология наряду с политологией, используя свои предметные подходы и исследовательский арсенал, изучает эти явления.

Взаимосвязи, взаимопереходы социального и политического — вот что прежде всего интересует политическую социологию. В центре этих отношений находится сам человек с его социальными, политическими, культурными, психологическими и иными характеристиками и, конечно, с его стремлением к участию в политическом процессе, к участию в осуществлении всей той же власти. Это представляет собой своеобразное исходное начало предметной области политической социологии, а ее продолжение и условное завершение заключается в исследовании процесса создания совокупностей индивидов, их формального или неформального оформления, функционирования и взаимодействия как на горизонтальном, так и на вертикальном уровне по поводу власти и ее распределения в интересах конкретного человека. Фактически происходит возвращение всего процесса исследования к исходному началу — к отдельному инди-

¹² Артемов Г. П., Сморгунов Л. В., Соловьев О. М. Политология: Методические указания к курсу. Л., 1991. С. 3—4.

¹³ Ильин В. В. Власть // Вестн. Моск. ун-та. Социально-политические исследования. 1992. № 3. С. 11.

виду, его интересам и потребностям. Цикличность самого процесса, его изменяемость, продолжительность, набор инициирующих компонентов зависят от многих слагаемых и преимущественно от характера политической системы, ее основных элементов и отношений между ними, норм, взглядов, настроений. В свою очередь, политическая система, которая может находиться в состоянии относительной стабильности или конфликтности, испытывает прямое или косвенное воздействие со стороны социальных общностей, их политических представительств, отдельных индивидов. В данном случае как раз проявляется более всего «отношение влияния», о чем был разговор выше. Способы влияния, давления всех социальных образований на властные структуры зависят от уровня цивилизованности общества, его социально-исторического прошлого, а в конечном счете — от уровня его политической культуры.

Резюмируя сказанное, еще раз акцентируем внимание на том, что при идентичности объектных областей политологии и политической социологии они имеют свои специфические предметные сферы исследования. Предметом политической социологии является изучение взаимодействия индивидов, социальных общностей, политических институтов по поводу возникновения, распределения и функционирования политической власти.

Исходя из данного подхода, попытаемся определить функции, структуру политической социологии, ее научные методы и базовые категории.

§ 3. ФУНКЦИИ, СТРУКТУРА, МЕТОДЫ, ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ

Функции любой науки вытекают из сферы ее теоретических предпочтений, практического применения ее выводов и рекомендаций. Политическая социология как самостоятельная отрасль знания обладает рядом функций, которые определяют ее место в иерархии других наук и в системе гуманитарного знания. Ей свойственны как общие, так и специфические функции, внутренние присущие этой науке. К функциям общего характера относятся: теоретическая, гуманистическая, прикладная, прогностическая.

Политическая социология способна накапливать соответствующие знания, сравнивать их с имеющимися, синтезировать, получать новый их уровень в обобщенном или дифференцированном виде. Она не только поставляет эмпирический материал (для этого не надо изобретать новую науку), но и способна на теоретические выводы высокой степени абстракции. История ее существования, современное состояние как за рубежом, так и в России подтверждают данный факт как состоявшийся. Политическая социология, изучая взаимосвязи социальных и политических явлений, тем самым обозначила глубо-

кое единство всех социальных дисциплин, подтвердила и свое право на существование как теоретической науки.

Гуманистическая функция выражается в выявлении и реализации с помощью социологической интерпретации механизма взаимодействия человека, социальных общностей, государственных институтов, реальных способов достижения свободы личности, ее приоритетных интересов над интересами государства. Культ человека, его права, потребности, его каждодневная жизнь, связанная с выявлением мнения, настроения, отношения к тому или иному факту социальной действительности, — все это относится к сфере социологического анализа. Тем самым посредством социологии реализуется один из основополагающих принципов в формировании правового государства.

Прикладная функция заключается в сборе необходимых данных, их обработке и использовании, в совершенствовании политического управления, в предотвращении и разрешении социальных конфликтов, в оптимизации функционирования политической системы, в сохранении стабильных отношений в обществе. Политическая социология применяет выработанные практикой и обновляемые теоретическим знанием средства, методы научного анализа этих сложных явлений. Рекомендации социологических служб помогают совершенствовать законодательство, корректировать информационно-пропагандистские направления средств массовой информации, разрабатывать и использовать различные управленческие доктрины, организовывать систему социальной защиты людей в условиях перехода к рыночным отношениям.¹⁴

Прогностическая функция основана на создании политических программ с помощью выявления основных тенденций политического процесса, его моделирования в многовариантных, альтернативных аспектах с учетом мнения экспертов в самых различных областях знания. В основе прогнозирования лежат разнообразные потребности развития общественной системы при обеспечении и сохранении существующих властных отношений. Политическое прогнозирование может иметь долговременный и кратковременный характер. Применение научных методов прогнозирования обычно варьируется в зависимости от поставленной цели и содержания прогнозируемого феномена: экстраполяция, аналогия, составление сценариев, экспертная оценка.

Помимо общих функций политической социологии присущи конкретные функции, которые носят более целенаправленный и рациональный характер: получение нового знания; информационное обеспечение политических решений; поддержа-

¹⁴ Политическая социология: методическое пособие / Под ред. А. А. Резника. Л., 1991. С. 7—8.

ние политической стабильности в обществе; политическая социализация.¹⁵ Сюда можно добавить функцию обеспечения социальной и политической преемственности, связи в развитии общества, ибо любая социальная наука обязана хранить «память» о прошлом, анализировать с учетом этого существующие реальности и рассматривать будущее.

Выполнение политической социологией своих функций зависит от многих слагаемых, среди которых важнейшими являются уровень подготовленности, оснащенности и организации социологической науки; качество профессиональной подготовки социологов; взаимодействие с другими отраслями научного знания.

Структура политической социологии имеет на сегодняшний день неустоявшиеся границы, так как дискуссии о ее содержании, объектно-предметных характеристиках продолжаются. Ее целостность и устойчивость обеспечиваются своим набором, строением проблем и связей. Необходимым условием ее структурного образования выступает «близость» к социологии и политологии. На этой основе можно назвать «проблемный скелет» политической социологии: классические источники социологического знания за рубежом и в России, их развитие и современное состояние данной науки; социальные основы власти, ее типология, функционирование в гражданском обществе; участие человека в осуществлении власти, необходимые и возможные взаимосвязи в этом процессе; элитаризм и бюрократия; политический процесс и его материальная основа; концепция правового государства и ее осуществление в условиях социальных реформ; основные виды выражения политической активности человека — партии и социальные движения; соотношение политической стабильности, политического конфликта, кризисной ситуации в обществе; возможности и пределы политического поведения; политическая культура как социальный опыт и выражение цивилизованности общества; социализация и ее влияние на формирование политической культуры; избирательная система как социальный институт и как атрибут политической культуры общества.

Названная структура не является неизменной. Ее объем и границы, несомненно, будут изменяться вместе с уточнением предмета исследования и места в системе других гуманитарных дисциплин. Основной акцент в обозначенной структуре сделан на измерении социальных связей в политическом процессе, их воздействии на существующие реальности. Переплетение социологической и политологической проблематики является закономерным, ибо обе науки «вырастают» на одинаковой

¹⁵ Амелин В. Н. Социология политики. С. 5—10.

базе, используют во многом идентичный категориальный аппарат, исследовательские приемы и методы.

В переводе с греческого метод означает буквально путь, способ исследования. В конкретном анализе это прежде всего совокупность приемов, операций, процедур познания социального явления. Методы анализа, как правило, основываются на методологических принципах построения, нормах научно-познавательного процесса. Во всяком исследовании в качестве важнейших элементов методологии выступают: постановка проблемы, построение теоретической модели, верификация результата с точки зрения его истинности, достоверности. Все научные методы, используемые в политической социологии, обычно разделяются на теоретические и эмпирические. К первым, имеющим высокий уровень обобщения, относятся: исторический, сравнительный, системный, структурно-функциональный, метод моделирования.

Исторический метод представляет своего рода реконструкцию явления в ее исторической протяженности, как эмпирически наблюдаемой последовательности сменяющих во времени друг друга фактов. Как утверждает Р. Арон, и с ним можно согласиться, «цель социологов — сделать максимально, до предела понятным то, что не было таковым в реальности, выявить смысл того, что было пережито, даже тогда, когда этот смысл в жизни людей не был осознан».¹⁶

Сравнительный метод — один из важнейших в социологической науке. Э. Дюркгейм называл сравнение основным рабочим инструментом, а изучение «сходства и различия» в различных сферах и на разных уровнях общественного развития — лучшим средством открытия социологических законов. В «Правилах социологического метода» он писал: «Объяснить социальный факт любой сложности можно лишь при условии наблюдения за цельным развитием его во всех видах общества. Сравнительная социология — не особая ветвь социологии: одна и та же социология как таковая перестает быть чисто описательной и стремится объяснять факты».¹⁷ В сравнительном анализе более всего удобно применение рабочих методик, в частности статистического, корреляционного и факторного анализа, личных наблюдений, анкетных опросов, определенных гипотез.

Системный подход способствует выяснению каждого явления с точки зрения его целостности и места в круге других явлений социальной действительности. В политической социологии этот метод представляется перспективным, ибо по своей сущности большинство объектов исследования отличаются своей «системностью». Особенностью данного метода является со-

¹⁶ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. С. 512.

¹⁷ Цит. по: Там же. С. 368.

здание единой модели объекта, ясной постановки проблемы, подчинение этой цели всей совокупности составляющих. Если данные требования не соблюдаются, то может возникнуть ситуация, при которой результат исследования будет совершенно иным и по иной проблеме.

Структурно-функциональный анализ представляет собой своего рода конкретизацию системного метода. Его содержание заключается в расчленении объекта на составные элементы и изучение их отношений, в определении места и роли этих элементов в функционировании объекта как единой целостности при его взаимодействии с внешней средой. Этот метод чаще всего применяется при изучении социальных механизмов, обеспечивающих устойчивость и стабильность социальной системы. В качестве «строгих» регуляторов системы выступают нормативные ценности и предписания.

Метод моделирования использует широкий ряд исследовательских приемов, имеющих как самостоятельный характер, так и входящих в качестве отдельного элемента в иные методы научного анализа. Модель представляет собой определенную систему суждений и выступает не только в качестве заменителя конкретного объекта, но и в качестве его аналога. Смоделированное представление о чем-либо дает возможность изучить как внешне наблюдаемые явления и отношения, так и различные их варианты, включая, конечно, альтернативные. Данный метод может использоваться и как вспомогательный по отношению к другим в организации материала, его обработке, в получении конечного результата. Многие исследовательские приемы включают в себя функции моделирования.

Все теоретические методы являются не только методами политической социологии. Они используются и другими социальными науками, изучающими общественно-политические явления и процессы. Наиболее достоверную картину социального феномена, подвергающегося исследованию, дает одновременное применение нескольких методов. Их заданная совокупность позволяет не просто сфотографировать и описать объект, но и выявить его качественные характеристики и особенности, открыть закономерности его функционирования. Как правило, они употребляются для изучения макросоциальных общностей. Эмпирические методы в этом случае играют лишь вспомогательную роль.

Эмпирические методы, представляющие более конкретизированный тип, разделяются, в свою очередь, на две группы: методы сбора данных и методы анализа. В сборе информации используются самые разнообразные приемы: наблюдение, опрос, анализ документов — личных и официальных, эксперимент. Каждый из них имеет свое «поле применения». Например, включенное или отстраненное наблюдение чаще всего применяется в исследованиях общественного мнения и обще-

ственного сознания, интересов, потребностей различных социальных групп. Метод опроса, включая анкетирование и интервьюирование, используется наиболее широко в изучении жизненных ориентаций и установок человека, межличностных отношений внутри групповых образований, отношения человека к различным аспектам общественной жизни. Анализ документов, официальных, статистических, личных, в том числе биографических, способствует получению данных о деятельности и поведении как социальных общностей, так и отдельного человека. Метод эксперимента, основанный на проверке предположений и данных, полученных с помощью иных методов, подтверждает или ставит под сомнение представительность, обоснованность и объективность проведенного исследования.

Методы анализа имеющихся данных основаны на изучении статистических связей между признаками конкретных социальных объектов, позволяющих определить количество возможных, скрытых, внешне не наблюдаемых комбинаций. Среди них основными являются три: дисперсионный, корреляционный, факторный. В их границах часто используются методы, которые позволяют определить реальное соотношение между двумя и более социальными объектами, установить значимость различий между уровнями объясняющего фактора или признака. В качестве таковых выступают: латентно-структурный анализ эмпирических данных, который позволяет по ответам респондентов на некоторое количество вопросов выявить их распределение по скрытому признаку; метод парных сравнений, балльных оценок, метод ранжирования множественных сравнений.

Дисперсионный метод (дисперсия — от лат. «dispersio» — рассеяние) заключается в выявлении степени отклонения переменных величин от средней и степени влияния на данную переменную иных величин. Этот метод пришел в социологию из математической статистики и теории вероятностей. В статистике дисперсия есть среднее арифметическое из квадратов отклонений наблюдаемых значений случайной величины от их среднеарифметического. В теории вероятности дисперсия случайной величины — это математическое ожидание квадрата отклонения случайной величины от ее математического ожидания.¹⁸

Корреляционный анализ (корреляция — от лат. «correlatio» — соотношение) применяется для изучения статистических связей между переменными признаками социальных объектов. Он основан на математических процедурах исследования зависимости между двумя или более случайными признаками, факторами с помощью исчисления принятых коэффициентов. В отличие от функциональной зависимости корреляция в ма-

¹⁸ Советский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 395.

тематической статистике возникает в том случае, когда зависимость одного признака от другого усложняется появлением нескольких случайных факторов.

Факторный анализ также является одним из методов многомерного статистического исследования вариации признаков, который дает возможность выявить некое количество скрытых комбинаций, подчиненных определенным закономерным тенденциям внутренней взаимосвязи друг с другом и по этой причине изменяющихся независимо от набора иных комбинаций. Этот метод позволяет создавать спектр новых переменных, имеющих значение активных и влияющих на другие переменные величины с пассивным началом.

Изучение социальных и политических явлений с помощью количественных, математических методов может быть дополнено методами интерпретационных и экспертных оценок, ибо в повседневной жизни значительную роль играют субъективные суждения отдельных людей, их социальные и политические установки, культурные, профессиональные ориентации. В этой сфере анализа каждого социального явления важное значение имеют этические нормы, установившиеся в социологической науке, как сугубо нейтральной и не заангажированной в политических пристрастиях отрасли гуманитарного знания.

В изучении объектно-предметных феноменов политическая социология использует категориальный аппарат, слагаемые которого являются в основном идентичными для других гуманитарных наук и прежде всего для политологии. Если центральным понятием политологии выступает власть в ее институциональном значении, как категория, имеющая законченную внутреннюю целостность, то для политической социологии данная категория интересна с точки зрения ее взаимодействия с социальным окружением, социальным ареалом, который оказывается одновременно местом воспроизводства властных отношений. Социальный ареал представляет собой совокупность социальных классов и групп, где генерируются интересы, потребности, идеи, ценности, установки с целью их последующего агрегирования и передачи на «политический форум», на арене которого они имеют возможность реализоваться с помощью политического представительства. Власть — это не только отношение передачи политического воздействия одного субъекта на другой через посредство материально-организованного института, но и непосредственное волевое отношение между двумя субъектами, в результате чего один из них становится властным. Этот уровень прямых связей наиболее интересен для изучения политической социологией, ибо он воспроизводит отношения: человек — человек, социальная группа — социальная группа, а также их взаимовлияние. Для политологии важнейшим является «вертикальный срез» в процессе осуществления власти; для политической социологии, наряду с этим, существенным

выступает распределение и осуществление власти по горизонтали. Например, концепция разделения властей, выдвинутая Ш. Монтескье, это не только система сдержек и противовесов, но в определенном смысле и «горизонтальный» разлив власти с целью овладения и осуществления ею не единицами «избранных», а многими. В этом состоит демократизм любой общественной системы, ее социологическое обоснование, в котором утверждается первостепенное значение социальной действительности и интерпретации бытия человека, окружающей его среды.

Человек создан для того, чтобы действовать, побуждая подобных себе поступать таким же образом на основе единого или одинакового ценностного порядка. Естественным путем образуется совокупность людей, в основании которой заложены характер труда, место проживания, образовательные, культурные, этические традиции и обычаи. Эта реально существующая совокупность людей с набором характеристик субъекта политической деятельности являет собой социальную группу, социальную общность. В ее рамках происходит взаимодействие людей на паритетных началах. Власть «разлита» между всеми, а потенциалом участия в ее осуществлении обладает каждый. Проблема политического участия индивида и ее последующее разрешение возникает в границах социальной общности. В дальнейшем соотношении человека и власти, берущее здесь начало, трансформируется в организацию системы более высокого уровня, содержание которой составляют не сами социальные общности, а сформированные на их основе социальные институты. Последние характеризуются относительно устойчивой формой и типом организации совместной деятельности людей, где присутствуют жестко иерархические отношения между ними. Сама власть концентрируется на «вершине» социального института и распределяется посредством создания представительства большинства. Отношения участвующих в ее распределении индивидов регламентируются юридически оформленными документами, в которых фиксируются их индивидуальные функции и ролевые характеристики, а также формы взаимодействия с внешней средой. Организационное оформление социальных институтов, исходя из их целевых установок и функциональной деятельности, выражается в различных названиях политического и неполитического характера: партии, социальные движения, профессиональные союзы, молодежные, женские объединения, самодельные организации. Все они выступают в качестве субъектов политического действия, участвуя в формировании и функционировании политической системы. Последняя представляет собой совокупность государственных и негосударственных институтов, их отношений между собой, норм, взглядов, идей. Политическая система — это своеобразный «слепок» ее социального аналога в любом обществе. С точки зрения

структурно-функционального анализа функционирование политической системы есть политический процесс. Существуют и другие подходы в понимании данных явлений. Например, политический процесс понимается как формирование и воспроизводство властных отношений, принятие политических решений и их реализация на практике, осуществление контроля за властными структурами. В западной политической социологии политическая система иногда рассматривается как свободное пространство для столкновения политических субъектов, а политический процесс определяется как борьба за власть, статусы и ресурсы между социальными группами, как процесс формирования политических механизмов предупреждения и разрешения социальных конфликтов.

Наряду с понятием «политический процесс» некоторые авторы используют категорию «политическая жизнь», что означает процесс возникновения, функционирования, развития и смены политических систем. Политическая жизнь шире политического процесса и включает все формы жизнедеятельности людей — политическое участие, конфликты, кризисы, реформы, соглашения. Участие каждого индивида в политической жизни предлагается измерять с помощью нескольких групп общих количественных показателей: формы участия в политической жизни; факторы участия; способ участия. К первой группе относятся: работа в различных общественных и политических организациях, участие в выборах органов власти и должностных лиц; в митингах, демонстрациях; в подготовке, обсуждении, принятии и реализации политических решений; выступления на собраниях и т. д. Факторы участия — это характер труда и квалификация, социальный статус, уровень образования, политическая ангажированность, влияние средств массовой информации. Способ участия определяется четырьмя блоками показателей более низкого уровня: мотивационный — потребность участия, интерес к политическим событиям, знаниям; к политической деятельности; познавательный — усвоение основных политических ценностей, понимание политической ситуации во всей ее противоречивости; поведенческий блок — включенность в политическую жизнь, овладение навыками политической деятельности; оценочный — отношение к политическим институтам, степень удовлетворенности результатами личного участия в политической жизни.¹⁹

В конкретных исследованиях применяются более частные показатели-индикаторы, которые способствуют сбору более полной информации с помощью различных эмпирических методов. Это зависит в каждом случае от объекта социологиче-

ского исследования, степени его изученности и использования полученных результатов в социальной практике.

Процесс протекания политической жизни в его содержательно-эмоциональном аспекте зависит от многих слагаемых, среди которых важное значение имеют политическая социализация и политическая культура. Если социализация в ее общем виде связывается с этапами развития социальной природы человека, то содержание политической социализации заключается во включении человека в систему политических отношений, приобщении к политической жизни, усвоении знаний и политического опыта. Потребность, привычка заниматься определенными видами деятельности — это обязательный атрибут человека в процессе его социализации. Усвоенный опыт, воспроизведенный на новом уровне, передается следующему поколению. Эта цепочка бесконечна. Если бы она каким-то образом прервалась, то наступила бы деградация человеческой культуры.

Культура в самом упрощенном варианте — это убеждения, знания, ценности, свойственные для данной группы людей и служащие упорядочению их поведения. Политическая культура при всей ее многозначности основывается на общей культуре и может рассматриваться как способ «воспроизводства политической жизни общества», как «показатель развития политической системы».²⁰ Структурно она включает в себя: культуру политического сознания, культуру политического поведения и культуру функционирования политических институтов. Политическая культура описывает взаимоотношения властных структур, индивидов, социальных групп, наций. В ее основе — социальная ответственность, гражданственность, ангажированность граждан в политической жизни. Уровень политической культуры определяет истоки, протекание и разрешение социальных конфликтов, кризисных ситуаций, характер и продолжительность реформирования общества. Зрелая политическая культура со всеми ее разнородными атрибутами воспроизводит социальные основания устойчивости и стабильности общественной системы.

«Стабильность» как наиболее общая социологическая категория характеризует состояние общества в целом. В основании стабильности лежит относительное равновесие между величинами, которые, с одной стороны, постоянно воспроизводят систему, а с другой — стремятся к ее изменению. Политическая стабильность характеризуется соблюдением законов и установленных норм, прав и свобод граждан, гарантированным обеспечением политического порядка в обществе. Ее состав-

¹⁹ Артемов Т. П., Сморгунев Л. В., Соловьев О. М. Политология: Методические указания к курсу. С. 26–27.

²⁰ Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества. М., 1990. С. 22–25; Шестопал Е. Б. Личность и политика: Критический очерк современных западных концепций политической социализации. М., 1988. С. 84.

ляющие непосредственно соотносятся с элементами политической системы. В основе политической стабильности общества находятся следующие факторы: фактор преемственности в политическом развитии; фактор учета интересов и потребностей всех классов и социальных групп; фактор разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную; фактор согласия и компромисса.

Категориальный аппарат политической социологии не ограничивается вышеприведенным перечнем. Представлены наиболее общие и широко используемые понятия, которые отражают в основном специфику этой отрасли знания. Краткая и не во всем бесспорная характеристика социологических категорий свидетельствует о трудностях становления и развития политической социологии.

ГЛАВА II

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

§ 1. КЛАССИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Каждая отрасль научного знания имеет в своем основании имена людей, внесших наибольший вклад в становление и развитие ее фундаментальных положений, без которых и сегодня немыслимы ее генетические и функциональные характеристики на современном уровне естественных и гуманитарных знаний. Политической социологии в этом смысле «повезло». Ее формальная институционализация произошла тогда, когда в аналах истории человеческой цивилизации уже находились блистательные труды Платона, Аристотеля, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш. Монтескье и других мыслителей. Каждый из них по-своему изучал, описывал и пытался улучшить «человеческое общежитие». Но всех их объединяло стремление понять и обобщить на основе имеющихся данных характерные образы социальных и политических явлений, их взаимодействие и преемственность. Они фактически освободили социальные науки от метафизики и теологического морализирования и привнесли в них социологическое видение фактов.

В XIX — начале XX в. ареал политической социологии пополнился именами М. Вебера, В. Парето, Р. Михельса и др. Многоаспектность их подходов в изучении политики, властных отношений в каждом обществе сочетается с номотетическими обобщениями и фундаментальными выводами, которые вошли в историю социологической мысли в качестве классических: феномен бюрократии, вождистской демократии и форм господства у Вебера; элитарная теория Парето; «железный закон олигархии» Михельса.

ПЛАТОН

(427—347 до н. э.)

Тема взаимодействия человека, общества и государства изложена в следующих трудах Платона: «Государство», «Законы», «Политик».

Мыслительный процесс, по Платону, есть «разговор души с самой собой о былых встречах с Богом». В описанном им идеальном государстве, где господствуют единство и гармония, высшей нравственно-политической ценностью является идея справедливости. Государство признается справедливым тогда, когда имеющиеся в нем три различных сословия: правители-философы, стражи-воины, толпа — земледельцы, ремесленники и т. д. — делают лишь свое дело. Справедливость состоит в том, чтобы «заниматься своим делом» по своим природным задаткам и не вмешиваться в чужие дела. Чем значительнее социальные различия между сословиями, тем прочнее единство и целостность государства. У каждого сословия существуют свои «добродетели»: мудрость необходима для управления государством и присуща философам; мужество — свойство воинов; рассудительность — гармония души отдельного человека и государства в целом, которая достигается в результате преобладания лучшей части над худшей и присутствует у всех граждан и сословий; справедливость — высшая добродетель, присущая всем — от ребенка до правителя. Иерархия всех этих «добродетелей» по сути дела есть средство обоснования и узаконения социальной иерархии.

Формы государственного устройства и правления Платон связывает с состоянием души человека. В идеальном государстве душа человека находится в состоянии гармонии. Поскольку существует один вид высшей добродетели — справедливость, а видов порочности — множество, то идеальная форма государства извращается. В реальности существуют лишь порочные формы государственного устройства и правления и соответствующие виды склада человеческой души: тимократия, олигархия, демократия, тирания. Данные формы государственного правления постоянно сменяют друг друга и образуют вечный и неизменный круговорот. То же самое происходит с человеком, который все более развращается, проходя через соответствующие стадии: от тимократического человека — через олигархического и демократического — к тираническому.

Все эти идеи Платона о единстве и справедливости государства, о разделении труда, лежащем в его основе, о формах государственного устройства следует назвать первыми политико-социологическими абстракциями, которые имеют для нас значение важного исторического свидетельства.

АРИСТОТЕЛЬ (384—322 до н. э.)

Социально-политические идеи Аристотеля изложены в следующих его трудах: «Политика», «Никомахова этика».

Государство, по Аристотелю, является высшей формой социальных связей между людьми, что, согласно возведенному

во всеобщее правило принципу добродетели, способствует достижению счастливой жизни. Все цели и задачи человека могут быть им реализованы только в политическом общении, в государстве и посредством его. Сама политика как наука о государстве обязана научить человека управлять государством, умению выбирать тип государственного устройства. Аристотель изучил и описал государственное устройство 158 греческих полисов, из которых до нас дошла лишь «Конституция афинян».

По Аристотелю, государство есть продукт «естественного возникновения», а не результат порождения божества, законодательной инициативы или соглашения людей. В этом смысле оно уподобляется первичным формам коллективности — семье и селению, появляется на их основе. Будучи организующим фактором, государство не может реализовать свою сущность без человеческой деятельности. Но и сам человек должен стать гражданином, достойным государственной жизни. Без этого он — человек — существо несовершенное, раб. С другой стороны, государство, не способное обратить человека к справедливости, т. е. помочь ему стать добродетельным гражданином, является извращенным, порочным. Характеризуя понятие «гражданин», Аристотель считает, что им является тот, кто принимает участие как во властвовании, так и в подчинении.

Аристотель критически относится к идее своего учителя Платона об абсолютизации единства государства, ибо в этом случае государство неизбежно разрушается, уничтожается. Его также не удовлетворяет изложенная Платоном сословная структура идеального государства. Верный идеалу умеренности, он предлагает сближение, усреднение крайностей среди граждан и сословий: богатства — бедности, властвования — подчинения с помощью так называемого «среднего элемента». Принцип умеренности заключается в том, что добродетель есть середина между двумя крайностями, что середина есть «средоточие бытия», в котором частное и общее сливаются. При соблюдении среднего достатка легче всего повиноваться доводам разума.

Признавая возможность существования многих форм государственного строя: трех правильных — монархии, аристократии, политии; трех неправильных — тирании, олигархии, демократии, Аристотель отдает предпочтение монархии и политии. Последняя, основанная на «среднем элементе», есть смешение олигархии и демократии. Следует вспомнить о том, что в греческих государствах существовал обычай: равенства не желать, но стремиться властвовать, а если придется жить в подчинении, то терпеливо переносить его.

Многие последующие мыслители находились под влиянием идей Аристотеля. «Политика» была, например, настольной книгой Ш. Л. Монтескье. Выводы и рекомендации Аристотеля и сегодня свежи, актуальны, призывают к размышлению.

Н. МАКИАВЕЛЛИ
(1469—1527)

Основные произведения Макиавелли: *«Государь»*, *«Размышления о первой декаде Тита Ливия»*, *«История Флоренции»*.

В политической социологии Макиавелли и «макиавеллизм» олицетворяются с искусством властвования и подчинения, с созданием теории и практики политического управления, с определением политики как науки, пронизанной «страстью к действию», с обоснованием истинных интересов и ценностей человека, его натуры.

Макиавелли использовал присущую итальянским гуманистам идею «вирту» как гармоническое единство телесной и духовной человеческой энергии, которая противостоит «божественным установлениям», «слепым силам» и способствует реализации «общего блага» для всех людей. Именно природа человека, ее совершенство или несовершенство определяют характер и динамику политической жизни в обществе. Правила и нормы этой жизни фактически изначально заложены в человеке, в его политическом мышлении. Конструктивность, рациональность такого мышления Макиавелли пытается обосновать, ссылаясь на историческую необходимость, исторические примеры. Следовательно, человеком управляет не «божественное предопределение», а реальная необходимость, подкрепляемая постоянно энергией, усилиями и предприимчивостью самого человека. В результате появляются альтернативные варианты политического поведения с точки зрения «что выгодно, а что не выгодно» в данный момент для общего дела. Создавая новую науку о политике, Макиавелли рассматривает ее как экспериментальную, как науку политической мудрости, как некое методическое руководство для практических действий политиков. Например, для достижения поставленной цели существуют два способа: законный и силовой. Первый присущ человеку, второй — зверю. Правитель обязан пользоваться обоими способами. Более того, в политике решающая роль принадлежит фактору силы. А поскольку на первое место претендует фактор силы, то в политике не может быть нравственных норм. Политика и мораль должны существовать сами по себе. Нравственно лишь то, благодаря чему достигается поставленная цель. Отсюда проистекает так называемое правило: «Цель оправдывает средства», получившее сугубо негативный оттенок. Его можно даже назвать в определенной степени новым законом политики, в основании которого лежит насилие, преступление.

В рекомендациях Макиавелли трудно обнаружить какие-то элементы морали как таковой. Однако он считает, что благодаря отсутствию морали можно сохранить и укрепить государственную власть. Приведем некоторые из правил Макиавелли, которые свидетельствуют об этом:

— чтобы удерживать в руках власть, правителю следует быть вероломным, жестоким, порочным;

— зло и обиды надо творить сразу, а благодеяния и добро — постепенно, чтобы подданные распробовали их как можно лучше;

— страх и любовь — вот главные мотивы, которые руководят поведением людей;

— никогда нельзя устранить неудобство, чтобы из этой ситуации не возникло другое неудобство.

Несомненно, что Макиавелли можно назвать в своем роде первооткрывателем новых политических законов в эпоху Возрождения. Он излагал их таким образом, чтобы они воспринимались правителями как императивное требование с целью осуществления позитивных преобразований в обществе без больших людских жертв и материальных затрат.

Ш. Л. МОНТЕСКЬЕ
(1689—1755)

Основной труд Монтескье *«О духе законов»* по праву относят к вершинам политической мысли. Собственно говоря, этот французский мыслитель оставил нам первую в истории общественной науки типологию обществ, в которой акцентировалось внимание не столько на том, кто осуществляет власть, сколько на том, в каких социальных условиях возникают и функционируют разные типы политического устройства. То есть Монтескье заметил и описал прямую зависимость политического строя от особенностей социальной основы каждого общества. Указывая на объективные связи, существующие между социальными явлениями, он утверждает, что развитие общества подчиняется законам, выражающим определенные тенденции. Принцип анализа социальных явлений: «Надо говорить о том, что есть, а не о том, что должно быть», используемый мыслителем, есть чисто социологический. Он отвергает принцип теологического морализирования, господствовавший в науках того времени.

Свобода и равенство являются фундаментальными свойствами природы человека, источником права, а значит, и «государства разума». Монтескье как сторонник «разумного эгоизма» понимал свободу как независимость. В каждом обществе сталкиваются отдельные свободы, а потому свобода есть «право делать все, что дозволено законами». Защищая свободу отдельной личности, Монтескье ограничивал ее лишь законом.

На воззрения Монтескье оказали большое влияние идеи, высказанные Аристотелем в «Политике». Вслед за Аристотелем Монтескье различает три формы политического правления: республика, монархия, деспотизм. Каждая из этих форм определяется с помощью двух принципов или понятий: природа прав-

ления и принцип правления. Природа правления — это то, что есть в действительности и характеризуется количеством обладателей высшей политической власти. Принципу правления присуще чувство, которым должны руководствоваться люди и без которого каждая форма правления не может быть стабильной. К разновидностям политического чувства Монтескье относит добродетель, честь и страх. Республика — это добродетель, основанная на уважении к существующим законам; монархия опирается на честь; деспотизм основан на чувстве страха.

Анализ типов политического строя сочетается у Монтескье с исследованием социальных структур. Таким образом, устанавливается связь между политическим строем и всем обществом. По мнению Монтескье, каждой из форм правления соответствует определенная территория, которую занимает общество. Например, республика по своей природе требует небольшой территории; монархическое государство может занимать среднюю территорию; обширные размеры, империи — предпосылка для деспотического правления. Привязывая типы политического строя к количественным характеристикам общественной системы, автор приводит нас к жесткому детерминизму. Являясь сторонником республиканского и монархического правления и называя их умеренными типами, Монтескье решительно осуждает деспотизм, где царит страх и «каждый человек начинает бояться всех остальных».¹

На основе изучения политического строя в Англии Монтескье вслед за Дж. Локком приходит к мысли о разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную. Это разделение возводится в конституционный принцип государства. В нем выражается не только рациональное разделение властно-управленческого труда, но и соотношение политических сил в каждом обществе в качестве условия для развития демократии. Система сдержек и противовесов в осуществлении политической власти, обеспечивающая демократическое правление, дает возможность избежать прихода авторитарно-тоталитарного правления, ограничивает любую власть и тем самым обеспечивает минимальную свободу и права граждан.

М. ВЕБЕР (1864—1920)

Основные работы автора, в которых рассматриваются проблемы политической социологии: *«Хозяйство и общество»*, *«Протестантская этика и дух капитализма»*, *«Харизматическое господство»*, *«Чиновник»*, *«Политика как призвание и профессия»*.

Вебер оказал значительное влияние на развитие социологи-

¹ Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Пер. с франц. М., 1993. С. 43.

ческой науки. Он исходил из того, что в капиталистическом обществе повседневная жизнь людей в значительной степени определяется быстро растущим слоем управляющих — бюрократией. Тотальная бюрократизация является неизбежным продуктом развития любого общества. При этом Вебер рассматривает ее как независимый от классов и социальных групп инструмент власти, которым может воспользоваться любая группа. Здесь замечается его особый подход к анализу данного социального феномена, в отличие от сторонников теории политической элиты, которые считали бюрократию господствующим классом. В механизме социального контроля над бюрократическим аппаратом он уделял основное внимание технике отбора элиты власти. В разработанной типологии господства и способах легитимности, т. е. признания законности типов господства, Вебер утверждает господство как «возможность находить повиновение определенных групп людей специальным или общим приказом». Фактически это означает монопольную власть как способность навязывать свою волю с помощью обязывающих приказов. Господство опирается не только на перевес силы, но и на его правовое признание, что означает: господство — это узаконенное насилие.

Вебером выделяются три идеальных, чистых типа господства, имеющих легитимный характер: рациональное, или легальное, традиционное, харизматическое.

Рациональное — основывается на вере в легальность установленного порядка и носителей власти. Способ легитимности — вера в рациональность норм, обязывающих одних людей подчиняться другим. Исходя из понятия рационального господства, Вебер выделяет характерные признаки образцовой бюрократии: разделение труда; порядок подчиненности; публичная канцелярия; процедура подготовки должностных лиц; штатные сотрудники; правила, регулирующие режим работы; лояльность работника по отношению к организации. Отсюда бюрократия — это идеальный тип рационального господства, воплощение рациональной власти.

Традиционное — основано на обычае, на вере в священный характер старых традиций, установившихся порядков, в легитимность тех, кто опять же в силу традиций призван осуществлять власть. Это фактически сословное господство. Исходя из понятия традиционного господства, Вебер показывает, как на основе упрощенного определения типа господства путем прогрессивного усложнения, т. е. различия его отдельных видов, можно выявить бесконечное множество наблюдаемых с исторической точки зрения социальных институтов власти. Например, дифференциация традиционного господства выглядит следующим образом:

— геронтократическое — старейшины, лучшие в непервичных экономических или семейных союзах;

— патриархальное — в первичных экономических или домашних союзах правит один, согласно непоколебимому праву наследования;

— патримониальное — султан и личный штаб управления — в сфере свободного, не связанного с традицией, произвола.

Харизматическое (харизма — с греч. «милость», «божественный дар, благодать») — опирается на личную, эмоциональную преданность людей политическому вождю. Легитимность происходит благодаря вере людей в сверхъестественные, сверхчеловеческие качества вождя и доверию к установленному им политическому порядку. Вождистская демократия рассматривается в качестве противовеса тотальной бюрократизации общества с его тенденцией к огосударствлению экономической деятельности людей. Харизматический вождь как бы призван уравнивать возможные попытки узурпации власти со стороны олигархических групп. Вебер считает, что избираемый народом глава исполнительной власти, наделенный правом «вето», правом роспуска парламента и организации всенародно-го референдума, является воплощением подлинной демократии. В этом случае граждане подчиняются вождю нации, а не интересам и целям отдельных политических группировок.

В. ПАРЕТО (1848—1923)

Среди огромного количества произведений Парето (около 30 томов) особое место занимает *«Трактат по общей социологии»*.

Для политической социологии значение мыслителя состоит в том, что, во-первых, он рассматривал политическую систему в состоянии постепенно нарушаемого и восстанавливаемого равновесия. Модель равновесия — реальный образ политической системы. Не объективные законы, а человеческие чувства определяют характер и развитие политической системы. Они проявляются, во-первых, в виде так называемых «нелогических действий», ибо люди никогда не знают истинных связей между социальными явлениями; во-вторых, Парето проанализировал идеологию как систему ловких, демагогических ухищрений. Ни одна идеология не обладает научной ценностью; в-третьих, он сформулировал теорию элит с их циркуляцией и «социальным циклом». Парето принадлежит знаменитая формула о том, что человеческая история — это «кладбище аристократий».

В истории политической социологии Парето по достоинству принадлежит место основоположника элитарной теории. Он дает два определения элиты: широкое, охватывающее всю общественную элиту, и узкое, прилагаемое лишь к правящей элите. По первому определению в элиту в качестве основной со-

ставной части входят те, кто преуспел в своей сфере деятельности и достиг высшего эшелона профессиональной иерархии. Правящая элита включает в себя небольшое количество индивидов, которые выполняют на высшем уровне руководящие политические и государственные функции. Это правящее меньшинство управляет большинством с помощью двух средств: силы и хитрости. Вся история государств — это чередование политических элит двух «семейств»: «семейство львов», управляющее с помощью насилия, и «семейство лис», управляющее с помощью обмана, изворотливости и хитрости. Стабильная политическая система характеризуется преобладанием элиты «львов». Напротив, неустойчивая система требует элиты прагматически мыслящих, энергичных деятелей, комбинаторов политической жизни. Стабильность системы поддерживается смелой элитой. Любая политическая система стремится к равновесию, и при выводе ее из этого состояния с течением времени снова возвращается к нему. Процесс колебания системы и прихода ее в нормальное состояние образует «социальный цикл», течение которого зависит от циркуляции элит. Элиты возникают, в процессе борьбы расцветают, а затем вырождаются, исчезают и вновь начинается все сначала. Этот круговорот элит является универсальным законом истории.

История цивилизации — это, по Парето, история преемственности привилегированных меньшинств, которые создаются, борются, завоевывают власть, пользуются ею и приходят в упадок, чтобы быть замененными другими меньшинствами.

Теория правящих элит Парето близка к идеям, предложенным другим знаменитым итальянцем Г. Моска в труде *«Основы политической науки»*. Это Моске принадлежит выражение: «Люди имеют инстинкт собираться в стадо, чтобы бороться и побеждать другое стадо».

В конце концов Парето приходит к пессимистичному выводу о том, что все неизменно повторяется, что различия между типами политических режимов имеют второстепенное значение. Стремление людей изменить организацию общества на основе «справедливости» является неосуществимым.

Идеи Парето умело использовались теоретиками итальянского фашизма, особенно в той их части, где мыслитель говорил, что правящие элиты, ради устойчивости и действенности политической системы, должны быть жестокими и бескомпромиссными.

Р. МИХЕЛЬС (1876—1936)

Основной труд Михельса: *«Социология политических партий и развитие демократии»*, в котором сформулирован так называемый «железный закон олигархии». Согласно этому зако-

ну бюрократические тенденции заложены в самом принципе руководства и организации. Как известно, развитие демократии предполагает наличие в каждом обществе множества общественных и политических организаций. В то же время сама организация имеет постоянную тенденцию к олигархии, ибо в любых объединениях людей происходит раскол на руководителей и руководимых, господство меньшинства над большинством. Признание организации — это всегда выражение тенденции к олигархии. С усилением организации демократия начинает исчезать. Власть же вождей возрастает пропорционально росту организации. Следовательно, бюрократические тенденции — это неизбежный продукт, заложенный в самой организации. Демократия — это идеал, который никогда не реализуется.

Феномен олигархии, по Михельсу, объясняется воздействием двух групп причин: технико-организационная, вытекающая из самой необходимости руководства, дисциплины, порядка; психологическая, характеризующаяся постепенной трансформацией психологии руководителей и подчиненных под воздействием организационных структур и процессов, происходящих как внутри объединений людей, так и вне их.

Технически все члены организации не могут участвовать в определении, разработке и осуществлении политической деятельности. Растущая сложность организационных дел делает их все менее понятными для рядовых членов. Политические лидеры превращаются в монополистов властных функций, а рядовые члены отчуждаются от разработки и принятия политических решений. Длительное обладание властью ведет к изменению личности лидера: вера в свою непогрешимость, отождествление организации с собственным «Я». В силу этого демократические принципы организации не могут быть осуществлены.

Неосуществимость внутренней демократии разрушает институты всего социально-политического организма. Организационная олигархия, таким образом, превращается в социальную.

Михельс не называет механизмы этого превращения, но он — несомненный пессимист как в отношении буржуазной, так и социалистической демократии. Какой же выход предлагается? В качестве источника новых социальных изменений Михельс называет харизматического лидера. Кстати, он был приглашен в 1926 г. Муссолини в Италию, где и закончил свой жизненный путь.

Понимая механизм политической власти как господство элит, Михельс утверждает, что элиты должны состоять из генетически predetermined к политической деятельности людей с высокими психолого-педагогическими способностями. Людская масса функционирует на примитивном, эмоциональном уровне и может успешно использоваться для политических манипуляций со стороны элит и их вождей.

§ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В РОССИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ

Политическая социология в России конца XIX — начала XX в. представляет собой, несомненно, часть социологической науки, интенсивно развивавшейся в это время как в западных странах, так и в нашем Отечестве. Ее становление и развитие происходили на фоне подготовки и проведения коренных экономических и политических реформ. Последние явились мощным катализатором оживления общественной жизни, появления на политической арене разнообразного политического мнения, как легального, так и нелегального. Однако всякие либеральные идеи, направленные на дальнейшее реформирование общества, наталкивались на силовое сопротивление властей. В результате и социология, возникшая в России как гносеологическая и преобразующая наука, фактически поставила себя в оппозицию царскому режиму. Именно эта, не просто политическая, «но оппозиционно-политическая ангажированность социологии в России составила ее отличительную черту по сравнению с западно-европейской социологией того времени».² В силу своей оппозиционности к властям социология длительное время не могла преподаваться в государственных учебных заведениях, а многие ее известные адепты были вынуждены выехать за рубеж. Институционализация социологии как учебной дисциплины происходит в начале XX в. и то лишь в урезанной, частичной форме: создание кафедр социологии при частном Психоневрологическом институте в Петербурге в 1908 г.; организация секции социологии при Историческом обществе С.-Петербургского университета в 1912 г.; учреждение Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского в 1916 г. Данное свидетельство вовсе не означало, что проблемы социологической науки не исследовались. Новые потребности российского общества, связанные с демократизацией всех его сфер: развитие земского самоуправления, рыночная экономика, отмена цензуры, легализация политических организаций, закрепление основных гражданских прав в Конституции 1906 г. — активно способствовали возрастанию роли социальных наук, в том числе социологии. Без преувеличения можно сказать, что конец XIX — начало XX в. являл собою период, когда социологические исследования в России на теоретическом и эмпирическом уровне охватывали довольно широкий ареал: система образования, социальная структура, социальные отношения и пороки, межнациональные связи, положение женщины в обществе, семейные отношения и т. д.

² Российская социология / Под ред. А. О. Боронова. СПб., 1993. С. 12.

Об этом свидетельствуют многочисленные труды русских ученых.³

Большинство известных русских исследователей наряду с теоретическими изысканиями занимались и практической политикой, возглавляя важные посты в партийной, правительственной, законодательной, местной иерархии. Например, С. А. Муромцев, являясь признанным главой социологической школы права, был избран председателем первой Государственной Думы; П. Н. Милюков — блестящий историк, государствовед, социолог, возглавлял кадетскую партию и явился фактическим создателем Временного правительства после Февральской революции; Б. Н. Чичерин — ученый с энциклопедическими знаниями, обосновавший общую систему социологии в курсе государственной науки, работал некоторое время в должности московского головы.

Эволюция русской дореволюционной социологии неоднократно рассматривалась в научной литературе.⁴ Нет необходимости воспроизводить ее разнообразные концепции. Остановимся лишь на одной, которая включает в себе не только теоретико-методологический принцип, но и социально-политическую позицию, ориентацию мыслителя. В этом случае базисные признаки выглядят следующим образом: во-первых, модель общества в доктрине социолога; во-вторых, нацеленность на сохранение или изменение социального порядка и на способ преобразования общества; в-третьих, статус личности и социальных институтов в социологической концепции.⁵

Вопросы о формах эволюции и будущем России всегда были

³ Кареев Н. 1) Введение в изучение социологии. СПб., 1897; 2) Общие основы социологии. Пг., 1919; Ковалевский М. М. 1) Современные социологи. СПб., 1905; 2) Экономический строй России. СПб., 1899; 3) Происхождение современной демократии. Т. 1—2. М., 1895; 4) Социология. Т. 1—2. СПб., 1910; 5) Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939; Хвостов В. М. 1) Женщина и человеческое достоинство. М., 1914; 2) Социология. Т. 1—2. М., 1917; 3) Основы социологии. М., 1920; Кавелин К. Д. 1) Дворянство и освобождение крестьян в России // Собр. соч. Т. 2. СПб., 1904; 2) Бюрократия и общество // Там же; Шершеневич Г. Ф. Социология. М., 1910; Лавров П. Л. 1) О методе в социологии // Знание. 1874. № 1; 2) Формула прогресса Н. К. Михайловского. СПб., 1906; Сорокин П. А. 1) Теория факторов в социологии народничества // Проблема социального равенства. Пг., 1917; 2) Система социологии. Т. 1—2. Пг., 1920; 3) Голод как фактор. Пг., 1922; Чичерин Б. Н. 1) Собственность и государство. Т. 1—2. М., 1882—1883; 2) Курс государственной науки. Ч. 2. Наука об обществе или социология. М., 1896; Петражицкий Л. И. Акции, биржевая игра и теория экономических кризисов. СПб., 1911; Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1909, и т. д.

⁴ См., напр.: Социологическая мысль в России / Под ред. Б. А. Чагина. Л., 1978; Голосенко И. А. Социология в дореволюционной России // Философские науки. 1988. № 1; Медушевский А. Н. История русской социологии. М., 1993.

⁵ Козловский В. В. Социологические альтернативы в дореволюционной России // Вестн. СПб. ун-та. 1993. № 27. С. 48.

в центре внимания различных школ общественно-политической мысли: народническая, либеральная, консервативная, либерально-консервативная, марксистская. Они пытались с разных сторон отразить в своих программах интересы всех социальных групп общества. Консервативные мыслители: К. Н. Леонтьев, П. Я. Данилевский, П. Ф. Лилиенфельд, Н. Н. Страхов и другие отстаивали монархическую власть, национальный дух и патриархальные традиции, социальное равновесие. Данная тенденция, по их мнению, вела к стабилизации общественной системы, к упрочению ее социальных основ. Такой подход можно было бы назвать социологией охранительного консерватизма. Либеральные мыслители: М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев, Н. И. Кареев, Е. В. Де Роберти, Л. И. Петражицкий, Б. А. Кистяковский и другие, провозглашая принцип индивидуальной свободы, видели изменение политического порядка в российском обществе прежде всего в создании правового государства и представительной системы власти, что обеспечивало бы введение демократического правления по образцу западных стран. Либеральные консерваторы, или консервативные либералы: Б. Н. Чичерин, П. Б. Струве, П. И. Новгородцев, И. А. Ильин и другие, наряду с признанием принципа индивидуальной свободы и прав человека, провозглашали сильную власть, охраняющую прошлое и настоящее. «Либеральные меры и сильная власть» — вот истинный вектор в реформировании российского общества. Радикальное течение общественной мысли отождествлялось с представителями народничества, анархизма и марксизма. Их роднит стремление кардинальным образом изменить существующий порядок во имя справедливости и правды. Для этого можно использовать революционное насилие, бунтарски настроенные «низы». Однако принудительное утверждение идеала социальной справедливости, свободы, равенства людей на практике привело к противоположным результатам — «всеобщее благо» затмило «благо» и свободу отдельного человека.

Как уже отмечалось, связь социологии с политикой всегда была присуща русским исследователям. Не случайно важнейшее место в структуре русской социологии заняла политическая социология. Социальные и политические реальности России заставляли буквально каждого мыслителя освещать в своих трудах те или иные аспекты этой сферы социального знания. Приоритетное место среди политических социологов принадлежит М. Я. Острогорскому (1854—1919), чей фундаментальный двухтомный труд «Демократия и политические партии», посвященный становлению и развитию политических партий в Англии и Соединенных Штатах Америки, был опубликован на французском языке в Париже в 1898 г. По сути дела эта работа была первой пробой автономного изучения политических партий и вызвала огромный интерес в научных и политических кругах, а ее автор стал широко известен как первый

исследователь, научно описывающий и объясняющий социологию политических партий. Констатация этого факта не преуменьшает заслуги Р. Михельса, капитальное произведение которого «Социология политических партий в условиях демократии» считается классическим. Михельс высоко оценивал труды Острогорского и опирался на них в своих выводах. Если современники зачисляли Острогорского в ряды критических оптимистов с присущими ему благородными устремлениями, прекрасным знанием материала и осторожным конструированием обобщений, то Михельс остался в их глазах критическим пессимистом в отношении дальнейшего развития человеческого общества, особенно его демократических начал.

М. Острогорский, давая характеристику политических партий и описывая их социальную морфологию, показывает формирование и функционирование нового механизма власти и управления, раскрывает сам процесс постоянно свершающихся политических изменений. Посвятив много места в своих изысканиях описанию становления демократических основ английского и американского обществ, он сосредоточивает свое внимание на разработке систематической теории партийной организации, политических партий, их взаимодействии между собой, а также с государственными организациями и избирателями. Рассматривая партии не только с организационно-структурной, но и с функциональной стороны как реальных субъектов политической жизни, ученый с пристрастием описывает формирующиеся в результате деятельности партий отношения, называя их «институциональной политикой», а сам процесс — «патологическим». Явно симпатизируя гуманистическим первоисточникам человеческого общества, идеализируя их ценности, Острогорский последовательно проводит мысль о том, что и в современном ему обществе большинство населения и слышать не хочет о политике, а партии становятся средоточием «механизации и единообразия», «батальонного мышления»; это приводит к тому, что стирается всякая индивидуальность в политической жизни, исчезает источник политической мысли. Таким образом, внутренняя организация партийной жизни входит в явное противоречие с принципами демократического устройства и правления. Подавляя индивидуальную свободу правом «большинства», партийные организации и их лидеры устанавливают обязанность для всех «верующих партии» следовать директивам под страхом осуждения.

Верно подмеченные Острогорским «машинные» тенденции в деятельности партий и так называемых партийных «кокусов» (первоначально организованных партийных центров) перекликаются с его оценками процесса формирования общественного мнения, когда разосланной телеграммы вполне достаточно, чтобы «голос страны заговорил».

Источником формирования гипертрофированных отношений

между партией и обществом, партией и государством, по мнению исследователя, является противоречие между партией как группировкой свободных граждан и партией как отрядом, идущим на завоевание власти. Из случайной изменяемой данное противоречие превращается в константу, не поддающуюся какому-либо рациональному учету.

Не спасает положения, как считал Острогорский, и система нескольких партий, существующая в демократических обществах. Более того, установлению единой и абсолютной ортодоксальности партии способствовало наличие двух строго определенных партий, например, в Англии, где каждая утверждает, что именно она обладает политической истиной, тогда как другая исповедует политическую ложь. Таким образом, двухпартийная система, обычно рассматриваемая в качестве краеугольного камня парламентского правительства, является главным элементом «смуты».

В существующем виде партии не выполняют своей роли в системе «торжествующей» народной демократии. Если бы даже весь народ мог быть облечен и в реальности был облечен властью непосредственного управления, то его способности и методы управления все равно были бы скомпрометированы политическими партиями.

Что же предлагается взамен? Реальное политическое управление в обществе может быть осуществлено при соблюдении следующих условий:

— люди, способные его реализовать, должны иметь доступ к общественной жизни и обязаны принять на себя всю ответственность за дела в обществе;

— следует ввести систему постоянного контроля, которая должна быть организована гражданами, не связанными с партийной принадлежностью.

В качестве элемента позитивной программы Острогорский также призывает восстановить истинный характер партий, понимая под этим специально организованные группировки граждан, которые носили бы временный статус, с целью осуществления конкретных политических задач. Однородность данных ассоциаций обеспечивалась бы интересом их членов к частному объекту и стремлением к достижению временной цели. Сами же они организовывались и реорганизовывались бы в зависимости от изменяющихся социальных проблем и вызываемых данным обстоятельством перемен в общественном мнении.

Наряду с введением в научный оборот новых для того времени понятий — партийная система, партийный формализм, партийная условность, партийное управление, партийная власть, система организованных партий — Острогорский удачно воспроизводит бытовавшие в ту пору популярные изречения, отражавшие реальность общественной жизни: «безумие многих для пользы нескольких», «я хочу быть честным, и я честен, но я раб

организации», «сила партийной организации значительно меньше зависит от числа ее членов, чем от числа партийных работников», «функция масс в демократии заключается не в том, чтобы управлять, а в том, чтобы запугивать управителей».

Исследователю присущ новаторский и в некотором роде прогностический подход, выразившийся в честном и непредвзятом анализе деятельности политических партий и становлении демократии в двух крупных мировых державах. Правда, скрупулезно проведенное Острогорским изучение основных признаков партийного «кокуса» стало впоследствии актуальным не в Англии и США, а в тех государствах, где сформировался авторитарный и тоталитарный режим. Порой мыслителю не хватало широких теоретических обобщений, но они полностью компенсированы детальным описанием анатомии существовавших партий, их взаимодействия с парламентскими структурами, избирателями, с обществом в целом.

К числу наиболее ярких представителей политической социологии России конца XIX — начала XX в., несомненно, относится *Б. Н. Чичерин* (1828—1904). Данное утверждение основывается на совокупности исследовательских приемов, которые использует Чичерин, когда анализирует такие политические феномены, как государство, власть, парламент, политический процесс, политическое поведение, партийная система. Используя методы наблюдения, моделирования, сравнительного и функционального анализа, он описывает явления окружающей действительности как непосредственный свидетель и выводит из множества наблюдаемых фактов объективные взаимосвязи и константы, формулирует соответствующие социологические законы. Заслуга Чичерина как социолога состоит в том, что он обосновывает и предлагает способы лечения негативных социальных явлений, пытается определить и установить идеалы человеческого общежития. В этом проявляется ангажированность и высокая ответственность одного из выдающихся представителей русской интеллигенции.

Социологическую концепцию Чичерин конструирует на основе духовной и свободно-разумной личности. Личность — краеугольный камень общественного организма. Если сущностью человека выступает свобода, то сущностью общества является обязанность сформулировать свободу человека с помощью права. По Чичерину, основной проблемой социальных отношений выступает соотношение между личностью и обществом, т. е. между свободой и законом.

Абсолютизируя роль государства как творца и двигателя исторического процесса, как властный союз народа, связанного в единое целое, управляемое верховной властью для «общего блага», Чичерин исследует его с позиции различных сфер научного знания. С точки зрения философии совершается процесс познания априорных начал государства и права, как выражение

разумной воли. Государственное право изучает государство как юридический союз, как своеобразное отражение мировоззрения нового класса буржуазии. Социология описывает государство в его соотношении с другими микро- и макросоциальными общностями и прежде всего с гражданским обществом. Политическая наука рассматривает государство и его функционирование в непосредственной связи с борьбой политических партий за завоевание и распределение власти. В последнем случае Чичерин фактически объединяет две концепции политической социологии, имевшие хождение в западных странах: как науку о государстве, восходящую к временам Аристотеля, и как науку о власти, получившую распространение в XIX в. Сама же политика, по мнению ученого, есть наука о способах достижения государственных целей.

Власть, «властный союз народа» идентифицируется с человеческой волей, с совокупностью «человеческих волей», которые составляют основу государственной жизни. Там, где нет воли, а следовательно, власти, направленной на охранение существующего строя, там этот строй «разваливается сам собой». Мысль, воля и орудия их выражения присущи лишь высшим образованным классам, которые в состоянии обеспечить «высокоразвитый политический быт», свободу и «правильное развитие учреждений».

В качестве идеального образа государственного правления Чичерин считает конституционную монархию, состоящую из трех начал: монарх — начало власти; аристократия — начало закона и порядка; демократия — начало свободы. Власть монарха ограничивается двухпалатным парламентом: верхней — аристократической, которая представляет «высшие политические способности», и нижней, состоящей из народных представителей. Устойчивость первой обеспечивается разными способами ее формирования: по наследству, по должности, по выбору, по назначению монарха. Основа конституционной монархии — блок аристократии с крупной буржуазией. Ее успешное функционирование возможно на базе их политических представлений.

Являясь приверженцем двухпартийной системы, Чичерин в довольно осторожной форме высказывается о «невыгодах» партий, ибо их дух слишком часто заслоняет собой «справедливость и патриотизм». Однако эти «невыгоды» не мешают ему делить любое общество на две основные партии: охранительную и прогрессивную, которые обеспечивают нормальное течение исторического процесса. Крайние течения как в той, так и в другой появляются на политической арене главным образом «во времена смут и переворотов».

Социальная база охранительной партии — крупные землевладельцы, ибо поземельная собственность развивает «охранительный дух». Последовательно выступая против требований

представителей социалистического учения об уничтожении личной поземельной собственности, Чичерин утверждает, что передача данной собственности в руки государства привела бы его «на жертву всем потрясениям», лишила бы одной из самых существенных политических сил и важнейшей охраны порядка.

Социальным «гумусом» прогрессивной, или либеральной, партии являются «промышленные состояния», которые более всего склонны к «оппозиции, нежели к поддержанию власти». Чередование правления каждой партии способствует стабильности политического режима, уменьшает возникновение социальных конфликтов.

Система партий, являясь источником развития политической демократии, вместе с тем может выступать и фактором ожесточения борьбы, своеобразным испытанием сложившейся культуры и морали.

Крупнейший русский социолог М. М. Ковалевский (1851—1916) внес свой большой вклад в становление и развитие политической социологии. В этом отношении его более всего интересовало отношение общества и государства, что в то время представляло интерес для сравнительно-исторического анализа. Он отвергает теорию божественного происхождения власти, а также теорию общественного договора и придерживается лишь концепции исторического происхождения государства, которую целиком относит к социологии. Государственная власть, по Ковалевскому, возникает в результате психического воздействия на инертные массы сильной и одаренной личности. При этом он считает, что никакое государство немыслимо при отсутствии в подданных добровольного подчинения власти. То есть в основании всякого государственного общежития лежит психологический мотив — готовность подчиниться. В «Общем учении о государстве», изданном в 1909 г., Ковалевский пишет, что государство есть «политическая организация народа-племени, форма общежительного союза, при котором народ-племя находит возможность политического самоопределения под властью признаваемого им общего правительства».⁶

Договор «соединения» кладет начало общежитию-обществу, а договор «подчинения» лежит в основе государственной власти. Исходя из этого Ковалевский выделяет признаки государственной власти: непроизводность, самодовлеимость, самоопределяемость, бесконтрольность. Под формой политического устройства он понимает тот порядок, при котором «высшая власть над гражданами сосредоточена в руках одного или другого сословия, того или другого класса или классов. Форма же правления отвечает на вопрос, кто управляет от имени этого класса или сословия, классов-сословий, управляет наследственный прави-

тель или избираемый».⁷ Каждой из стадий, пройденных человеческим обществом, соответствует свое политическое устройство: родовой стадии — племенное княжество, феодальной — сословная монархия, всесословности — сперва цезаризм, а затем конституционная, парламентарная монархия, республика.

Анализ этих и других проблем, по мнению Ковалевского, входит в рамки генетической социологии, которая представляет ту часть науки об обществе, его организации и поступательном движении, которая занимается вопросами о происхождении общественной жизни и общественных институтов, каковыми являются семья, собственность, религия, государство, нравственность и право.⁸ Он высказывается за трехзвенную характеристику государства: территория, население, власть.

Для России, считает Ковалевский, более всего подходит конституционная монархия.

Ковалевский пришел к выводу, что право возникло раньше государства. Его учение о государстве и праве выводится на основе социологического и сравнительно-исторического анализа этнографических и правовых особенностей развития различных народов.

В содержание конституционного права Ковалевский включает три элемента: начало разделения властей, начало народоправства, система представительства. Это такой государственный порядок, «при котором к осуществлению верховной власти призываются вместе с наследственным или избираемым правителем и представители отдельных слоев населения, а то и всего народа».⁹

Ковалевский фактически был идеологом Партии демократических реформ, близкой по воззрениям к Кадетской партии. Пожалуй, он одним из первых высказал идею общеевропейского Союза в форме Конфедерации.

Связь социологии с политикой всегда была в центре внимания русских мыслителей. Они анализировали самые актуальные вопросы общественно-политической жизни: соотношение реформ и революций у П. Н. Милюкова, политика и мораль у Л. И. Петражицкого, взаимосвязь истории, права и политики у К. Д. Кавелина, соотношение государства и общества у Н. М. Коркунова и т. д. Их имена также лежат в основании новой зарождающейся в предреволюционной России науки о политике.

§ 3. СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

В решении проблем современного общества, особенно политических и социальных, политическая социология оказывается

⁷ Там же. С. 208.

⁸ Ковалевский М. М. Социология: В 2 т. Т. 2. СПб., 1910. С. 1.

⁹ Ковалевский М. М. Общее конституционное право. СПб., 1908. С. 7.

⁶ Ковалевский М. М. Общее учение о государстве. СПб., 1909. С. 23.

так же эффективна, как и все другие общественные науки, например, политология, политическая экономия или юриспруденция. Предпочтение, отдаваемое политической социологии, в каждом случае основано на том, что в некоторых проблемах ее подход является более результативным, чем у других наук, однако без кооперации с другими общественными дисциплинами политическая социология вряд ли сможет принести большую пользу.

Действительно, политическая социология является с самого начала междисциплинарной наукой. Она возникла на рубеже веков вместе с выходом в свет ряда важных трудов социологов, и социологи с тех пор постоянно обращаются к исследованиям политики, опирающимся на длительную традицию, сложившуюся после Великой Французской революции, представленную творчеством А. Токвиля, Л. фон Штайна, К. Маркса и Ф. Энгельса. Их общей темой был поиск социальных движений, которые скрыты за многообразием политических событий. А. Токвиль изучал движение к равенству, К. Маркс и Ф. Энгельс считали главным движением современной политики борьбу классов, Л. фон Штайн также изучал классовое движение пролетариата и предложил ряд глубоких социальных реформ для его интеграции в существующую систему. Попытка примирить государство и общество с помощью определенной политики до сих пор является существенным моментом самопонимания политической социологии.

Для нового этапа политико-социологических исследований, начало которого совпадает с рубежом XIX—XX вв., характерен более детальный анализ общества, его политической организации, в частности бюрократии и возникновения нового среднего слоя. Особенно интенсивное развитие получили исследования партий, прежде всего в марксистской теоретической традиции К. Каутского, Э. Бернштейна, Р. Люксембург, австромарксистов, а также социально-экономические и политико-социологические исследования ряда ученых, стоящих на различных теоретических позициях: М. Вебера, В. Парето, В. Зомбарта, Ф. Оппенгеймера, Р. Михельса, философов Ф. Тённиса, Г. Зиммеля, теоретиков государства и права Р. Смента, К. Шмитта, Г. Теллера, а также К. Мангейма, Т. Гайгера и др. Среди классических тем исследований в области политической социологии этого периода можно назвать работы Е. Веблена, посвященные стилю жизни высших слоев общества, классические исследования М. Острогорского о политических партиях в современной демократии, Р. Михельса об олигархизации партий, М. Вебера, разработавшего типологию господства и давшего классическое определение власти и известного глубоким изучением бюрократии.

Первая мировая война, принесящая ощущение глобального кризиса европейской цивилизации, способствовала углубленному

анализу его природы и стимулировала дальнейшее развитие политической социологии. Мировой экономический кризис конца 20-х — начала 30-х годов стимулировал развитие концепций и теорий экономической и социальной политики.

После второй мировой войны на политико-социологические исследования позитивно повлиял опыт тоталитарного национал-социалистического и коммунистического господства, раскинувшегося на обширной территории от Атлантического до Тихого океана, за исключением лишь немногих устоявших стран Северной Европы. Американскими социологами политики Г. Ласуэллом, М. Липсетом, Р. Миллсом были поставлены важные исследовательские вопросы о разделении властей в обществе. Философы и социологи Западной Германии обратились к исследованию феномена тоталитаризма. Среди них большое значение имели работы представителей первого поколения Франкфуртской школы, прежде всего Т. В. Адорно, М. Хоркхаймера, Г. Маркузе. Однако и вопросы, поставленные М. Вебером, были восприняты и продолжены О. Штаммлером, В. Абендротом, Р. Дарендорфом, Ю. Хабермасом, Н. Луманом и другими видными теоретиками. В результате эмиграции ученых из Европы и их возвращения после второй мировой войны произошло взаимное обогащение европейской и американской политической социологии.

В послевоенной Европе политическая социология получила важные импульсы от новых социальных движений политического протеста в 60-е годы, событий в Чехословакии 1968 г., в результате чего преобладавшее до сих пор изучение политических институтов отступило на второй план по сравнению с изучением политических процессов, в том числе общественного мнения и выборов, политического экстремизма и терроризма, усилившегося в 70-е годы. Тем самым политическая социология коснулась круга вопросов, тесно связанных с политической психологией.

С конца 80-х годов в связи с основополагающими социальными, политическими и государственными преобразованиями в бывших социалистических странах в центре внимания политической социологии вновь оказались политические институты и процессы плюрализации бывших социалистических обществ.

Современная политическая социология опирается на все богатство своей идейно-теоретической истории, современные теоретические течения в социальных науках, развитый арсенал эмпирических исследований. К бесспорным проблемным областям политико-социологических исследований сегодня можно отнести по меньшей мере следующие.

Прежде всего — это традиционная тема классовый и социальной структуры общества, рассматриваемая как формирование и осуществление интересов различных классов, слоев, групп в сфере политики.

Как известно, определение социального положения класса или слоя совсем не означает то, что его представители будут демонстрировать адекватное политическое поведение, они могут совершенно иначе понимать свое положение в обществе. Отсюда возникла следующая важная проблемная область политической социологии — исследование политической социализации, стереотипов политического поведения, роли так называемых «основных ценностей» и влияния их изменения в современном обществе на политическое поведение. Политическая социология тесно взаимодействует в исследованиях этих проблем с социальной психологией.

Становление плюралистической демократии укрепило третью традиционную область исследований политической социологии: исследования форм участия граждан в политике, прежде всего исследования выборов и политических партий, а в последние годы — исследования новых социальных движений и неинституционализированных форм участия в политике.

В отдельную область исследований можно выделить исследования союзов по интересам, которые в отличие от партий являются более узко специализированными и опосредованно влияют на органы государственной власти. К распространенным постановкам исследовательских вопросов политической социологии в этой области относятся вопросы о степени и путях влияния союзов по интересам на политику, их внутренней структуры и пр., что позволяет подойти к анализу логики коллективного политического поведения.

Системный подход, занявший прочные теоретические позиции в общественных науках, привел к выделению политико-административной подсистемы, в первую очередь государства, в отдельную область исследований, элементы которой: партии, парламенты, правительства, министерства, юридические органы, процессы принятия решений в них, в частности, их бюрократизация и взаимодействие с обществом стали обычными темами политической социологии.

С самого начала и до сих пор политическая социология занимается исследованием структуры власти и образования властвующих элит. Исследования структуры власти отличаются от анализа элит тем, что они отвлекаются от личностных моментов, определяющих процесс функционирования политической власти. С этой проблемной областью тесно связаны исследования легитимации власти и вопрос об эффективности политического руководства и управления.

К новой, но уже общепризнанной тематике политико-социологических исследований относится сравнительный анализ общественно-политических систем. Усиление единства и взаимосвязи всего мира в нашем веке явилось важным стимулом таких исследований. Традиционные постановки вопросов в

области сравнительных исследований связаны с противоположностями социализма и капитализма, демократии и диктатуры, плюрализма и тоталитаризма, глобальными и региональными различиями между странами Запада и третьего мира, Западной и Восточной Европой и пр.

ГЛАВА III

ВЛАСТЬ, ЕЕ НОСИТЕЛИ И ФУНКЦИИ В ОБЩЕСТВЕ

Феномен власти является, пожалуй, самым противоречивым и непредсказуемым в общественной жизни. Ее сущностные характеристики охватывают большой спектр физических, цветовых и иных гамм: деспотическая, авторитарная, демократическая, «кровавая», «коричневая», «тупая» власть, элитарная, бюрократическая и т. д. В самих этих определениях власти содержится то основное качество, которое превалировало в те или иные периоды развития конкретного государства. Англичанин Лорд Эктон пустил по миру крылатую фразу: «Власть — это зло, абсолютная власть — зло абсолютное». М. А. Бакунин в категоричной форме провозгласил: «Власть — всегда аморальна». Английский социолог Р. Мартин писал: «Власть, как и любовь, — это слово, постоянно используемое в повседневной речи, интуитивно понимаемое и редко определяемое». В то же время власть — это порядок, сохранение целостности государства, его культуры, традиций, обеспечение его жизнедеятельности. Безвластие угрожает любому обществу анархией, развалом, упадком. Верно заметил Р. Арон: «Всякая власть кажется предпочтительной в отсутствие власти».

§ 1. СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ВЛАСТИ, ФУНКЦИИ И ФОРМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Являясь древнейшей формой организации человеческого общества, власть сочетает в себе «простое» со «сложным», «явное» с «тайным», «сословное» с «общечеловеческим». Попытки определить природу властных отношений, снять с них завесу «святости и мистики» предпринимались с давних пор. Однако и на сегодняшний день существует множество интерпретаций этого сложного социального феномена. Одним из известных под-

ходов его объяснения является лингвистический, согласно которому сущность власти выводилась из отношений господства и подчинения, имеющих сугубо знаковый характер. Власть отождествлялась с особой логической речью — дискурсивной, которой присуща неизменная структура языка господства, с одной стороны, а с другой — этот «господствующий язык» нес в самом себе чувство вины. Истоки политических действий, таким образом, определялись на основе абстрактной, вневременной сущности индивида, его религиозно-философских воззрений. Подобная трактовка власти камуфлировала ее политический характер, вытекающий из социальной дифференциации, имущественного расслоения общества.

Среди других подходов в определении власти, существующих в зарубежной и отечественной литературе, определенный интерес представляют: бихевиористский, конфликтный, целевой, технологический, инструменталистский.

Бихевиористское понимание власти основано на использовании возможностей изменения поведения людей, их психологических характеристик. Власть возникает в результате психического воздействия на инертные и пассивные массы сильной и одаренной личности. В основе всякого государственного общежития лежит поведенческо-психологический мотив — готовность подчинения. Такое понимание власти просматривается у М. М. Ковалевского. А другой русский мыслитель Н. М. Коркунов констатировал: «Власть есть сила, обусловленная не волей властвующего, а сознанием зависимости подвластного».¹

Конфликтное направление — определяет власть как регулирование, распределение материальных и духовных общественных благ путем принятия политических решений в спорных ситуациях.

Целевой подход — власть рассматривается как производство «намеченных результатов», как способность вынудить акторов выполнять обязанности, налагаемые на них целями сообщества, а также мобилизовать ресурсы сообщества на выполнение поставленных целей.

Технологический подход акцентирует внимание на отношениях субъекта и объекта власти в сфере прав и обязанностей, иерархизации связей, ответственности, на управленческих аспектах.

Инструменталистский подход заключается в нахождении и использовании определенного набора средств для подчинения людей, в частности принуждения и насилия.

Встречаются определения, приравнивающие власть к экономической категории как к средству обмена, торговли и символу стоимости. Она значима настолько, насколько позволяет чего-то

¹ Указ и закон. СПб., 1894. С. 180—181.

достичь. Следовательно, опора власти — это сила, а функция власти равна функции денег.²

В других вариантах власть рассматривается как обмен возможностями на политическом рынке. Все это свидетельствует о том, что власть — многомерный феномен, и ее можно рассматривать и как политическое представительство, и как борьбу за участие в принятии управленческих решений, и как технологию решения социальных проблем.³ Каждый из этих подходов имеет свои основания и открывает важную существенную грань, сторону этого противоречивого явления.

Для социологического объяснения сущности власти важно «спуститься» до уровня взаимодействия конкретных индивидов, социальных общностей, когда рождаются «первичные» властные отношения. Власть берет свое начало с проявления способности, воли одного субъекта влиять, воздействовать на другой, в результате чего один из них становится субъектом, а другой — объектом власти. Воля — не только психологическая характеристика индивида, социальной группы, общности, института, но и приобретенное в процессе социализации, творческой деятельности, опыта социальное качество. В этом смысле В. И. Даль определяет волю как «власть или силу, нравственную мочь, право, могущество».⁴ Поэтому власть в самом общем виде можно охарактеризовать как волевое отношение между двумя социальными субъектами, в результате чего происходит разделение на властвующего и подвластного, субъекта и объекта власти. Тогда структура власти получает свое законченное выражение в четырехчленной формуле:

— распоряжение, предписание, приказ как властное веление подчиняться воле субъекта власти;

— подчинение как подведение единичной, частной воли под всеобщую волю власти;

— наказание или санкции как средство воздействия на отрицание господствующей воли;

— нормирование поведения как совокупность правил в соответствии со всеобщим узаконенным интересом.⁵

Властные отношения проявляются в таком случае как взаимодействующие, так и принудительные. Они носят обязательный характер и включают в себя комплекс разнообразных мер, которые гарантируют выполнение распоряжения или приказа:

— специальная информация, убеждение, пример авторитета, контроль;

² Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология / Пер. с франц. Ч. I. М., 1992. С. 121—123.

³ Амелин В. Н. Социология политики. М., 1992. С. 30—56.

⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1981. С. 238.

⁵ Артемов Г. П., Сморгунюв Л. В., Соловьев О. М. Политология: Методические указания к курсу. Л., 1991. С. 30.

— система научения, упражнений, социальной поддержки;
— использование силы.

В осуществлении властных велений немаловажное значение имеют способы, принципы, на которых зиждутся отношения между субъектом и объектом. Их применение в практической деятельности помогает избежать ошибок, скорректировать неадекватное соотношение, способствует совершенствованию функционирования всего властного механизма. В. В. Ильин называет более двух десятков принципов осуществления власти, среди которых: принцип сохранения, действенности, легитимности, реальности, коллегиальности, толерантности, самокритичности, принуждения, культурности, меры, ответственности, самоорганизации, твердости, принцип внутреннего величия и т. д.⁶ В своей совокупности они составляют идеальную модель власти, т. е. какой она должна быть. В то же время их соблюдение дает возможность максимально использовать инструмент власти для достижения поставленных целей.

Власть как выражение социальных отношений в обществе содержит в своей основе интересы людей, социальных общностей, классов. Выражение, представление и реализация интересов осуществляются посредством специальных организаций, легально функционирующих в рамках общества. «Политическое» в этом процессе возникает на этапе «включения» организации в борьбу за власть. Если этот этап успешно выигран, то можно констатировать «господствующее положение» одной или нескольких социальных групп по отношению к другим. Интересы «победивших» становятся преобладающими, приоритетными. Волевое отношение, стимулирующее производство и воспроизводство власти, приобретает ярко выраженную политическую окраску, а также инструментальную поддержку в форме правовых актов и разнообразных социальных институтов. Устойчивость властных структур на следующем этапе зависит от их умения и способности учитывать интересы противоположных социальных сил. Власть, стремящаяся к стабильности общественной системы, гармонизирует интересы всех с помощью компромиссных договоров, соглашений.

Сравнительный анализ социальных основ и практического осуществления власти дает существенные различия между «желаемым» и «действительным». Выделяется несколько подходов в изучении данного явления. Во-первых, имеется элитистский подход, содержание которого заключается в том, что власть в каждом обществе принадлежит господствующей кастовой элите, которая отличается монолитным внутренним единством, солидарностью и общностью целей. Ее положение в обществе настолько прочно, что всякие попытки иных конституционных

⁶ Ильин В. В. Власть // Вестн. Моск. ун-та. Социально-политические исследования. 1992. № 3. С. 13—23.

структур изменить ситуацию, как правило, обречены на неудачу. Основу элиты составляет так называемый «треугольник власти», состоящий из трех компонентов: политической, экономической и военной власти. Между ними не существует жестких границ. В рамках этого «господствующего класса» принимаются все важнейшие политические решения, имеющие общегосударственный характер.

Во-вторых, широкое распространение получил плюралистический подход, который признает множественность управленческих центров. Помимо политической элиты «держателями» власти являются владельцы и управляющие крупными предприятиями, руководители политических партий и профсоюзов, функционеры государственной администрации, военные, видные церковные иерархи, ученые, писатели. Они находятся между собой в отношениях сотрудничества либо конкуренции, образуют своеобразные противовесы в политическом процессе, тем самым оказывая решающее влияние на принятие решений. Каждый такой центр имеет «внизу» своих сторонников и симпатизирующих, которые посредством различных каналов передают свои полномочия «наверх»: Политический вес центра зависит от многих слагаемых, основными из которых являются авторитет, влияние, способность держать политических лидеров «на привязи», количество сторонников, имидж руководителя, социальная дистанция по отношению к правительству, президенту, парламенту. Эти факторы зачастую предопределяют выбор способа или комбинацию способов в исследовании власти разных уровней. Зарубежные исследователи выделяют:

- репутационный способ, основанный на выборке политических лидеров, имеющих наибольшую популярность, авторитет, репутацию в городе, регионе, стране;

- позиционный, заключающийся в нахождении и определении наиболее престижных, весомых с профессиональной и политической точки зрения руководителей, социальных институтов, организаций;

- «потолок» принятия решений основан на определении способностей и возможностей учреждений, предприятий и их руководителей принимать важные решения, затрагивающие интересы большого количества людей;

- по признаку и характеру общественной деятельности этот способ исходит из факта принадлежности политика, руководителя к тем или иным политическим партиям, профсоюзам, социальным движениям.⁷

В-третьих, марксистский подход, выражающийся в том, что власть основана на материальном господстве одного класса и его союзников, на организованном насилии класса по отноше-

⁷ Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология / Пер. с франц. Ч. III. М., 1992. С. 130—140.

нию к другому. Всякая борьба классов есть борьба политическая, направленная на завоевание, удержание и использование государственной власти. Социальное господство буржуазии «маскируется» провозглашением демократических прав и свобод для всех граждан, созданием необходимых условий для всеобщего процветания и благополучия. Это господство вечно, если рабочий класс не установит свое правление и не произведет фундаментальные перемены в отношениях собственности. Одновременно рабочий класс ликвидирует социальные условия для существования классов. В условиях бесклассового общества, следовательно, господство рабочего класса отпадает само собой.

Заметим, кстати, что в вышеприведенных — «элитистском» и «плюралистическом» — подходах признается наличие в обществе борьбы за власть между отдельными его частями на основе несовпадения их экономических и политических интересов. Разница состоит лишь в том, что группы, касты, элиты представляют в основном внутrigрупповые интересы в границах единого господствующего класса собственников. Противоречия между ними, выступающие в форме соперничества, конкуренции, разрешаются путем компромисса в рамках закона.

Политическая власть, являясь результатом социального господства, характеризуется умением класса, общности, группы, отдельного человека выражать и представлять свои интересы, артикулировать и агрегировать их в организации, бороться за их реализацию в рамках всего общественного организма, используя разнообразные средства, приемы на основе конституционного права. Ее практическое осуществление требует создания широкого механизма управления, включающего совокупность различных элементов, отношений, норм, взглядов. В качестве основных элементов политической власти выступают:

- государственная власть, которая обладает профессиональным управленческим аппаратом, специальными легитимными полномочиями и средствами воздействия. Ее распоряжения и веления обязательны для всех граждан, проживающих на данной территории. Неповиновение влечет законное применение принудительных, насильственных мер. Государственная власть гарантирует необходимые условия для функционирования общественного организма, уравнивает и разрешает социальные противоречия, обеспечивает защиту прав и свобод гражданина, поддерживает равноправные и добрососедские международные отношения;

- совокупность государственных и негосударственных учреждений и организаций, в рамках которых реализуется власть «снизу доверху», и их отношений между собой;

- система норм и взглядов, которые определяют и регулируют отношения между субъектами и объектами власти;

- политическое сознание граждан, выражаемое через политическое поведение и политическое участие в делах общества;

— политическая культура как результат социализации, как уровень знаний и представлений о власти и политической жизни.

Сложное элементное содержание власти свидетельствует о многомерности выражения как ее сущности, так и практического функционирования. Власть может быть экономической и идеологической, партийной и элитарной, центральной и региональной, авторитарной и демократической, коллегиальной и бюрократической и т. д. Но власть не только многомерна, но и многофункциональна. В любом обществе ей присущи функции внутреннего и внешнего порядка. Сфера их действия не остается неизменной, а зависит от содержания и этапа общественного развития. Например, российское общество первой половины 90-х годов кардинальным образом отличается от советского общества 80-х и нуждается соответственно в применении иных методов и форм деятельности властных структур, других направлений развития самой власти. Однако есть функции, которые присущи любой политической власти, в какой бы форме она ни осуществлялась. К ним относятся:

— обеспечение и защита политического и правового порядка;

— организация общественного производства и поддержание экономического порядка, благополучия граждан;

— правовое регулирование отношений между индивидами, их взаимоотношений с государственными и политическими институтами;

— формирование условий для развития образования, воспитания, культуры, здравоохранения, отдыха людей, т. е. тех направлений, которые составляют социальную сферу жизнедеятельности; а развитая социальная инфраструктура — это несущая конструкция в социализации личности, в формировании ее целостных качеств. Основное бремя расходов в данной области должно нести государство:

— поддержание оборонного потенциала государства с целью защиты его граждан от нападения извне;

— охрана природы и содействие воспроизводству ее ресурсов;

— развитие международного сотрудничества и межгосударственных отношений на принципах независимости, невмешательства, справедливости и добрососедства.

Комплекс внутренних и внешних функций фактически означает основные направления деятельности властных структур, всего государственно-политического организма. Функционирование последнего — это управление обществом, придание ему стабильного и прогрессивного развития. Власть и общество, государство и общество — эти парные позиции всегда образуют своеобразное пространство, в границах которого происходят процессы социального взаимодействия, ведущие к гармонизации

общественных отношений, либо процессы социального рассогласования, которые приводят к конфликтам и кризисным ситуациям. Являясь основным действующим субъектом, власть в лице государства и других политических образований использует те средства и методы правления, которые наиболее эффективно обеспечивают устойчивое развитие общественной системы. Совокупность средств и методов осуществления власти составляет политический «образ», порядок, режим правления.

Политическая практика дает несколько типов, «образов» правления, способов осуществления власти. В свое время М. Вебер в работе «Политика как призвание и профессия» выделил три типа политического господства: патриархальное — традиционное, харизматическое, рациональное — легальное.⁸ Однако последующее развитие общественной жизни внесло свои коррективы в эту классификацию. Во-первых, авторитарный образ правления, который характеризуется безраздельным подчинением всех форм жизнедеятельности общества государству, диктатуре одного вождя или группы приближенных к нему лиц. В этих условиях происходит отчуждение человека от самостоятельного и независимого участия в политических действиях; нарушаются права и свободы граждан; для подавления политической оппозиции применяются в основном меры принуждения и наказания, террористические методы; попирается Конституция государства и законодательные акты; не реализуется принцип разделения властей.

Во-вторых, тоталитарный образ правления, основными характеристиками которого являются: власть диктатора, которая держится на насилии и подавлении политической оппозиции; единая господствующая идеология, пронизывающая экономику, культуру, общественную и личную жизнь; монопольный контроль за экономическим развитием, средствами массовой информации и армией; закрытый, «номенклатурный» способ формирования руководящих кадров.

В-третьих, демократический образ правления, отражающий в максимальной мере интересы и потребности граждан, обеспечивающий свободу их волеизъявления, участия в политическом процессе, в выборе тех или иных форм собственности. В этом случае возможно осуществление принципа: «Не человек для государства, а государство для человека». В условиях демократического способа правления происходит становление правового государства, а в последующем и правового общества, в котором социальные связи людей «разгерметизированы» от излишней опеки государственной власти и поддерживаются на основе договора и гражданского согласия. Множественность политических институтов может соседствовать с множественностью пра-

⁸ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 646—648.

вовых, где права и свободы каждого человека обеспечиваются абсолютно. Конечно, реальная практика в большинстве государств не укладывается в рамки идеальной демократической модели. Мы не можем сегодня назвать ни одного государства, в котором были бы в полной мере реализованы все демократические принципы правления. Один из основополагающих принципов правового государства — принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную в большинстве стран реализуется по-разному.

§ 2. ПРИНЦИП РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

Разделение властей является конституционным принципом современного государственного устройства, который предотвращает концентрацию государственной власти в руках одного лица или группы лиц. Благодаря функциональному и организационному разделению власти на законодательную, исполнительную и судебную обеспечивается политическая свобода в рамках демократического правового государства и контроль над осуществлением власти.

Принцип разделения властей в различных формах воплощается во всех государствах с демократическим устройством и не означает абсолютной отграниченности властей друг от друга. Исполнительная власть в лице правительства, как правило, проявляет законодательную активность, выступая с законодательными инициативами. Представители законодательной власти, депутаты, могут быть членами правительства. Лишь члены конституционных судов не могут входить в органы исполнительной и законодательной власти, однако они чаще всего избираются парламентами.

Современная система разделения и взаимной связи властей восходит к идее равновесия властей, выдвинутой представителями английского либерализма XVII в. и нашедшей благоприятную почву во Франции XVIII столетия. Джон Локк (1632—1704) — родоначальник современной теории демократии, выдвинул два центральных принципа демократии — принцип разделения властей и принцип представительства. Для Дж. Локка характерно функциональное обоснование разделения властей. В целях защиты жизни, свободы и собственности граждан государство выполняет четыре функции: законодательную, исполнительную (исполнение законов), федеративную (не связанную законом), прерогативную (в исключительной ситуации).

Ш. де Монтескье (1689—1755), считающийся подлинным родоначальником теории разделения властей, в отличие от Дж. Локка разработал модель не только функционального разделения властей, но и подчеркнул взаимную связь и взаимное ограничение властей путем создания различных центров власти. В своем произведении «О духе законов» он разработал модель

конституции, которая гарантировала бы свободу путем разделения государственной власти между дворянством, королем и буржуазией таким образом, что каждая власть сдерживается другой. Законодательная власть состоит из двухпалатного органа, в котором законодательная деятельность избранных представителей народа контролируется верхней палатой, состоящей из дворян. Король обладает правом вето, так что возникает взаимный контроль между законодательной и исполнительной властью. Согласно Монтескье, судебная власть — не самостоятельная сила, поскольку судьи являются лишь «гласом закона» и выборными представителями сословий.

Система разделения властей, предложенная Монтескье, получила развитие в идеях американских федералистов — А. Гамильтона (1755—1804) и Дж. Мэдисона (1751—1836) и впервые нашла воплощение в американской Конституции 1787 г., которая является самой старой ныне действующей буржуазной конституцией и содержит развитую систему «сдержек и противовесов». Конгресс, обладающий законодательной властью и правом утверждения бюджета, контролирует президента, обладающего исполнительной властью и, в свою очередь, имеющего возможность влиять на исполнительную власть путем использования права подписи законов и права вето. Депутаты не могут быть членами органов исполнительной власти. В отличие от «безвластных» судей модели Монтескье Верховный суд США обладает правом пересмотра законодательных актов.

В XIX в. либеральная буржуазия Европы боролась против абсолютистского монархического государства, за осуществление принципа разделения властей в конституционном государстве, однако одновременно ей пришлось бороться и против зарождающегося рабочего движения. Целью создания государства с разделением властей была защита свободы и собственности, в первую очередь для буржуазии. Поэтому против буржуазной модели разделения властей выступили теоретики рабочего движения, считавшие необходимым соединение всех трех ветвей власти в руках пролетариата и создания государства социалистической демократии на однородной социальной основе, в котором контроль за деятельностью власти осуществляется путем критики и самокритики. Неудача построения государства социалистической демократии, отрицательный опыт тоталитарного господства в нашей стране, дискуссия о создании правового государства оживили интерес к модели разделения властей.

Современная модель разделения властей включает не только горизонтальное разделение на законодательную, исполнительную и судебную власти, но и вертикальное разделение властей в федеративном государстве, т. е. разделение властей между федерацией и ее равноправными членами (республиками, землями, штатами, регионами и др.). Федерализм — важный принцип современного государственного устройства, означающий го-

сударственность субъектов федерации. Предпосылкой создания федерального государства является федеративный договор, который устанавливает распределение властных компетенций между федерацией и ее субъектами.

Разделение властей в федеративном государстве основано на том, что субъекты федерации получают возможно большее число властных полномочий, а сама федерация — все те полномочия, которые относятся к предметам всеобщего интереса.

Практика вертикального разделения властей показывает, что законодательной властью обладают как федерация, так и земли, однако почти все важнейшие законодательные полномочия сосредоточены у федерации. В законодательство, относящееся исключительно к ведению федерации, входят отношения с иностранными государствами, вопросы обороны, валютная система, железнодорожный и воздушный транспорт, значительная часть налогового законодательства.

К сфере смешанных законодательных компетенций относятся вопросы, которые конституционно или законодательно не урегулированы на федеральном уровне. Если возникает необходимость в единообразии, то федерация регулирует эти сферы, например, хозяйственное законодательство, трудовое, жилищное, земельное право, охрана окружающей среды. Практика показала, что по данным вопросам необходимо иметь единые правила, субъекты федерации практически не занимаются этими вопросами. По другим вопросам, например образование и охрана природы, законодательные компетенции принадлежат субъектам федерации, хотя и ограничены общегосударственными рамками. Субъекты федерации могут опротестовать законодательные действия федерации через органы представительства субъектов федерации, хотя на практике субъекты вынуждены во многих случаях искать компромисс с федерацией.

К самостоятельной компетенции субъектов федерации относятся обычно значительная часть системы образования и культуры, коммунальное право и полицейская власть.

Юрисдикция федерации ограничивается Федеральным Конституционным судом и верховными судами, которые обеспечивают единое толкование права, обладают правотворческой способностью и осуществляют правовой надзор. Все остальные суды — местные, однако их решения могут быть отменены федеральными судебными органами.

Исполнительная власть практически полностью сосредоточена у субъектов федерации, последняя осуществляет лишь правовой надзор. Сила субъектов федерации заключается в административном управлении и в участии в законодательстве через органы представительства на уровне федерации.

Исполнительная власть субъектов федерации отвечает за исполнение большинства федеральных законов и осуществляет управление в сфере своей исключительной компетенции (напри-

мер, школы, полиция). Далее, она выполняет общегосударственные задачи как свои собственные, например, осуществляет охрану окружающей среды и, наконец, выполняет поручения федерации, например, обеспечивает строительство федеральных транспортных магистралей.

Наконец, существует местное самоуправление городов и районов, которое уходит своими корнями к привилегиям вольных городов средневековой Европы, когда городское право обеспечивало свободу от оков крепостничества. Современное местное (коммунальное) самоуправление основано не только на традиции, но и на праве взимать местные налоги, которые обеспечивают финансовые средства для выполнения задач местного самоуправления. Местное самоуправление обеспечивает гражданам возможность лучшего контакта со своими избранниками в органы власти, позволяет ознакомиться и обсудить проект местного бюджета, планы строительства и т. п. Местное самоуправление — это самое маленькое звено в разделении властей и политической жизни общества.

Вертикальное разделение властей, воплощенное в федеративной структуре государства, имеет большую историческую традицию. Классическими странами с федеративным устройством государства являются Германия, Швейцария и США, возникшие из самостоятельных в прошлом государств. В этих странах вертикальное разделение властей оправдало себя: при нем обеспечивается не только внешнее единство государства, но и гораздо лучше, чем в унитарном государстве, учитываются особенности и проблемы регионов. Сегодня эта функция приобретает особо важное значение в связи с новыми требованиями регионов, такими, как охрана природной и культурной среды, сохранение исторических традиций местного населения.

Для России, которая согласно официальному названию «Российская Федерация» является федеративным государством, федеративная структура может быть наиболее подходящей формой разделения властей, так как опирается на историческую традицию самостоятельных в прошлом государств. Несмотря на то, что сегодня полная самостоятельность субъектов федерации невозможна, этот чисто исторический аргумент все равно имеет большое идеологическое значение для российского общества.

Помимо названных преимуществ разделение властей в федеративном государстве имеет и целый ряд других: оно обеспечивает политическую свободу в демократическом государстве, укрепляет принципы демократии, обеспечивает политическую активность граждан в их повседневной жизни. Демократия оказывается полнее, когда на своем, знакомом местном уровне граждане имеют возможность заниматься политикой, участвовать в выборах. Например, в федеративном государстве можно лучше учесть мажоритарные соотношения на выборах, в

результате чего оппозиция может формировать правительства субъектов федерации, доказывая свою способность к управлению, избегая тем самым односторонней государственной политики в интересах одной партии, добившейся власти, унификации политической атмосферы.

Таким образом, в политическом отношении вертикальное разделение властей положительно сказывается на функционировании политической системы, так как интересы регионов и социальных меньшинств представлены лучше, а политики получают дополнительные возможности приобретения опыта, близости к гражданам, нежели в централизованном государстве.

Кроме того, вертикальное разделение властей в федеративном государстве позволяет осуществлять социальные и политические эксперименты в рамках относительно небольших территорий, что ведет к созданию и отработке модели реформ для всего государства.

Несмотря на преимущества вертикального разделения властей в федеративном государстве, идею которого в настоящее время никто не отрицает, по поводу него идет постоянная политическая и научная дискуссия, основанная на исследованиях отношений между федерацией и ее субъектами, процессов принятия политических решений в системе органов власти со сложной структурой, проблем местного самоуправления.

Против вертикального разделения властей выдвигается аргумент, согласно которому оно усложняет структуру органов государственной власти и затрудняет управление, часто приводит к конфликтам между субъектами и органами федерации, особенно по поводу перераспределения финансовых средств.

Часто выдвигается обвинение в том, что управление становится дороже за счет многочисленной государственной бюрократии на уровне федерации и ее субъектов, хотя, очевидно, что в централизованном государстве, в котором нет вертикального разделения властей, потребовалось бы создать не менее дорогостоящий аппарат централизованного управления.

Иногда обнаруживаются и негативные стороны разделения властей, например, недостатки в области народного образования на местном уровне, причины которых усматривают в структуре вертикального разделения властей,⁹ хотя сохранение культурных особенностей регионов, несомненно, положительно влияет на культуру страны в целом.

Таким образом, разделение властей защищает от концентрации власти и произвола в ее осуществлении, обеспечивает более полное представительство интересов социальных слоев и групп, и регионов, и в конечном счете — лучшее функционирование демократической системы.

⁹ Föderalismus // Gesellschaft und Staat. Lexikon der Politik. Baden-Baden, 1989. S. 246.

Для отечественных социологов политики исследования разделения властей являются новым полем теоретических и эмпирических исследований, в то время как в зарубежной политической социологии уже сложилась и стала традиционной следующая тематика анализа разделения властей: разделение и взаимное переплетение компетенций между ветвями и органами власти, отношения между федерацией и ее субъектами, процесс принятия решений в политической системе со сложным разделением властей и эффективность политического руководства и управления.¹⁰

§ 3. ЧЕЛОВЕК И ВЛАСТЬ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА, ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО

Отношение «человек — власть» выражает прямую связь между нереализованными и реализованными способностями, возможностями индивида в политической жизни. Стремление к власти, являясь постоянной величиной, обуславливается многообразными потребностями человека — к свободе, независимости и самостоятельности, к материальному благополучию и социальным выгодам, к самовыражению и самоутверждению, к справедливому распределению материальных и духовных ценностей, к бескорыстному служению людям, Отечеству. Осуществление этих потребностей протекает по-разному и зависит от многих факторов внутреннего характера. Однако историческая практика позволила выработать определенную формулу, в которой представлены этапы участия индивида в его стремлении к реализации властных функций:

— стихийное или осознанное участие в политической жизни — митинги, выступления на собраниях, работа в самоуправляемых общественных движениях и организациях;

— участие в коллективном политическом руководстве на основе принадлежности к правящей элите, касте;

— участие в единоличном политическом руководстве.

Массовое участие населения, всех его категорий в политической жизни, в управлении общественными делами является признаком демократичности государства. Реальное значение имеет не факт декларирования «всеобщего участия» в законодательных положениях, а факт реализации самоуправленческих принципов в организации демократического управления. Авторитарно-тоталитарные режимы, объявляя себя истинно народными и демократичными, допускали участие масс в политической жизни лишь в рамках единой официальной идеологии. Всякие попытки проявления политического участия в иных измерениях, как пра-

¹⁰ Benz A. Regierbarkeit im kooperativen Bundesstaat. Eine Bilanz der Föderalismusforschung // Regierungssystem und Regierungslehre: Fragestellungen, Analysekonzepte und Forschungsstand eines Kernbereichs der Politikwissenschaft. Opladen, 1989. S. 181—182.

вило, жестко ограничиваются и пресекаются. Широко декларируемая «демократия участия» в действительности подменяется «бутафорской демократией», где представлен весь набор атрибутов бесправия и беззакония. Извращения авторитарно-тоталитарного режима ликвидируются при переходе к правовому государству. Ограниченное, усеченное участие человека в управлении трансформируется в свободное, когда инициирование снизу, сообразно влечениям и потребностям каждого индивида, постоянно поддерживается легитимно установленным политическим порядком и соответствующими законоположениями. Это находит свое выражение в образовании многочисленных политических и неполитических организаций, объединений, составляющих «скелет» действующей демократии, в рамках которого происходит взаимодействие гражданина с государством. Привлекательность подобной демократии очевидна, ибо она избавляет (или, по крайней мере, стремится) человека от подчинения власти произвола. Варианты участия в управлении зависят от масштабов, величины общественной системы, от ее традиций, стабильности, установившихся норм и взглядов. Система представительной демократии, характерная для большинства современных государств, не может успешно функционировать без участия людей, обладающих специальными знаниями, навыками. Выборные должности в данном случае в идеальном варианте могут заполняться лишь компетентными, знающими экспертами, которые обеспечивали бы и проводили независимую от давления чиновников-бюрократов политику. Тогда и само общество получало бы надежную защиту как от произвола принимаемых «наверху» политических решений, так и от постоянного навязываемой власти со стороны бюрократического аппарата.

Этот демократический идеал, связывающий воедино гражданскую активность населения с выборностью компетентных представителей в органы власти, практически недостижим. Следовательно, эффективное «правление народных масс» в крупных общественных системах путем передачи властных полномочий своим представителям являет собой трудно реализуемую задачу. Не способствует этой «эффективности» и система организованных партий, посредством которой формируются властные представительные структуры. Во-первых, политическая индивидуальность и независимость депутата подавляются коллективной партийной дисциплиной. Во-вторых, сами партии фактически управляются штатным бюрократическим аппаратом, а не выборными руководителями. Исключение составляют ситуации, когда партия создается «под руководителя», когда она на первых порах исполняет его волю и устремления. В-третьих, «партийное засилье» в представительных органах лишает их автономности и самостоятельности в принятии политических решений, в осуществлении законодательных и контрольных функций.

Так называемая «прямая демократия» предполагает участие

всего населения в реализации властных функций в обществе. Ее применение ограничено несколькими факторами:

— невозможностью постоянного участия всего населения в принятии политических решений, за исключением разового участия во всенародном референдуме или общенациональном опросе по жизненно важным для общества вопросам;

— отсутствием у большинства граждан политической компетентности и политической культуры;

— усложнением социальной регламентации в развитых цивилизованных обществах.

«Прямая демократия», или «демократия участия», получила большое распространение в производственной сфере, в управлении предприятиями. «Производственная демократия, как участие работников в решении трудовых и социальных проблем на предприятии, берет свое начало в 1791 г. в США, где было создано первое кооперативное промышленное объединение, и в Германии — 1891 г., где был принят первый закон о рабочих Советах».¹¹ В первой половине XX в. она распространилась в большинстве европейских стран и получила законодательное закрепление в одних, а договорное — в других государствах. После второй мировой войны такая форма участия трудящихся в управлении приобретает стабильный характер. Выделяют три вида такого участия: консультативный, содетерминационный, т. е. голос работников соизмерим с голосом управляющих, и контрольный. Наряду с данными видами участие работников в принятии управленческих и других решений характеризуется в иных величинах:

— степень участия в каждом принимаемом решении;

— сферы, на которые распространяется участие, например, социальные вопросы, проблемы условий труда, оплаты, найма и увольнения;

— организационные формы участия — рабочий совет, представительство рабочих в наблюдательных советах, в правлениях предприятий, корпораций.

Демократия участия в производственной сфере присутствует в практике многих развитых государств. Она является одним из основополагающих принципов внутренней политики, проводимой социал-демократическими и социалистическими партиями Европы. Ее осуществление напрямую зависит от воплощения элементарных требований демократизма в данном обществе: защита интересов, прав и свобод человека, обеспечение свободы слова, собраний, критики и т. д.

Как в производственной, так и в политической сфере демократия участия все же имеет важнейшее значение не с точки зрения обеспечения властными полномочиями большинства или

¹¹ Эфирова С. А. Принцип участия. Социально-политический контекст // Социологические исследования. 1990. № 9. С. 14—21.

всех, а скорее, с точки зрения создания эффективного и устойчивого механизма управления как в сфере производства, так и в обществе в целом. Видимо, следует согласиться с мнением, согласно которому прямая демократия «может хорошо функционировать там, где в процесс вовлечено относительно немного людей; в крупномасштабном обществе в качестве стабильной системы управления она не работает. Отдельные референдумы, конечно, могут иметь место, но для тысяч, миллионов людей голосование по каждому вопросу после длительных обсуждений всех аспектов невозможно».¹² Человек высказывает посредством голосования свое отношение к тому или иному вопросу, политическому деятелю не потому, что он сам хочет разделить властвование на каком-то уровне, а в силу того, чтобы его позиция нашла поддержку в решении конкретной проблемы, задевающей его интересы и устремления. Если он не находит позитивного ответа на свой «избирательный жест», то связь между ним и высшими властными структурами прерывается посредством отрицательного участия в следующем голосовании или неучастием вообще.

Интерес к «участию» или «неучастию» представляет собой трудно прогнозируемую величину. Это связано не только с проблемой политической активности людей, но прежде всего с уровнем их экономического благосостояния, со степенью их политической свободы, с мерой соответствия их потребностей и проводимой властями политикой.

Политическая эйфория, наступившая в нашем обществе в конце 80-х годов, в перестроечный период, свидетельствовала об огромных потенциальных возможностях и способностях большинства населения к участию в демократизации общественных отношений, в создании справедливого и устойчивого правового государства, в преодолении социального нигилизма и апатии. Однако тогдашние правители, открыв демократические шлюзы, ничего не сделали для того, чтобы государственный корабль двигался заранее разработанным и строго выверенным курсом, а инициатива масс использовалась на благо спокойного и разумного переустройства системы без скачков и элементов анархии. Как известно, результат оказался равнозначным формуле: «Хуже не придумаешь». Разочарование масс, их неверие в конструктивный характер социальных изменений достигли критических величин. Период паралича и противоборства законодательной и исполнительной власти, завершившийся кровавыми октябрьскими событиями 1993 г., является одновременно свидетельством перехода «массового гражданина» на позиции наблюдателя со стороны. Это опасное отклонение открывает путь «неконтролируемому вождизму» на долгие времена.

¹² Гидденс А. Политика, управление и государство // Рубеж. 1992. № 3. С. 92.

Показателем падения интереса к властным структурам является постоянное снижение участия в выборах, референдумах и опросах, начиная с 1989 г. Эта тенденция подтвердилась на выборах парламента России — Федерального собрания в декабре 1993 г., 1995 г. и результатах референдума по принятию новой Конституции. Возникает вопрос — на каком уровне стабилизируется эта «кривая» и можно ли ожидать ее обратного движения? Видимо, ответ следует искать в том числе и в практике избирательных кампаний большинства традиционных западных обществ, где процентное соотношение «участвующих — неучаствующих» в выборах остается примерно одинаковым на протяжении длительного времени. При этом процент участия значительно ниже средней величины, и такое соотношение считается нормальным явлением в условиях демократического правления. Не следует ли, основываясь на данной реальности, прийти к заключению о том, что выборы и участие в них есть некая символическая ценность, в рамках которой происходит «символическое соединение» граждан с господствующей политической системой и не более того? Что касается дальнейшего хода событий, то следует признать, что все политические институты демократического общества, предложив сыграть гражданам свою роль в выборах, довольно быстро забывают об оказанной поддержке и действуют сообразно своим интересам и способностям. Их больше всего заботит отношение меньшинства, которое обладает властью, чем интересуется большинство, не обладающее ею.

Деление общества на меньшинство, распределяющее материальные ценности, и большинство, не определяющее государственную политику, является одним из признаков элитарной теории, истоки которой уходят к временам Н. Макиавелли и В. Парето. Претерпев определенные трансформации, теория элит в современном ее понимании опирается на политическую практику многих государств.

Понятие «элита» (с лат. «eligere» и франц. «élite» — лучший, избранный) означает категорию людей, «организованное меньшинство», обладающих высоким престижем, статусом, индексом в сфере их деятельности и осуществляющих наиболее важные и ответственные функции в обществе.¹³

Множественность подходов в определении «элиты» свидетельствует о том, что ее содержание трактуется в социологии по-разному. Одни связывают содержание элиты исключительно с функцией осуществления власти, с функцией управления. Другие, наоборот, считают, что истинная элита, обладая неким интеллектуальным «превосходством», не стремится к власти,

¹³ Аш и Г. К. Современные теории элиты. М., 1985; Миллс Р. Властвующая элита / Пер с англ. М., 1959; Парта М. Теория элит и политика. М., 1978.

а представляет замкнутую группу людей с набором высших нравственных и психологических характеристик, не связанную с правящим классом, а стоящую вообще над классами. Третьи выделяют вторичные признаки элит и на этой основе классифицируют их. Например, разделение элит на статичную, динамичную и подражательную основано на трех формах управления: традиционном, внутреннем, внешнем. Демократические, авторитарные и либеральные элиты идентифицируются со способом правления под теми же названиями.¹⁴

Думается, что В. Парето поступил правильно, дав широкое и узкое определение элиты. Согласно первому в элиту входят те индивиды, которые преуспели в своей сфере деятельности и достигли высшего звена профессиональной иерархии благодаря своим способностям. Эту группу составляют те, «кто достоин хороших оценок в конкурсе жизни или вытянул счастливые номера в лотерее общественной жизни». По второму определению правящая элита объединяет небольшую группу «преуспевающих», которые выполняют руководящие ответственные функции политического характера, «кто прямо или косвенно играет заметную роль в правительстве». Все остальные образуют неправящую элиту.¹⁵

Деление элит на правящую и неправящую снимает некоторые дискуссионные вопросы, связанные с выявлением их функциональных характеристик. Однако оно не снимает объяснения самого элитогенеза. Почему происходит дихотомическое деление на «элиту и массы», на «меньшинство и большинство»? Установлению происхождения этого феномена помогает существование трех видов обоснования: биологический, харизматический, религиозный, психологический. Сторонники биологического обоснования считают, что дихотомия «элита — массы» происходит под воздействием запрограммированных, генетически обусловленных факторов. Природа господствующего меньшинства определяется материалом лучшей наследственности и полноценности. Именно благодаря этой категории людей происходит движение цивилизации. Недаром В. Парето оставил после себя, как уже отмечалось, крылатое выражение о том, что история человечества — это «кладбище аристократий». В улучшении человеческого порою путем искусственной селекции сторонники данного направления видят благо для всех. Харизматическая, или религиозная, трактовка элиты основывается на иррациональной вере в «волю провидения», в «божью благодать». Этими качествами «одаряются» немногие. Через них высший разум творит историю, ибо массы, народ, не знают и никогда не узнают «высшие тайны божественного откровения». Поскольку социальное нера-

¹⁴ Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан: очерки политической социологии капитализма. М., 1985.

¹⁵ Цит. по: Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Пер. с франц. М., 1993. С. 451—453.

венство имеет «сверхъестественное происхождение», то нужны харизматические лидеры и их последователи, через которых осуществляется «воля Бога» для передачи «народной массе».

Психологическая интерпретация элиты связана с врожденными психическими качествами индивидов. Правящая группа формируется из одаренных и способных личностей, которые в состоянии руководить обществом. Они приходят к руководству в процессе конкурентной борьбы, наделены определенным интеллектом и волей к осуществлению властных функций. Воля к власти, по мнению некоторых психоаналитиков, является своеобразным способом защиты человека, механизмом компенсации своей неполноценности.

Появлению современных теорий элиты более всего способствовала американская социология, в рамках которой сформировалось несколько школ: макиавеллиевская, либеральная и структурно-функциональная. Несмотря на некоторые различия между ними, следует подчеркнуть, что все они имеют одну общую основу: интерпретация элиты осуществляется на фоне концентрации или множественности властно-управленческих центров, их социально-политических влияний на общество в целом. Резюмируя взгляды, господствующие в этих школах, можно прийти к следующим характеристикам:

— общество делится на «властвующее меньшинство» — правящую элиту и «политически инертное большинство», не имеющее власти;

— управляющее меньшинство не является типичным представителем масс. Элиты формируются из представителей высшего социально-экономического слоя, из политической, экономической и военной субэлит;

— переход в элиту должен быть медленным и длительным, чтобы сохранить стабильность общественной системы и избежать радикальных структурных изменений. Тот, кто принимает основные согласованные правила элиты, допускается в правящую группу;

— элиты едины в подходе к главным ценностям социальной системы и к сохранению самой системы;

— государственная политика отражает не требования масс, а господствующие интересы элиты. Перемены в политике осуществляются чаще изнутри, чем революционным путем;

— правящие элиты слабо подвержены прямому влиянию со стороны равнодушной части граждан.¹⁶

Формирование элиты в современном обществе происходит путем использования различных форм отбора: делегирование, призвание или назначение, самоусовершенствование. Селекция кандидатов в состав правящей элиты происходит на основе

¹⁶ Томас Р. Дай, Л. Хармон Зиглер. Демократия для элиты / Пер. с англ. М., 1984. С. 38.

представлений, мотивов, которые имеют общий для данной элиты характер. М. Вебер сформулировал четыре типа мотивов:

— традиционный, предполагающий выдвижение лиц из своей социальной группы;

— эмоциональный, основывающийся на личных, субъективных симпатиях — антипатиях;

— оценочно-рациональный, включающий «долженствующие» принципы и взгляды;

— деловой, характеризующий объективные способности человека.

Социальная практика многих государств «начертила» своеобразный портрет представителя правящей элиты. Основные составляющие этого портрета: возраст, высокое социальное происхождение, высокий уровень образования. Утверждается, что наиболее активным и продуктивным возрастом является 50 — 65 лет, что характерно для политической части элиты.¹⁷

Несмотря на усилия, предпринимаемые в отдельных странах по сохранению целостности элиты, социологами замечается тенденция к большей самостоятельности отдельных субэлит — военной, экономической. Это связано скорее всего с временными тактическими интересами субэлит, особенно в период предвыборных кампаний.

Например, экономические субэлиты все чаще и чаще подчеркивают свою независимость путем неучастия в избирательном блоке с какой-либо партией вообще. Иногда они вносят определенные суммы в фонды кандидатов оппозиции, чтобы гарантировать защиту своих интересов в том случае, если оппозиционная партия придет к власти на очередных выборах.

Переход от «закрытого», тоталитарного к «открытому», демократическому обществу в России, совершающийся на наших глазах, поставил довольно сложную проблему, связанную с возможностью совмещения «функционирующей элиты и функционирующей демократии». Сегодня нет никаких сомнений в том, что вместо прежней партийной номенклатурной элиты в российском обществе создается новая правящая элита. Возникает масса вопросов по этому поводу: из кого она формируется, каковы потенциальные способности этих людей, кого они представляют, будет ли российская элита идентична западным или она будет чисто «русским явлением»? Ответить на эти и многие другие вопросы представляется в настоящее время делом трудным. Социологическая и другие гуманитарные науки пока не в состоянии описать в полном объеме происходящие процессы и дать четкие, исчерпывающие выводы. Однако некоторые оценки и прогнозы возможны.

«Открытое» общество, к которому мы сегодня стремимся, являет собой ту благодатную почву, на которой может произ-

растать такая же «открытая», а не замкнутая правящая элита. В этом обществе должно быть присутствие такого важного феномена, как высокая социальная мобильность «по горизонтали и по вертикали». Свободный доступ в правящую элиту представителей всех категорий населения — важнейший признак открытости данного общества.

Совместимость существования правящей элиты и демократии обеспечивается широким участием в представительстве и защите интересов всех классов и социальных групп населения. «Выживаемость» самой демократии зависит в конечном счете от политической и нравственной ответственности элиты, от ее постоянного воспроизводства за счет притока лучших представителей из всех сфер общественной жизни.

В демократическом обществе возможно и необходимо существование множественности элит, отношения между которыми строятся на основе компромисса и согласия. Россия уже пережила одновариантный, безальтернативный период в своем развитии. Силовое навязывание правящей группировкой «единственного и неповторимого» пути вынуждает оппозиционные и центристские политические блоки изменять свое отношение к политике властных структур. Это проявляется не только в более категоричном формулировании отдельных пунктов своих предвыборных программ, но и в действиях, побуждающих власти сделать то, что они не сделали бы никогда.

Сегодняшняя правящая элита в России носит переходный характер, как и само общество. Ее состав представляет собой «лоскутное» одеяло без признаков какого-либо рисунка. В ней — демократы и консерваторы, радикалы и твердолобые, коммунисты и христиане, начинающие предприниматели и директора госпредприятий, политизированные актеры и независимые профессора-консультанты. Волна демократического обновления вынесла «наверх» достаточное количество «серости и посредственности». Это неизбежно в условиях кардинальных структурных изменений. Остается только надеяться, что эта категория людей сохранится недолго в политическом пространстве России.

В недрах многочисленных элит формируются политические лидеры, представляющие не менее сложное социальное явление, чем политическое участие или политическая элита. Лидерство, являя собой потребность индивидов в организации, выступает в качестве механизма интеграции групповой деятельности. Оно характеризует социально-нравственные и психологические аспекты отношений, возникающие между индивидами на линии «субъект — объект» власти. Сердцевина этих отношений заключается в добровольном подчинении субъекту власти — лидеру всех других членов группы, социальной общности.

В социологии существует несколько теоретических подходов, объясняющих феномен лидерства:

¹⁷ Там же; см. также: Милле Р. Властвующая элита.

— теория черт, в соответствии с которой лидерство характеризуется как социально-психологическое явление, а лидером становится человек, который обладает суммой психологических черт, таких, как ум, характер, способность привлекать всеобщее внимание, юмор, такт, высокий интеллектуальный уровень, энергия;

— теория «функции ситуации», согласно которой лидером становится человек, действующий по сиюминутным обстоятельствам. Это человек «флюгерного» типа, который оценивает возникающую ситуацию с точки зрения «выгоды — невыгоды» для себя и своих приближенных.

Некоторые авторы объясняют лидерство как выражение искусства политика, предполагающее несколько компонентов:

— способность понимать, что людьми движут мотивы, внутренние побуждения, которые не могут быть одинаковыми в различных социальных ситуациях;

— умение создавать такой морально-психологический климат для объекта политики, который обеспечивал бы наиболее благоприятные условия политической жизни;

— стиль лидера как устойчиво воспроизводимые им отличительные черты политического управления.¹⁸

Как известно, лидера формирует время и социальное окружение. Его основные черты — это результат социализации, в том числе политической. Выделяется несколько типов политической социализации: гармонический, конфликтный, гегемонистский, плюралистический. В зависимости от этого личностные характеристики лидеров отличаются большим спектром разнообразных величин. Это может быть лидер-демагог, который способен лишь спекулировать на инстинктах и предрассудках толпы; это и типичный политик-бюрократ, владеющий методами манипулирования и специализирующийся на создании массовых и элитных политических организаций. Это может быть искушенный политик, который «сумел практически овладеть объективным смыслом и социальным эффектом выработки своих позиций», а его «практическое чутье» возможных и невозможных, вероятных и невероятных позиций позволяет ему выбирать среди «принятых приемлемых и заранее оговоренных позиций и избегать „компрометирующих“, которые столкнули бы его с теми, кто занимает противоположные позиции в пространстве политического поля».¹⁹

Личностно-деловые качества лидера помогают выполнять или, наоборот, не выполнять в полном объеме функциональные обязанности. В арсенале оценочных суждений о личности ли-

дера насчитывается более 100 различных положительных качеств. Среди них:

— подготовленность — общее и профессиональное образование, компетентность, практический и жизненный опыт;

— морально-политические качества — принципиальность, трудолюбие, чувство долга, убежденность, чуткость;

— характерологические качества — общительность, уравновешенность, скромность, решительность, твердость;

— деловые качества — дисциплинированность, требовательность, организаторские способности и т. д.

Все эти качества составляют социально-психологический и политический портрет лидера, способствуют осуществлению им своих функций. К последним относятся: конструктивная функция, организационная, интегративная, координационная.²⁰ Способы выполнения данных функций характеризуют стиль руководства, который может быть демократическим и авторитарным.

Демократический стиль управления основывается на учете мнения руководимых, на их предложениях и рекомендациях. Отношения лидера с массами опосредуются через множество общественных и политических организаций. Они составляют так называемую «сетевую основу» гражданского общества.

Авторитарный стиль способствует перерождению лидера в вождя. Последний, не ограниченный нормами морали и права, превращается в «сверхчеловека», харизматического предводителя, наделенного «божественными чертами». Его окружение формируется по патриархально-клановому признаку. Отношение «вождь — толпа» мистифицируется и достигает «небесных» величин.

§ 4. БЮРОКРАТИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Термин «бюрократия» ввел в научный оборот французский политэконом Винцент де Корнаи (1712—1859). С самого начала этот термин обладает негативной смысловой нагрузкой. Писатели постоянно высмеивают и осуждают бюрократию и бюрократизм. Достаточно вспомнить господина Бумбле, настоящего приюта для бедных, из романа Ч. Диккенса «Оливер Твист», борьбу с бюрократией главного героя гоголевской «Шинели», рассказы М. Е. Салтыкова-Щедрина, М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова, поэтическое творчество В. Маяковского.

Научные исследования бюрократии, напротив, крайне многочисленны. Если литература, посвященная публицистической критике бюрократизма, может составить целую библиотеку, то научные исследования бюрократии могут уместиться на книжной полке. Указанная диспропорция связана с «закры-

¹⁸ Андреев С. С. Политический авторитет и политическое лидерство // Социально-политический журнал. 1993. № 1—2. С. 30—31.

¹⁹ Бурдые П. Социология политики / Пер. с франц. М., 1993. С. 190—191.

²⁰ Политология на российском фоне. М., 1993. С. 301—302.

тостью» самого объекта изучения — бюрократии. К тому же в нашей стране сам термин «бюрократия» применительно к государству, партии и их органам после 1917 г. был исключен из научного и политического употребления, резко сократилось число научных исследований бюрократии, и лишь в газетах можно найти множество критических высказываний о бюрократизме.²¹

Бюрократией называется форма государственного, политического, общественного или иного управления, основанная на праве и осуществляемая с помощью управляющей организации профессионалов. Члены такой организации, образующие привилегированный слой общества, также называются бюрократией. Чрезмерное влияние управленческой организации на политическую и общественную жизнь обозначается термином «бюрократизация».²² Под бюрократизмом понимается формальное отношение к делу, подчинение интересов дела интересам карьеры, формализм.²³

В устоявшемся употреблении терминов члены профессионального государственного аппарата управления называются чиновниками, члены органов управления партий, профсоюзов, крупных предприятий, общественных организаций — функционерами. В отечественном словоупотреблении эти термины в позитивном смысле не используют, им соответствует эмоционально нейтральный термин «работники аппарата управления». Работники бывшего партийного аппарата и все лица, занимавшие должности в органах власти и ключевые посты в других организациях, кандидатуры на которые утверждались органами партии, называются номенклатурой.

Согласно классическому определению, принадлежащему немецкому социологу М. Веберу, бюрократия обладает следующими чертами:

- профессиональным управленческим персоналом;
- иерархическим подчинением сверху вниз и снизу вверх;
- однозначным распределением должностных обязанностей;
- отделением лица от должности;
- связанностью действий инструкциями;
- письменной фиксацией управленческих решений.

В любой бюрократической организации существует распределение полномочий в соответствии с должностью чиновника, т. е. местом в служебной иерархии. В бюрократической организации информация, приказы и поручения движутся по ступеням. Ступени бюрократической лестницы называются инстанциями.

²¹ Самый опасный внутренний враг: Сб. газетных статей о бюрократии. М., 1987.

²² *Bürokratie // Gesellschaft und Staat. Lexikon der Politik.* Baden-Baden, 1989. S. 128.

²³ Словарь современного русского литературного языка. Т. I. М.: Л., 1948. Ст. 734.

В бюрократической организации, как правило, запрещается обходить непосредственно вышестоящие и нижестоящие инстанции. Граждане обязаны обращаться в низшие инстанции.

Самой сильной и большой бюрократической организацией располагает государство. Как и всякая другая организация, государство заинтересовано в высокой профессиональной компетенции чиновников, прежде всего в знании инструкций, и предусматривает возможности их обучения и повышения квалификации. Продвижение чиновников по служебной лестнице определяется строгими правилами, среди которых первостепенное значение имеет пунктуальное исполнение должностных обязанностей и инструкций. Нарушение инструкций влечет за собой наказание.

Несмотря на то, что личность чиновника имеет большое значение для управленческой деятельности, его власть связана не с лицом, а с должностью, с местом в служебной иерархии, т. е. является анонимной.²⁴

Понятие бюрократии М. Вебера основано на его типологии господства. (Господство, согласно М. Веберу, — это институционализированная власть.) Бюрократия возникла путем постепенного эволюционного развития рационального государственного права, на котором основано легальное господство, вытеснившее традиционный и харизматический типы господства. Тип рационального государства с бюрократическим управлением сложился только в европейской культуре и был обусловлен монополизацией средств господства и управления в руках государства: постоянной армии, финансовой и налоговой системы, законодательной деятельности и созданием государственного аппарата управления. Несмотря на то, что типология господства, разработанная М. Вебером, неприменима к современным обществам в полной мере, что признавал и сам ее автор, становление и повсеместное распространение универсального права, управления государством на основе законов и возникновение бюрократии, несомненно, тесно связаны между собой через их рациональную природу. В рациональности бюрократии как формы управления в свернутом виде заложены ее достоинства, недостатки и даже опасности.

Управление с помощью (государственной) бюрократии является рациональным в двух отношениях: во-первых, оно основано на праве, что является более разумным, чем подчинение традиции или произволу иррациональной личности, а люди являются не только подданными, но и гражданами, и, во-вторых, бюрократия представляет собой рационально организованную

²⁴ В научно-популярной и одновременно художественной форме отношения в бюрократической организации прекрасно изобразил исследователь советской номенклатуры М. С. Восленский в образе номенклатурного работника Д. И. Вохруша (см.: Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991).

управленческую организацию, работающую на основе глубокого разделения труда. Она не связана с определенными задачами, которые ставятся перед ней, что делает ее универсальной и незаменимой в современном обществе. Однажды созданные бюрократические аппараты управления обладают удивительной способностью к выживанию даже тогда, когда первоначальная цель их создания полностью утрачена. Таким образом, бюрократия — идеально организованное средство рационального управления, не связанное с определенной целью, она связана лишь с рациональностью современного общества.

Отсутствие связи бюрократии как средства управления с целью и превращение ее в самоцель в ироничной форме пояснил критик бюрократии Н. Паркинсон. Сформулированный еще в 1957 г. «закон Паркинсона» гласит о том, что управленческая организация стремится увековечить и расширить себя даже после того, как управленческая задача выполнена. Отсюда следует, что рост управленческого аппарата никак не связан с объемом фактической управленческой работы, а направлен лишь на переработку рабочего времени.

Тем не менее перед рациональностью бюрократии всякая критика выглядит ущербной. Немецкий исследователь бюрократии К. Ленк в этой связи отмечает: «Господство бюрократии уже потому так трудно избежать или даже уменьшить, что на первый взгляд, как свидетельствует повседневный опыт, основные направления деятельности, распоряжения и мероприятия вплоть до деталей, с формальной точки зрения, идут „правильно“. Высокая степень этой формальной рациональности заставляет замолчать каждое выступление против ее смысла... То, что так хорошо работает, так хорошо продумано и организовано до мелочей, думается, имеет „более высокий смысл“, перед лицом которого критику можно отвергнуть как старомодные придири и голую ностальгию».²⁵

И все же достоинства бюрократического управления постоянно подвергаются сомнению, а сама бюрократия — критике. Действительно, так как бюрократическое управление основано на безликих правилах и инструкциях, у граждан создается впечатление того, что они имеют дело не с людьми, а с анонимным и закрытым техническим «аппаратом», «машиной». Например, если человек одновременно нуждается в квартире и работе, то в результате бюрократического разделения труда он имеет дело с разными бюрократическими инстанциями, которые «разрывают» его на части, одна из которых нуждается в квартире, другая — в работе. То, что обе «половинки» случайно во-

плотились в одном человеке, с бюрократической точки зрения неважно, все равно.²⁶

Универсальность бюрократических правил, равнодушие к внешней содержательной цели ставят серьезные пределы правительственному рассмотрению индивидуальных особенностей дела, ведут к формализму, который остроумно отметил социолог К. Мангейм на примере врача, заявившего, что операция прошла успешно, но больной умер.

Четкое распределение служебных обязанностей среди инстанций и чиновников, служебные инструкции, хотя и гарантируют гражданам защиту от произвола, однако многочисленность инстанций, их иерархия и распределение компетенций, далеко не всегда известные и понятные гражданам, могут вызывать их дезориентацию и отчуждение от органов власти и управления. Связанность инструкциями часто приводит к косности и волоките и, как следствие, к огульному осуждению бюрократии.

Все эти негативные черты бюрократии известны издавна, и даже М. Вебер, видевший достоинства бюрократии в рациональности, считал ее наилучшей организационной формой управления лишь для небольших государств. Со времен М. Вебера новым в этом отношении является лишь распространение правового регулирования и бюрократического управления на все стороны жизни общества, так что едва ли можно найти сферу, свободную от бюрократии. Чрезмерную бюрократизацию обычно связывают с гипертрофией отдельных черт бюрократического управления: обилием инструкций, формализмом, чрезмерной иерархизацией управления, неоправданно большим количеством чиновников, возрастающим отчуждением между гражданином и органами власти.²⁷

Требование дебюрократизации означает уменьшение числа чиновников в органах управления, децентрализацию управления и развитие самоуправления, упрощение и просматриваемость управленческой работы, жесткий контроль за органами управления, ликвидацию дистанции между органами управления и простыми гражданами, что обеспечивало бы большее доверие граждан к органам власти и управления.

Помимо отмеченных недостатков бюрократии теоретическая критика занята более серьезными и глубокими вопросами о степени власти бюрократии в современном государстве и обществе.

В идейно-исторической ретроспективе важное значение имеют два крупных спора о возможности ликвидации бюрократии как таковой.

²⁶ Там же.

²⁷ Böhrer C., Jann W., Kronewett E. Innenpolitik und politische Theorie. Opladen, 1988. S. 273.

²⁵ Lenk K. Macht, Herrschaft, Gewalt. Differenzierung der Politischen Soziologie // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1981. N 24. S. 25.

Первый спор состоялся между Г. Гегелем и молодым К. Марксом,²⁸ второй — между К. Марксом и М. Вебером. Гегель отмечал двойственный характер бюрократии — с одной стороны, она прогрессивна, так как устраняет феодальное корпоративное государственное и общественное устройство, а с другой — она сама становится замкнутой корпорацией. Обуздать эту негативную тенденцию, по Гегелю, может лишь нравственность, пронизывающая все сословия государства. В противоположность Гегелю Маркс считал бюрократию материальным средством господства буржуазии, сломить которое может лишь революционное изменение отношений собственности и всестороннее развитие личности.

М. Вебер внимательно анализировал тенденции развития капитализма, которые влекут за собой бюрократизацию, названную им «футляром новой кабалы», и таят в себе угрозу основе современного общества — расцвету индивидуальности и демократии. Прежде всего — это замедление и конец экспансии капитализма, далее — огосударствление экономики. Наконец, важная для политической теории Вебера тенденция, состоящая в возрастающей незаменимости специалистов, которая ведет к появлению «патентованного чиновничества», возникновению «касты» и господству служащих. Отмеченные тенденции Вебер считает неудержимыми, ограничивающими возможность индивидуальной инициативы и ущемляющими индивидуализм западноевропейского человека, которые, по Веберу, являются непременным условием демократии.

Что касается надежд на устранение бюрократии в социалистическом обществе, то, согласно Веберу, они несостоятельны, так как централизованная экономика только усиливает негативные тенденции позднего капитализма и в области согласования производства и потребления дает бюрократии лишь новое необъятное поле деятельности и логическое оправдание.²⁹

Таким образом, с начала XX в. споры об устранении бюрократии считаются несерьезными. Речь идет лишь о том, чтобы бюрократия продолжала служить инструментом управления и не смогла приобрести самостоятельную бесконтрольную власть, иначе говоря, речь идет о недопустимости обособления бюрократического аппарата.

Возможность обособления бюрократического государственного аппарата заложена в том, что слой профессиональных чиновников имеет особые интересы, которые отличаются от интересов всего общества, представленных через институты демократии. Основа независимой позиции власти государственной бюрократии заключается в ее профессиональных управленче-

ских знаниях, соединенных с необходимостью соблюдать служебную тайну, которая подкреплена внутренней дисциплиной и за которой скрывается тенденция к ускользанию от общественного контроля. В этой связи социолог К. Ленк выделяет следующие тенденции, ведущие к обособлению бюрократического аппарата и основанные на разделении труда между политическим руководством и управлением, которые мы здесь кратко приводим.

В отличие от положения в бюрократической иерархии руководящие политические позиции, как правило, не связаны со специальной квалификацией, поэтому превосходящие специальные знания чиновников могут стать основой независимой властной позиции: министры приходят и уходят, а аппарат управления, обладающий специальными знаниями, остается и может развивать способность обходить политические установки, отклонять новый политический курс, аргументируя тем, что его невозможно воплотить в технике управления. Специальные знания, информированность и распоряжение средствами управления создают известную степень автономии аппарата управления и при соответствующих обстоятельствах позволяют ему выйти из-под политического контроля. Кроме того, в политической жизни демократических государств существуют постоянные попытки воздействия на органы государственного управления со стороны других политических сил, что позволяет бюрократии обзавестись связями, усиливающими сферу ее влияния.³⁰

Таким образом, существует тенденция относительной автономии и обособления бюрократии от политического руководства и приобретения ею независимой позиции власти, т. е. превращения бюрократии из слуги в господина, из средства в цель. Однако, поскольку от бюрократии как формы управления отказаться невозможно, возникает вопрос о гарантиях против самостоятельной власти бюрократии. Особенно глубоко этот вопрос в отечественной научной литературе освещен ростовским ученым В. П. Макаренко.³¹ Между двумя мировыми войнами гарантией против власти бюрократии часто называли фигуру ответственного вождя, который представляет политические интересы народа, в настоящее время речь идет о создании и развитии постоянных институциональных механизмов контроля бюрократии со стороны парламентов или других органов представительной власти. Хотя всякий контроль за бюрократией сам основан на информации от других чиновников, он является вопросом политической практики и обеспечивается созда-

³⁰ Lenk K. Macht, Herrschaft, Gewalt. Differenzierung der Politischen Soziologie // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1981. N 24. S. 26—27.

³¹ Макаренко В. П. Вера, власть и бюрократия (критика социологии М. Вебера). Ростов н/Д., 1988. С. 228—242.

²⁸ См.: Макаренко В. П. Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах К. Маркса. Ростов н/Д., 1985.

²⁹ См. подр.: Шубкин В. Бюрократия // Знамя. 1987. № 4.

нием механизмов контроля за бюрократией со стороны представительной власти.

В некоторых государствах политическая власть в лице парламента смогла подчинить себе бюрократию, как, например, в США и в ФРГ, в других странах, например в Канаде, во Франции и в России, влияние парламента на бюрократию незначительно. Особенно сильную позицию власти бюрократия занимает в обществах с однопартийной системой и централизованным государством.

ГЛАВА IV

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА

§ 1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — МАТЕРИАЛЬНАЯ ОСНОВА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Выше говорилось о том, что человек может участвовать в осуществлении властных функций в различных формах: от участия в политических акциях до индивидуального политического руководства. То есть то, что социологи всегда изучают, описывают, обобщают, — это все можно назвать «человеческими реальностями». Элементами этих «реальностей» являются и политические институты, которые возникают, функционируют, изменяются, исчезают, вновь образуются и тем самым обеспечивают непрерывность политического процесса. Совокупность политических институтов, их отношений между собой, правовых норм, регулирующих данные отношения, составляет содержание политической системы общества, которая фактически концентрирует в себе все функции управления. Отношения политических институтов между собой в определенном пространстве и составляют по сути дела сам политический процесс. В центре этого взаимодействия находится власть, ее завоевание, удержание, использование.

Широкое понимание политической системы соседствует с узким, в соответствии с которым она, политическая система, определяет отношения между властвующими и подвластными, устанавливает способы властвования, формирует необходимые условия для замены одних политических лидеров другими в рамках легитимного общественного порядка. Данный подход подводит нас к пониманию политического режима, к появлению или наличию определенных его форм.

В качестве политических институтов выступают государственные и негосударственные учреждения и организации, которые самостоятельно или в коалиции с подобными себе реализуют властные функции. Основным институтом политической системы является государство с его многочисленными и разнообразными характеристиками. Возникает вопрос — почему госу-

дарство есть основной элемент? Ответ на него будет довольно простым на первый взгляд. В самом деле, политическая система любого общества называется так потому, что в ее рамках присутствует государственная структура власти, которая обеспечивает порядок и равновесие в социальной системе, преемственность в ее развитии. Нормальное функционирование политической системы без государственных институтов невозможно. Если бы подобное случилось в каком-либо обществе, то это общество в своем целостном виде перестало бы существовать ввиду отсутствия управляемости и порядка. В то же время политическая система может функционировать, например, без политических партий или общественных организаций, которые также являются ее составляющими.

Понятие «государство» всегда находилось в центре внимания социально-философской мысли. Представители классического либерализма, христианского персонализма, неогегельянства и др. справедливо обосновывали существование государства в нравственно-правовых категориях. Моральное осуждение государства содержится в трудах представителей «нищенской» и «анархической» научных школ. Не вдаваясь в подробное описание этих подходов, остановимся лишь на суждениях нескольких авторов, которые в своих изысканиях уделяли много внимания проблеме государства.

По мнению П. А. Сорокина, никакой порядок, организация или власть не были бы возможны, если бы не было «сосуществующих и общающихся людей», которые составляют данное народонаселение. Поэтому центр тяжести происхождения таких сложных и обширных соединений, как государство, находится не в объяснении возникновения порядка и власти, а в раскрытии причин: почему люди тяготеют друг к другу, взаимодействуют между собой, почему не разбегаются в разные стороны.¹ Порядок установления организации коллективного единства, как правило, совершается по схеме: акты взаимодействия; их повторение; обычай; юридическое правило; юридический институт как совокупность норм поведения в определенной сфере; социальная организация как совокупность юридических институтов данной группы населения. Сами же факторы появления и сохранения коллективных единств являются и факторами, вызывающими их организацию.²

И. А. Ильин видел объективную природу государства в его высшей цели, в его едином и неизменном задании. Это задание состоит в «ограждении и организации духовной жизни людей, принадлежащих к данному политическому союзу». Ограждение духа, по его мнению, обеспечивает всему народу и каждому индивидууму права на достойную жизнь, внешне свободную и

внутренне самостоятельную. Организация такого сожительства людей «на основах права и власти составляет ту единственную политическую цель, которой служит государство». Сама же политическая деятельность есть именно «солидарная деятельность во имя общей цели».³

Социологическое обоснование государства дается А. Гидденсом в его «Социологии». Он оставляет в тени конституирующие и формальные признаки государства: власть, суверенитет, организация, а включает в содержание государства политический аппарат, за которым признаются права в пределах границ территории, который также способен подкрепить свой суверенитет контролем над военной силой, многие граждане которого имеют позитивные чувства причастности к своей нации. Все современные государства являются национальными. Они располагают аппаратом управления, претендующим на определенную территорию, имеющим формализованный свод прав и поддерживаемый контролем над военной силой.⁴

Исторически все общества являлись управляемыми. И в безгосударственных обществах имелись неформальные механизмы управления, с помощью которых решались все дела в рамках определенной социальной общности: родовая группа, община и т. д. В традиционных государственных обществах рядом с правителями появились специально управляющие чиновники, которые вершили текущие официальные и неофициальные дела. Управление превращается в профессию многих, кто реализует практическую политику, а рядовые граждане лишены материальных и культурных инструментов, которые нужны для активного участия в политических действиях. Монополия «политического производства», предоставленная корпусу профессионалов, в свою очередь контролируемых профессионалами; принуждение, довлеющее над выбором потребителей, которые тем более подвержены преданности определенным ярлыкам и делегированию прав своим представителям, чем более они лишены социальной компетентности в политике и инструментов, необходимых для производства политических решений и акций — все это делает рынок политики одним из наименее свободных рынков.⁵

Известно, что на первоначальном этапе существования суверенных государств для них не являлось характерным использование рядовыми гражданами своих прав для участия в политике. Эти права фактически были завоеваны в результате социальных конфликтов, социальных революций. Исследователя-

¹ Сорокин П. А. Система социологии. Ч. II. Сыктывкар, 1991. С. 84.

² Там же. С. 125, 127.

³ Ильин И. А. Сущность государства // Рубеж. 1992. № 2. С. 39.

⁴ Гидденс А. Политика, управление и государство // Там же. № 3. С. 79—83.

⁵ Бурдые П. Социология политики / Пер. с франц. М., 1993. С. 185.

ми выделяются три типа прав: гражданские, политические и социальные права.

Гражданские права — это юридически оформленные свободы индивидов: свобода слова и вероисповедания, свобода выбора места жительства, свобода выбора собственности, свобода быть равным среди равных и т. д.

Политические права связаны с реализацией всеобщего избирательного права — участие каждого в выборах и занятие любой должности во властных структурах.

Социальные права — это прежде всего обеспечение благосостояния каждого индивида, гарантии этого благосостояния. Сюда можно отнести: минимальный уровень зарплаты, социальная защита на случай безработицы, страхование и пособие по болезни, по старости и т. д. Социальные права и их обеспечение в большинстве стран были достигнуты в результате борьбы трудящихся и малообеспеченных категорий граждан.

К сожалению, остается лишь констатировать, что гражданские, политические и социальные права еще до сих пор не реализуются на практике во многих государствах мира.

Важнейшим аспектом развития современного государства является то, что оно ассоциируется с демократией, с демократическим управлением. Лингвистический смысл демократии состоит в том, что в данном обществе, где она — демократия — присутствует, правит народ. Этот идеализированный портрет демократии, однако, не выдержал испытание временем. Формула «управление народа, народом и для народа» не выделяет законных носителей верховной власти и тех, кто ее реализует на практике. Верховенство власти народа — лишь правовая, конституционная фикция. Подлинная власть от имени народа осуществляется доверенными лицами, избираемыми посредством политических процедур, которые устанавливаются в том или ином обществе. В зависимости от способа формирования эффективного и ответственного управления данное государство носит название демократического или авторитарного. Второй аспект демократии, как средство обеспечения власти для большинства, как бы отодвигается на второй план. В свою очередь, «эффективное и ответственное управление» может осуществляться лишь профессиональными специалистами. Большинство народа или избиратели не могут обеспечить такого управления в силу отсутствия компетентности, необходимых знаний. Их социальные интересы и требования могут быть отражены в текущей политике, в решениях, принимаемых членами представительных органов, и чиновниками, находящимися под их контролем.

Реальная демократия — это демократия согласия, консенсуса. Она означает формальное равенство свободных участников политического общения, согласование их воли в процессе образования общей политической воли.

В роли «участников политического общения» выступают наряду с государством общественно-политические организации, движения, объединения, которые возникают, функционируют, распадаются, снова возникают. Чем богаче и разнообразнее структурная дифференцированность политической системы, тем более стабильны основы ее существования, демократичность всех ее институтов. Между ними обязательно должно присутствовать соперничество и согласие, которые носят постоянный и открытый характер. Политический порядок в результате обеспечивается: с одной стороны, административным воздействием на жизнь всех граждан в обществе; с другой — их правом объединяться в политические и общественные союзы, блоки, организации. Количественные характеристики последних могут свидетельствовать о разнообразии социальных интересов, их выражении, агрегировании и представлении на всеобщий политический форум. Если носители власти выходят за «очерченные пределы» своими решениями, то они сами ставят под угрозу существования политический порядок, ибо меньшинство или даже большинство народа предпочтет в этом случае борьбу — покорности. Все режимы — и демократические, и авторитарные — подвержены в определенных обстоятельствах риску переступить так называемый «порог насилия». В этом процессе важнейшую роль играют политические партии как субъекты политического действия: их количество, социальный состав и ангажированность. Именно через них идет материализация интересов и потребностей социальных групп, их политическое представительство в органах власти на всех уровнях. Если это происходит на постоянной основе, то и так называемые способности политической системы — к мобилизации, к выживанию, к инновации — проявляются в полную силу.

§ 2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ: ИХ ФУНКЦИИ, ОСНОВНЫЕ ТИПЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Уже говорилось о том, что феномен политической партии привлекал внимание исследователей не только своими классическими, традиционными признаками, но также и своей «необычностью», «загадочностью» в те или иные периоды общественного развития. Да и сами исследователи этого явления, подметив его существенные черты и, благодаря этому, ставшие непрекращаемыми научными авторитетами, были своеобразными и загадочными личностями. Примерами тому служат: написание русским ученым М. Острогорским своего основного труда на французском языке; неожиданный переезд Р. Михельса в 1928 г. из Германии в Италию по приглашению Муссолини.

Взаимосвязь социальной природы партий и их функций также имеет свои «загадки». Несомненно, что через функции проявляется сущность партии, ее социальный статус, ибо функции

есть не что иное, как основные виды и направления деятельности любой организации или социального института. С другой стороны, многие функции партии есть производное ее сущности и той социальной роли, которую она выполняет в обществе. Некоторое время тому назад эти «переходы» обычно объяснялись формационными характеристиками. Исходя из этого подхода устанавливался «водораздел», по обе стороны которого находились две общественные системы. Принадлежность к одной из них априори детерминировала содержание всех элементов и явлений, их классификацию. Аргументация была довольно простой: «Это хорошо, ибо это хорошо, так как принадлежит к данной системе, где не может быть плохо». Все, что находилось в противоположной формационной системе, критиковалось на такой же «научной» основе.

Являясь частью «целого» — социальной группы, класса, общества, народа, каждая партия вынашивает надежду представлять интересы этой целостности на всех уровнях политической системы. Но эта «часть» всегда создавалась и создается не только для политического представительства, но и для того, чтобы, сохраняя свою самостоятельность и динамику, превратиться в силу, с помощью которой можно усовершенствовать здание государственных и общественных структур или построить новое. Конечная цель определяет сущность и структуру партии.

Исходя из целевых установок, многие исследователи акцентируют внимание на выделении функциональных признаков партий. Один из первых исследователей организации и деятельности американских партий Дж. Брайс описывает четыре функциональные цели:

- поддерживать единодушие между членами партий и не позволять им тратить свои силы на взаимные раздоры;
- набирать приверженцев среди молодых людей, прежде относившихся к той или иной партии индифферентно или даже враждебно;
- возбуждать в избирателях энтузиазм, указывая в публичных выступлениях и в публикациях на многочисленность партии и на важное значение общей цели;
- сообщать избирателям сведения о политических проблемах, которые приходится разрешать, о личных достоинствах своих лидеров и о недостатках их противников.⁶

Всеобщность отдельных функций, таким образом, идентифицируется с содержанием деятельности. Например, П. Меркл считает партией любую организацию, которая «рекрутирует и социализирует новых членов, избирает лидеров через внутренние процессы представительства и выборов, разрешает споры и

принимает решения о политике в отношении внешнего мира».⁷

С. Элдерсфельд называет партией любую группировку, которая «борется за политическую власть на выборах, мобилизует социальные интересы в защиту идеологических позиций, связывая граждан с политической системой».⁸ В работе «Политические партии: бихевиористский анализ» он предлагает ввести общие «измерения», которые присущи всем партийным структурам в свободном обществе, и прежде всего это связь каждой партии с экономическими и социальными интересами. Партия как структурная система состоит из совокупности социально-экономических интересов, ищущих политического признания, выражения и контроля.⁹

Ф. Сорауф определяет партию как средство организации политической власти, которое характеризуется исключительно политическими функциями, стабильной структурой и членством, а также способностью доминировать в предвыборной борьбе.¹⁰

Многочисленные определения партий, основанные на функциональном подходе, соседствуют с иными характеристиками, в которых превалирует исторический, структурный, идеологический, бихевиористский подход. Например, Дж. Лапаламбара и М. Винер предлагают в качестве основных следующие признаки партий:

- непрерывность организации во времени;
- установившаяся структура партии с регулярной связью между местными и общенациональными органами;
- сознательная решимость партийных функционеров как на высшем, так и на местном уровне захватывать и удерживать власть;
- проявление постоянной заботы партии о своих сторонниках и принятие мер для обеспечения организации широкой поддержки;
- способность принимать решения как единолично, так и в коалиции с другими.¹¹ В данной характеристике заметно превалирование компонентов, связанных со структурными особенностями партии, с длительностью ее существования, со способностью лидеров на всех уровнях обеспечивать социальную устойчивость партии. У Дж. Сартори внимание акцентируется на избирательных функциях, благодаря чему партия имеет возмож-

⁶ Брайс Дж. Американская республика. Ч. 2. М., 1980. С. 342.

⁷ Merkl P. H. Modern Comparative politics. New York, 1970. P. 265—266.

⁸ Eldersfeld S. Political Parties in American Society. New York, 1982. P. 11.

⁹ Eldersfeld S. Political Parties. A Behavioral Analysis. Chicago, 1964. P. 6.

¹⁰ Brown A. Lee. Rules and conflict. New York, 1981. P. 75.

¹¹ Political Parties and Development. Princeton, 1966. P. 6.

ность проводить своих кандидатов в государственные учреждения.¹²

Институционально-организационный признак партии, сформулированный М. Дюверже, характеризует ее как политический институт, о содержании которого свидетельствует его структура. Ее целью является завоевание и использование власти. Этот аспект партийной жизни имеет принципиальное значение, ибо определяет характер каждой партии и выделяет основной критерий, по которому следует анализировать другие элементы, особенно классовый характер, идеологию, программу.

Данное понимание сущности партии отличалось от мнения других западных ученых, по крайней мере до начала 50-х годов. Правда, следовало бы заметить, что на институциональный признак партии указывали М. Вебер, М. Острогорский, Р. Михельс, С. Нойманн. Они высказывались на этот счет в более осторожной форме, чем М. Дюверже. Последний, с одной стороны, отрицал марксистскую традицию понимания политической партии как организации, представляющей интересы определенных классов и социальных групп, а с другой — негативно относился к либеральным концепциям западных авторов, которые рассматривали партию как организацию, базирующуюся на идеологических и доктринальных отношениях и зависимостях, выступающих между социальной и политической структурами общества. Кстати, М. Дюверже в 1955 г. на Конгрессе Международной Ассоциации политических наук выступил с докладом на тему «Политические партии и общественные классы», в котором сосредоточил внимание на классовом характере партий с точки зрения их социального состава. В то же время он критиковал либеральную концепцию, которая в течение многих лет доминировала в науке и являлась одной из интегральных частей классического либерализма. Согласно последнему идеальная модель функционирования общества включала сферу политической жизни, как своего рода отражение экономической жизни. Это означало, что свободной конкуренции товаров на хозяйственном рынке должна соответствовать свободная конкуренция идей на политическом рынке. Носителями этих идей выступали политические партии.

Следует согласиться с тем, что критическое отношение к либеральной концепции понимания партии является вполне обоснованным, ибо в ней отсутствуют две важнейшие характеристики: элемент организации и вопрос о власти. Действительно, сегодня трудно говорить о реализации какой-либо политической доктрины без соответствующей организации, а тем более без стремления к завоеванию государственной власти. Эта концеп-

ция представляет естественный результат эволюции политических партий с начала XIX в. до настоящего времени.

Не может быть подвергнута сомнению и еще одна характеристика партии, а именно ее классовость. Несмотря на смешанный социальный характер многих партий, они в конечном счете выражают и представляют в основном интересы одного или рядоположенных классов, социальных групп, которые не перестают существовать в любом цивилизованном обществе, каким бы трансформациям оно ни подвергалось. Эта характеристика партии не растворяется даже в том случае, если партия выражает и защищает в своей программе интересы иных социальных группировок. Присовокупление этих интересов к основным обычно происходит по причинам тактического, а не стратегического характера. В то же время в программах традиционных партий можно заметить положения общечеловеческой, гуманистической направленности, которые как бы уравнивают социальную дифференциацию, социальное неравенство общества. Партии тем и отличаются от других общественно-политических объединений, что они представляют собою «универсальный механизм, который синтезирует, вырабатывает и формулирует общий политический курс, в известной мере учитывающий различные, в том числе частные, групповые интересы».¹³

Многоаспектность подходов в изучении политических партий свидетельствует отнюдь не об ограниченности или какой-то изолированности ученых, занимающихся этим социальным феноменом, а об его уникальности и неповторимости. Междисциплинарные исследования данного явления получают все большее распространение. Разве не имеет право на существование психолого-социологический подход, согласно которому партия рассматривается как «объединение психологически близких людей, связанных мотивом использования власти для характерных целей присущим им образом в благоприятных для этого условиях». Само же формирование партий объясняется природными психологическими предпосылками. Данный процесс происходит в том случае, если:

— партии производят специфический продукт деятельности, который играет роль катализатора общественных процессов и который обеспечивает чувство защищенности у каждого человека от чужого влияния и позволяет каждому влиять на других людей;

— партии предназначены для продуцирования психологической части механизма управления обществом и мобилизуются в те исторические периоды, когда оно оказывается в экономическом, правовом, экологическом и духовном тупике;

— полное организационное и физическое искоренение какой-

¹² Sartori G. Parties and Party Systems. A Framework for Analysis. Vol. I. New York, 1976. P. 64.

¹³ Даниленко В. Н. Политические партии и буржуазное государство. М., 1984. С. 22.

либо партии не означает ее уничтожения, потому что ее психологическая первооснова способна к самовоспроизведению без всякой связи с историческими предшественниками;

— партии формируются в обществе естественным образом, как коллективная психологическая реакция людей на колебания политической атмосферы. Они появляются и исчезают по мере обострения или удовлетворения какой-либо потребности;

— партии выполняют функцию связи между политикой и политическими явлениями. Если партий нет, то политика не может воплотиться в политических явлениях;

— партии легализуются и исчезают в зависимости от параметров политической атмосферы и разрешения общества на партийную деятельность;

— политика имеет конечное число психологических параметров, и каждому из них соответствует политическая партия, реально существующая или теоретически возможная;

— партии формулируют политическое состояние и обслуживают политические явления. Они создаются, если располагают интеллектуальным базисом, достаточным для определения своих целей, средств и результатов. Партии являются носителями психологических феноменов, которые обеспечивают воплощение политики в политические явления.¹⁴

Думается, что такое понимание не игнорирует также классовую сущность, социально-классовое содержание и назначение политических партий, о чем в свое время постоянно писалось в советской литературе. В Энциклопедическом словаре партия определялась как «политическая организация, выражающая интересы общественного класса или его слоя, объединяющая их наиболее активных представителей и руководящая ими в достижении определенных целей и идеалов; высшая форма классовой организации».¹⁵

С более или менее разными вариациями подобная формулировка встречается в других изданиях. Например, у М. Н. Марченко и М. Х. Фарукшина партия — это «политическая и идеологическая организация определенного класса или социальной группы, которая представляет и защищает интересы этого класса или группы».¹⁶ В. Б. Евдокимов пишет, что партия, «будучи выразителем политических интересов определенного класса или его части, представляет собой общность людей, объединенных организационно и идеологически, и имеет цель в результате выборов, а также иными путями взять в свои руки руководство государственными делами для того, чтобы использовать государственную власть для защиты выражаемых ею со-

циально-классовых интересов».¹⁷ Автор пытается чуточку приблизить традиционное у нас определение к тем, которые имеются в зарубежных исследованиях. Это «чуть-чуть» касается главного, почему создается и существует партия, а именно — вопроса о власти. Ф. Энгельс в работе «К жилищному вопросу», написанной в 1872—1873 гг., констатировал: «...всякая политическая партия стремится достичь господства в государстве».¹⁸ В начале века немецкий ученый П. Паульсен сказал фразу, которая стала своеобразным афоризмом в определении сущности любой политической организации, стремящейся стать партией: «Воля власти есть душа всякой партии».¹⁹

Власть — это «магнитный стержень», на который нанизываются организационные и функциональные аспекты деятельности партии. Всеобщность этого феномена очевидна, ибо тот же интерес класса или классов в конечном счете выражается в потребности завоевания и осуществления государственной власти. Партия как политический представитель класса, социальных групп является исполнителем в реализации этой задачи.

Среди основных компонентов партии, выражающих и характеризующих ее сущность, можно назвать следующие: во-первых, организованная на добровольной основе группа граждан, представляющая интересы классов, социальных групп; во-вторых, стремление этой группы к осуществлению соответствующих целей и задач, сформулированных в программе; в-третьих, способность группы к достижению программных целей с помощью завоевания, удержания и использования государственной власти. Последний компонент — «использование власти», таким образом, является не конечной целью партии, а лишь средством реализации сформулированных целей. Первый компонент — «организованная группа граждан» — свидетельствует об институциональном характере партии.

Политические партии в современном их значении сформировались как продукт прогрессивного разделения труда, вследствие чего сфера политической жизни стала самостоятельной областью человеческой деятельности. Вместе с эмансипацией политической жизни появились партии, а среди множества профессий — профессия политика, партийного функционера. Как справедливо подчеркивал М. Вебер, с течением времени возникла новая категория граждан, которые стали жить не только для политики, но и с помощью политики.²⁰

Социально-классовый состав имеет существенное значение и оказывает влияние на общий характер партии. Однако соот-

¹⁷ Евдокимов В. Б. Партии в политической системе буржуазного общества. Свердловск, 1990. С. 15—16.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 263.

¹⁹ Paulsen P. Parteipolitik und Moral. Dresden, 1900. S. 19.

²⁰ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произв. М., 1990.

¹⁴ См. подр.: Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. СПб., 1992. С. 41—42.

¹⁵ Советский энциклопедический словарь. М., 1987. С. 973.

¹⁶ Марченко М. Н., Фарукшин М. Х. Буржуазные политические партии: Социально-философский анализ. М., 1987. С. 44.

пошение состава партии и социально-классового выражения ее политической деятельности всегда носило многомерный характер. Развитие политических партий происходило в направлении выражения и представительства интересов различных классов и групп в одной партийной организации. Эти представители, следовательно, поддерживали и политику данной партии, которая фактически служила лишь своему классу. В качестве традиционного примера можно назвать христианско-демократические, социал-демократические, национал-социалистские партии.

Известным фактом является то обстоятельство, что представители одного класса или социальной группы входят в различные, нередко противоположные по политическим целям, партии. То есть интересы одного класса нельзя представить некоей однообразной величиной, которая может быть целиком выражена в политике одной партии или в ее социальном составе. Категория «интереса», таким образом, является в этом отношении сложной и многомерной.

Установки и действия людей, социальных групп являются результатом того, как они видят свою ситуацию, как ее понимают и оценивают. В этом смысле «интерес» олицетворяется определенной ценностью — материальной или духовной, которую индивиды по различным причинам рассматривают как предмет своих устремлений. Следовательно, не существует интересов без психологических установок и без соответствующего поведения, которые показывают, что индивиды, социальные группы видят эти ценности и хотят их получить. Так как они в своих действиях руководствуются собственным сознанием, то именно это сознание или, как принято говорить, субъективное понимание общественного положения, и соответственно — собственного интереса, существенным образом решает, какие действия хотят предпринять отдельные индивиды и социальные группы. Такой подход чрезвычайно важен при анализе социального состава и политики каждой партии.

В недалеком прошлом эта проблема решалась довольно просто: если партия в своей практической деятельности способствует укреплению капиталистической системы, то она действует в интересах буржуазии; если же ее практическая политика направлена на укрепление социалистической системы, то она действует в соответствии с историческими интересами рабочего класса. Такое упрощенное понимание «всеобщего классового интереса» не давало возможности выйти за рамки одного класса и рассматривать категорию «интереса», начиная с отдельного индивида.

Интерес индивида, интерес малой группы, интерес социальной общности, класса, всего общества — вот та цепочка взаимосвязанных и взаимозависимых отношений, без которых трудно анализировать функционирование политических партий, их элементную базу и организационное устройство. С учетом этого

обстоятельства партию можно определить как добровольно организованную группу людей, выражающую интересы индивида, социальной общности, класса, всего общества и стремящуюся реализовать эти интересы и сформулированные на их основе программные цели и задачи путем завоевания и использования государственной власти. Такой подход к пониманию политической партии дает возможность:

- гармонизировать интересы всех внутри партийного образования;

- ограничить противоречия между руководством и членами партии, что, несомненно, является основой ее организационной и политической стабильности;

- обеспечить реальную связь партии и свободного гражданина;

- учитывать в политике партии индивидуальную мысль и индивидуальный интерес;

- обеспечить тесное взаимодействие партии, социальных групп, населения и государственных структур.

При таком подходе к пониманию партийных образований может возникнуть проблема единства. Когда-то она имела принципиальное значение, особенно в партиях социал-демократического и коммунистического характера. Единство организации и единство ее действий достигалось путем соблюдения принципа демократического централизма, дисциплинарными методами, которые предусматривали жесткий контроль за выполнением членами партии уставных обязанностей, а при нарушении — соответствующие санкции, вплоть до исключения из партии. Однако существовали и существуют партии, где проблема единства партии и единства ее действий никогда не возникала. И это не мешало таким партиям становиться популярными и завоевывать правящее положение в обществе и государстве.

Причина их успеха заключалась не в проблеме единства, а в иных слагаемых, среди которых на первое место следует поставить духовный и политический интерес, предполагающий добровольное согласие на частичное ограничение своей индивидуальности путем добровольного же соблюдения взятых на себя обязательств. Человек сознательно идет на это ограничение в силу разных мотивов:

- хочу выразить в политической деятельности свое «Я»;

- хочу управлять, руководить людьми;

- многие делают так, поэтому и я — с ними;

- следую примеру отца, брата и т. д.

Психологи иногда объясняют это явление мотивом одиночества. Если появляется объединяющая и привлекательная идея, «человек одинокий» хочет стать «человеком политическим». Таким способом человек реализует свою социальную роль, свое социальное предназначение в обществе. Партийная

организация, используя принцип «функциональной интеграции», стремится максимально согласовать разнообразные социальные роли своих членов. Данный принцип, способствуя целостности организации, выступает и средством реализации политических целей с помощью действий, характерных для данного политического института. Одновременно этот принцип исходит из посылки распределения материального и духовного богатства, накопленного обществом за свою историю. Человек при вступлении в партию взвешивает для себя — что приобретает и что потеряет. Это «взвешивание» приобрело форму афоризма: «Я хочу быть честным, и я честен, но я раб организации».

Соотношение «плюс — минус» является, таким образом, одним из основополагающих при вступлении в партию. Это противоречивое единство базируется на добровольности, которая выступает генетически первым и основным условием вступления в партию, а следовательно, и ее внутренней структуры. Следует указать также и на целевой мотив, о чем выше уже говорилось. Человек решает для себя вопрос вступления в ту или иную партию, исходя из группового, классового, мировоззренческого, профессионального, регионального, национального интереса. В данном случае проблема мотивации имеет не только социологический, но и более всего психологический аспект, связанный с морально-нравственными величинами: традиции семьи, дружеская среда, личные симпатии к лидерам партий, неформальное общение и т. д. Идея коллективного начала, коллективного общения, несомненно, присутствует в качестве одного из определяющих признаков, когда группа единомышленников, сторонников одного психолого-политического интереса, образа действий создается в противовес другому коллективу с иными устремлениями и потребностями. В. А. Лепехин пишет: «Партия начинается там, где возникает феномен единства — коллективности действия».²¹ Г. Моска грубовато, но довольно метко по этому поводу сказал: «Люди имеют инстинкт собираться в стадо, чтобы бороться и побеждать другое стадо».²²

Реальные социальные предпочтения населения к той или иной партии, особенно в периоды политических кризисов, трудноловимы. Предпринимаемые попытки в выявлении этих предпочтений по отношению к партийным организациям пока дают скудные результаты:

- активные участники — члены партий;
- сторонники партий, разделяющие их цели и задачи;
- пассивные наблюдатели, не принимающие участия в партийной жизни;

— активные противники партий.²³

Каждая партия, следовательно, стремится к тому, чтобы: во-первых, увеличить количество своих членов за счет сторонников или симпатизирующих; во-вторых, привлечь в ряды симпатизирующих пассивных наблюдателей; в-третьих, превратить противников в наблюдателей или даже в сторонников. Этот так называемый «ресурсный бассейн», складывающийся из довольно флюидных величин, может стимулировать или тормозить развитие каждой партийной организации. В стабильные периоды общественного развития «этот бассейн» способствует воспроизводству тех партий, которые держат руль государственного руководства в своих руках. В период социальных перемен, когда общество «расщепляется» на множество частей, когда конкуренция между ними достигает предела «войны всех против всех», отношения людей строятся на неприязни бедного к богатому, необразованного к образованному, пассивного к активному, «ресурсный бассейн» чутко реагирует на политические движения каждой партии и зачастую «неожиданно проваливает» амбициозные устремления правящих структур.

В этой связи функциональные характеристики каждой партии приобретают особую актуальность. С точки зрения охвата социальных явлений партийные функции могут быть универсальными и специфическими. Первые присущи массовым, влиятельным партиям, которые постоянно находятся на острие политической борьбы и имеют свое представительство в высших и местных органах власти. Вторые характерны для малочисленных партий, которые не имеют влияния в обществе и борются любыми средствами за свое выживание. По направленности воздействия функции делятся на внутренние и внешние. Их рациональное соотношение характеризует непрерывность и стабильность функционирования партии. Первые позволяют совершенствовать структуру партийной организации, рекрутирование и социализацию новых членов, подбор и подготовку политических лидеров разных уровней. Вторые направлены на установление постоянных связей между избирателями и государственными органами, на выработку общего политического курса, на определение своих политических союзников и противников, на оказание влияния на важнейшие социальные институты. Иногда функции группируются: по связям партии с классом, социальной группой, обществом; по отношению к политической системе и государственным институтам; по отношению к внутренним проблемам партии.²⁴

Дж. Сартори выделяет функции партий преимущественно внешнего характера:

²³ Социология общественных движений: концептуальные модели исследования. 1989—1990. М., 1992. С. 37.

²⁴ Марченко М. Н., Фарукшин М. Х. Буржуазные политические партии. С. 46.

²¹ Лепехин В. А. Некоторые аспекты современного российского партотенеза // Вестн. Моск. ун-та. 1992. № 3. С. 23.

²² Mosca G. The Ruling Class. New York, 1939. P. 163.

— осуществление добровольного участия граждан в политической жизни и особенно в выборах;

— социальная и политическая интеграция различных слоев общества для достижения общей цели;

— посредничество в представлении интересов социальных групп, стремление добиться их баланса;

— сглаживание конфликтов или выявление предрасположенности к ним, их соответствующая нейтрализация;

— выражение воли большинства граждан;

— разработка политики и соответствующих политических решений;

— подбор и формирование политических лидеров.²⁵

Клаус фон Байме акцентирует внимание на четырех функциях:

— определение целей;

— аккумуляция и выражение социальных интересов;

— мобилизация и социализация граждан, преимущественно во время проведения избирательной кампании;

— рекрутирование руководящей элиты и формирование правительственных структур.²⁶

Не подвергая сомнению или критической оценке перечень вышеприведенных функций, хочется лишь добавить, что каждая политическая партия:

— способствует формированию разумного общественного мнения по важнейшим проблемам развития нации и деятельности правительства, особенно во время выборов;

— определяет и разрабатывает наиболее острые политические вопросы и предлагает альтернативные пути их решения;

— представляет своих кандидатов избирателям и предлагает за них голосовать;

— стремится объединить различные категории населения в коалицию, опираясь на которую правительство может свободно функционировать;

— способствует деятельности законодательной и исполнительной власти с целью реализации предвыборных общественных лозунгов и обещаний;

— обеспечивает непрерывность политических связей между высшим законодательным органом и всем обществом;

— сохраняет и укрепляет стабильность общественной системы.

Набор функций партии зависит и от того, является данная партия правящей или оппозиционной. Например, функция борьбы за власть присуща оппозиционной партии. Правящая партия заинтересована в удержании власти в своих руках, в ее расширении на все общественно-политические структуры. Она

²⁵ Sartori G. Parties and Party System. P. 28.

²⁶ Beyme K. von. Political Parties in Western Democracies. Aldershot, 1985. P. 13.

стремится смягчить возникающие социальные противоречия и конфликты, направить их в умеренные формы выражения. Ее решения характеризуются присутствием интеграционных, связующих компонентов традиционного характера. Построение системы политической социализации, само ее содержание у правящей партии отличается спокойным, равновесным подходом. Ей не нужны «насилие и ярость», а более необходимы «время и терпение». Если оппозиционная партия принимает или приняла такие правила поведения, то можно сказать, что в данном обществе сформировались достаточно основательные политические ценности для успешного функционирования всей общественной системы. Примером тому служит политическая стабильность британского общества, где конфликт интересов нейтрализуется «соглашением о правилах игры, признанием прав групп меньшинства на несогласие с политическим курсом и выступление за его изменение конституционным путем». ²⁷ Стиль и содержание английской политики опираются на двухпартийную систему, где две примерно равносильные партии, борющиеся за голоса «плавающего электората», настолько конвергируют свои позиции по основным внутренним и внешним проблемам, что иногда трудно понять, какая партия инициировала тот или иной политический курс — лейбористская или консервативная. Их взаимодействие и консенсус характеризуются:

— высокой степенью согласия по вопросам содержания политического курса, природы политического режима, правил политической игры;

— примерно одинаковым политическим стилем, в котором разногласия редко доводятся до конфликта за счет поиска компромисса, приемлемого для основных групп интересов, а легитимность правительства практически не ставится под сомнение.²⁸

Обе партии, независимо от их политического положения в обществе, стремятся к социальной интеграции путем выработки «общей системы веры и идеологии», путем мобилизации «поддержки и политической социализации индивидов».

Функция социальной интеграции в данном случае выступает на первый план, является преобладающей, основополагающей. Оппоненты всегда готовы к достижению приемлемого решения, если желаемое решение в данный момент невозможно. Такая система, с одной стороны, поддерживает стабильность политических институтов, а с другой — способствует выработке реалистичного и эффективного курса. Являясь традиционным элементом культуры, она представляет собой определенную модель политической модернизации общества с довольно «низкими из-

²⁷ Осипова Е. В. Социология политической культуры Великобритании // Социологические исследования. 1992. № 4. С. 103.

²⁸ Kavanagh D. British politics' continuities and change. New York: Oxford, 1985.

держками», с большими потенциальными возможностями политического участия человека: голосование, подпись под обращением, участие в митинге, в демонстрации, в бойкоте, в политической кампании и т. д.

Функция социальной интеграции приобретает особую актуальность в период социальных изменений. Последние могут приобретать как эволюционный, так и революционный характер.

Эволюционный вариант характеризуется постепенностью, замедленностью, многоступенчатостью преобразований. В этом процессе, наполненном меньшим объемом заданности, возможны два пути интеграции: демократический и авторитарный. На первоначальном этапе эволюции новая волна перемен несет, как правило, демократические начала с широким спектром новых ценностей: справедливость, правда, рациональность, демократизация, представительство, правопорядок, дисциплина, достоинство, творчество, патриотизм. Польский социолог П. Штомпка назвал это явление в рамках любого обновления «декалогом ценностей».²⁹ Каждая партия активно использует эти понятия в своем политическом лексиконе, стремясь получить дополнительные голоса электората. Свободная игра политических сил ведется с учетом интересов всех социальных классов, групп, массовых движений. Их организационная самостоятельность гарантируется временными подзаконными актами. По мере того, как раскручивается маховик социальных изменений, все политические образования, существующие и вновь создаваемые, стремятся трансформировать свою политику с целью ее максимального приближения к реальностям общественной жизни.

Однако «безбрежный демократизм» эволюционного перехода несет, вместе с тем, массу негативных элементов, которые ведут к анархизации, расстройству социальной системы. В числе этих элементов можно назвать наиболее существенные:

- отсутствие хорошо организованных крупных политических партий;

- чрезмерная политизация всех слоев населения, когда кухарки и домохозяйки не только выходят на улицы, но и хотят управлять государством;

- неспособность представительной и исполнительной власти обеспечить общественный порядок и функционирование государственных органов.

В результате новые политические ценности, несущие в своей основе реальный демократизм, превращаются в свою противоположность: справедливость — в обман, рациональность — в иррациональность, творчество — в рутину, патриотизм — в на-

ционализм, правопорядок — в бесправие, достоинство — в попрание человеческой личности. Путь демократической интеграции, таким образом, может быть заторможен, а то и вовсе заменен авторитарной интеграцией, когда к власти приходит режим вождистского характера.

Ценности такого режима зиждутся на жесткой централизованной основе, а власть «множества» превращается в единоличную власть вождя, который, используя лозунг национального согласия, стремится к интегрированию общественного организма путем использования как демократических, так и силовых методов. Этому процессу зачастую способствуют политические партии, которые, поддерживая авторитарные методы правления, активизируют свою деятельность, ищут слабые места в оппозиции, стараются привлечь дополнительных сторонников. Прав Ж. Блондель, который писал: «Ни одна партия не является полностью демократической, потому что ни одна партия не является представительной... Каждая партия хочет расширить поддержку, побороть оппозицию и усилить единство своих последователей... Поддержка составляет элемент представительства».³⁰

С формальной точки зрения в обществе провозглашается широкая демократизация, поддерживается видимость ее дальнейшего развития, но в действительности власть находится в руках небольшого круга партаппаратчиков. Идеологические манипуляции партийной машины, во-первых, обосновывают идеальный образ будущего устройства общественной системы, а во-вторых, формируют «единый и неповторимый» образ вождя. Конечный исход этой «гонки», как правило, завершается победой вождя, который начинает строить каркас общественных отношений по своему образцу. Лозунговая конъюнктура массовых движений используется правящим блоком для восхваления «единства вождя и народа». Что дальше? Дальше начинается «новый круг» с теми же составляющими.

Калейдоскоп существовавших и существующих ныне политических партий настолько разнообразен и многоцветен, что найти какие-то универсальные критерии их классификации и на сегодняшний день представляется делом весьма трудным, если не безнадежным. Все исследователи, занимавшиеся данной проблемой, пытались решить ее путем комбинирования различных подходов и критериев, что приводило зачастую вообще к несовместимости типологических характеристик. Появились мнения, отрицающие возможность типологии партий, ибо «социальные и исторические реальности важнее, чем типы и формы организации».³¹ Видимо, с этим нельзя согласиться, так как со-

³⁰ Blondel J. Political Parties. A genuine Case For Dickontent? London, 1978. P. 55.

³¹ Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология / Пер. с франц. Ч. III. М., 1992. С. 30—31.

²⁹ Sztompka P. Dynamika ruchu odnowy w swietle teorii zachowania zbiorowego // Studia Socjologiczne, 1982. N 3—4.

циологическое изучение любого явления предполагает совмещение описательного уровня с соответствующей систематизацией знания о нем. В то же время анализ различных типов партий может дать научно обоснованную картину, если, во-первых, рассматривать их с точки зрения исторической эволюции; во-вторых, сравнивать их с точки зрения сегодняшнего знания и соответствующего критерия.

Ранние классификационные формулы опирались на так называемую «органическую» теорию: радикальная партия соответствовала детскому возрасту, консервативная — старшему, либеральная — юношескому, абсолютистская — старческому. Об этом пишет П. А. Берлин со ссылкой на книгу немецкого историка Ромера «Четыре партии в учении о политических партиях».³² Поздние исследователи различали частные интересы, опирающиеся на привилегии, и общечеловеческие интересы, опирающиеся на права, и выделяли:

— капиталистические и абсолютистские партии как партии привилегий;

— демократические — как партии общечеловеческих, народных интересов.

При этом отдавалось предпочтение последней, ибо она играет основную роль в политической жизни, принуждает другие партии занять принципиальную позицию.

В это же время появляется «волевая» формула классификации, согласно которой все партии делятся на партии революции и партии законности. К первым относятся либеральные, консервативные и социалистические; ко вторым — все остальные, где воля подчиняется закону, и признается, что над волей народа «господствует нечто высшее, непреклонное, господствует Богом установленный порядок».³³

Американский исследователь А. Лоуэлль различал партии по «вертикальному и горизонтальному» принципам. По его мнению, если разграничительная линия проходит «вертикально», т. е. партия, стоящая у власти, имеет в своем составе значительное количество представителей каждого из классов, то и каждая часть народа непосредственно участвует в управлении государством. Если линия проходит «горизонтально», т. е. каждая партия состоит из представителей одного класса, то в таком случае классы, не представленные в ней, лишаются права голоса на все время, пока она господствует. Вместо демократического общества создается одноклассовая управленческая элита, которая легко вырождается в тиранию. Лоуэлль приходит к выводу, что «даже территориальное деление на партии не так опасно, как „горизонтальное“, так как если первое мо-

жет привести к мировой войне, то последнее — к социальной анархии и деспотизму».³⁴

Очевидно, что подобные выводы уже в то время вызвали критику, ибо социальный состав каждой партии был неоднородным. Пестрый классовый состав «вертикальных» партий не мешал вести им выдержанную и решительную классовую политику. П. А. Берлин предлагал классифицировать партии по основным типам социальных интересов. Поскольку центральной осью, вокруг которой происходила борьба партий, являлся общественный строй, то предлагалось делить их на реакционные, борющиеся за сохранение форм докапиталистического общества; консервативные, стремящиеся упрочить традиционные отношения; либеральные, выступающие за интенсивное развитие капиталистических отношений; социалистические, стремящиеся заменить капитализм социализмом.³⁵

В числе классических партийных типологий находятся типологии М. Вебера и С. Нойманна, в основе которых заложен функционально-генетический критерий. У Вебера — это патронажная и мировоззренческая партии; у Нойманна — партия представителей и партия интеграции.³⁶

В современной зарубежной литературе называются несколько критериев типологии: социальное происхождение партии, организационная структура, социально-ролевые функции, регулирование членства, программные цели и задачи. Например, Р. Макридис во вступительной статье к книге «Политические партии: современные тенденции и идеи» с учетом практически всех вышеназванных критериев делит партии на: авторитарные и демократические, интегративные и представительные, идеологические и прагматические, национальные и региональные, светские и религиозные, демократические и революционные, элитарные и массовые, олигархические и демократические, открытые и закрытые.³⁷ У М. Дюверже акцент делается на внутренней структуре и социальной сущности: централизованные и децентрализованные, тоталитарные и специализированные, гибкие и жесткие, буржуазные, социалистические, коммунистические, фашистские.³⁸

В отечественной литературе последнего времени высказывалось мнение, что в качестве ведущей типологии партий является деление их на буржуазные, мелкобуржуазные, крестьянские и пролетарские. Данная типология «указывает на консерватив-

³⁴ Лоуэлль А. Правительства и политические партии в государствах Западной Европы. М., 1905. С. 288—289.

³⁵ Берлин П. А. Политические партии на Западе. С. 72—75.

³⁶ Weber M. Parteitypen und Parteistrukturen // Theorie und Soziologie der Politischen Parteien. Darmstadt, 1974. S. 77; 110—112.

³⁷ Political Parties: contemporary Trends and Ideas. New York, 1967. P. 20.

³⁸ Duverger M. Political Parties. London, 1965. P. 117.

³² Берлин П. А. Политические партии на Западе. М., 1902. С. 57—59.

³³ Там же. С. 61.

ную, реформистскую или революционную роль партии в общественном развитии той или иной страны. Все другие возможные типологии политических партий не могут быть поставлены в один ряд с указанной типологией как равноценные, поскольку все политические партии в той или иной мере относятся к одному из названных социальных типов».³⁹

В. Б. Евдокимов разделяет партии на социал-демократические, коммунистические, партии монополистического капитала и партии немонополистической буржуазии. С учетом идеологического, мировоззренческого критерия — консервативные, клерикальные, неонацистские. Он считает, что существуют партии с «лозунговым» названием: народные, демократические, свободные и т. д.⁴⁰

В начале 90-х годов перед распадом СССР, когда появилось множество партий и движений, предлагались классификации с точки зрения основных направлений общественно-политической мысли:

— ультралиберальные — крупные собственники, политическая и интеллектуальная элита, иерархи церкви;

— либеральные — собственники-предприниматели, служащие в сфере научно-технической и управленческой деятельности, ученые;

— социал-демократические — средние и мелкие собственники, рабочая аристократия, средние и мелкие чиновники;

— социалистические — мелкие собственники, кустари, наемные работники;

— коммунистические — пролетарии города и деревни, наемные работники;

— анархические — деклассированные категории, часть студенчества.⁴¹

Несмотря на определенную схематичность этой классификации, она представляла некую упорядоченность партий и движений в советском обществе того сложного периода.

Рискуя впасть в простое перечисление и комментирование, нельзя все же не отметить еще один классификационный подход — системно-психологический, который, по мнению автора, имеет свои преимущества и достоинства перед всеми остальными. В соответствии с этим подходом все партии и общественно-политические организации «выстраиваются» по родовому, видовому, типовому и групповому признаку (см. табл. 1).

³⁹ Марченко М. Н., Фарукшин М. Х. Буржуазные политические партии. С. 85.

⁴⁰ Евдокимов В. Б. Партии в политической системе буржуазного общества. С. 23.

⁴¹ Данилов А. А. Современные политические партии в СССР: опыт классификации // История политических партий в вузовском курсе политической истории. Проблемы теории, методологии, методики. Вып. II. М., 1991. С. 10—13.

Таблица 1. Классификация политических партий *

Виды партий, движений	II тип партий, движений Природная асоциальность человека	I тип партий, движений Природная социальность человека
1-й вид партий, движений	Группа А: Военно-промышлен. база	Группа В: Соц.-демократ. база
Человек может преодолеть природные ограничения за счет науки, техники и создать партию, полит. общества	1. Военно-спорт. союзы 2. Фронты противостояния, сопротивления 3. Профессиональные ассоциации 4. Научно-промышленные общества	9. Радикальные партии 10. Демократические 11. Социалистические 12. Транснациональные партии
2-й вид партий, движений	Группа Б: Дискриминационно-протестантская база	Группа Г: Национально-культурная база
Человек не может контролировать природную неизбежность потому, что наука не преодолевает природных ограничений	5. Партии анархистов 6. Гуманитарные и экологические движения 7. Ветеранские орг-ции и благотворительные фонды 8. Партии дискриминируемых меньшинств	13. Национально-культурные и патриотические организации 14. Клерикальные партии 15. Монархические союзы и центры 16. Культ.-воспитательные общества и движения

* См. подр.: Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. С. 48—49.

Образуется своеобразная классификационная система, в которой:

— одного и того же рода — партий и общественно-политических организаций;

— двух типов: 1. Оптимистического взгляда на человека, от природы социального; 2. Пессимистического взгляда на человека, от природы асоциального;

— двух видов: 1. Ставки на научно-техническое развитие. 2. Человек не может преодолеть природные ограничения с помощью науки и образования;

— четырех групп: А. 1—4. Преодоление недостатков человека с помощью науки и производства. Б. 5—8. Терпимость к недостаткам человека при поддержке культуры и образования. В. 9—12. Сочетания социальной природы человека и научно-

технической революции. Г. 13—16. Расчет на социальность человека и воспитание традиций.

Опираясь на эту схему, исследователь может «встроить» в ее структуру любую политическую организацию с ее индивидуальными характеристиками. В этом заключается преимущество данной классификации. В ее основании лежат воззрения известных мыслителей: Гоббса, Антифона, Маркса, Аристотеля.

Гоббс — это преодоление недостатков человека с помощью науки и производства. Антифон — это терпимость к недостаткам человека при поддержке культуры и образования. Маркс — это сочетание социальной природы человека и научно-технической революции. Аристотель — это расчет на социальность человека и воспитание традиций.

Как и любая модель, она страдает схематизмом, определенными ограничениями. У читателя также возникает вопрос — почему выбраны имена данных мыслителей, а не других? В этой связи проблема единого классификационного подхода, видимо, остается до конца не решенной. Появляется сомнение в том, что она вообще решаема. И нужно ли это делать в обязательном порядке?

Делая акцент на ту или иную сторону деятельности каждой партии, исследователь выделяет существенные черты, на основе которых выделяется ее тип. Одни партии строго руководствуются классовой природой как в организационном, так и в функциональном отношении; другие, не обращая на этот признак внимания, строят свою деятельность на основе узкоспециализированных социальных интересов. Например, партии «зеленых», которые во многих странах завоевали значительную популярность, соотносят свое видение политического устройства общества с основными принципами «базисной демократии». Для партии «зеленых» в Германии такими принципами являются: открытость, ротация, запрещение «накопления» должностей в одних руках, исполнение большинства обязанностей на общественных началах, ограничение материальных привилегий, императивный мандат — строгая подотчетность депутатов парламента «партийным низам», 50% квотирования в избирательных списках и при занятии должностей в партии в пользу женщин. Последний принцип связан с проблемой гуманизации партийной политики, ибо женщины в силу своего характера способствуют демократичности и принятию более сбалансированных политических решений. Власть, созданная женщинами, имеет большие потенциальные возможности сломать монополию власти аппаратных чиновников.

Исходя из этих посылок, партии «зеленых» проповедуют свой идеал общественного устройства: общество должно основываться на подлинном суверенитете народа; отличаться широким развитием местного и производственного самоуправления, децентрализованностью всех сфер жизни, «прозрачностью» соци-

альных структур и их отношений; создавать естественные и гармоничные связи человека и природы.⁴²

Такой тип партии принято называть демократическим, открытым. «Мягкие» принципы ее организационного строения «разрешают» признание многих фракций и фракционного противостояния, что не мешает, однако, выступать ей во время выборов единой сплоченной организацией.

Противоположностью демократической является тоталитарная партия, обладающая жесткой внутренней структурой, дисциплиной, проповедующая строгие идеологические постулаты. Ее решения являются директивными для госадминистрации, а обладание властью носит монополистический характер. Тоталитарная партия подчиняет себе государство. Однопартийный контроль над государственными органами ставит все другие политические объединения в зависимость от правящей партии, извращая принцип «равных возможностей» в системе управления. Внутренняя «закрытость» такой партии достигает крайних пределов. Результатом ее политической деятельности, как правило, является формирование закрытого, тоталитарного общества.

Разнообразие типов партий зиждется на определенных принципах. Принадлежность партии к тому или иному типу обусловлена:

- социально-классовым происхождением и социальной ангажированностью;
- организационным устройством и методами деятельности как в самой партии, так и вне ее;
- программными целями и установками;
- идеологической ориентацией.

Социально-классовая структура любого общества предопределяет основные и неосновные типы партий. В условиях капиталистического общества, традиционно разделенного на два основных класса, можно выделить буржуазные и рабочие партии. Партии же промежуточного характера, выражающие интересы «дробных» социальных групп, в том числе и сельских, обычно не имеют большого политического веса и в период выборов примыкают к партиям основных классов.

Буржуазные партии, в зависимости от провозглашаемых постулатов, сориентированных на развитие общественной системы, подразделяются на консервативные и либеральные. Данное деление, получившее свое начало с момента массового образования партий, не претерпело кардинальных изменений и предопределялось авторитетом двух доктрин — консерватизма и либерализма. В. М. Хвостов еще в начале века справедливо заметил: «Либерализм и консерватизм — это два главных

⁴² Гуторов В. А., Донин А. Я. Понимание сущности государства и демократии партий «зеленых» ФРГ // Вестн. Ленингр. ун-та. 1990: Сер. 6. № 20. С. 26—29.

идейных течения, которыми определяется классификация партий».⁴³

Как известно, наибольший вклад в развитие классического либерализма внес Дж. Локк, который в своих работах «Два трактата о гражданском правлении» и «Рассуждения правительств» провозгласил идею правового государства: «Там, где нет законов, там нет и свободы», обосновал принцип народного согласия, который лежит в основании любой законной власти. Право человека на частную собственность и ее неприкосновенность составляет, по Локку, сердцевину свободы.⁴⁴

В более позднее время была сформулирована идея «ночного», или «социального», либерализма, в соответствии с которой развитие западного общества невозможно без отказа от концепции «государства — ночного сторожа».

Современные идеи социального либерализма, провозглашаемые партиями либерального направления, как правило, сводятся к следующему:

— государство — «ночной сторож», не вмешивающееся ни в экономическую, ни в социальную жизнь, а лишь организующее рынок, свободу конкуренции, единые права граждан и индивидуальные свободы, заменяется на «государство благоденствия», которое предотвращает социальные конфликты путем поддержки социально незащищенных слоев общества на основе активного вмешательства в экономику через налоги, государственную собственность, бюджет и планирование;

— в качестве основ такого государства выступают: народный суверенитет, плюралистическая демократия, включающая «разделение властей», открытость принятия решений законодательными органами, права индивидов на участие в политическом процессе;

— в практике общественной жизни присутствует принцип политической справедливости, как основное достоинство социальных институтов.

Сегодняшний неолиберализм связывает дальнейшее развитие общества с опорой на рыночные механизмы, с децентрализацией государственного регулирования и смешанной экономикой.

Ранними представителями консервативного направления в развитии общественной жизни были Платон, Аристотель, Макиавелли, Дж. Адамс, Э. Берк. Их поздние последователи выступают за реставрацию свободного рынка и конкуренции, за отстранение государства от управления экономикой и от вмешательства в социальную политику. Основной лозунг консерватизма: «Власть — условие всех свобод». Консерваторы не

⁴³ Хвостов В. М. Общественное мнение и политические партии. М., 1904. С. 36.

⁴⁴ Локк Дж. Избр. философские произведения: В 3 т. Т. 2. М., 1960. С. 6—20.

принимают идею равенства социальных групп и видят государственное устройство в «правлении избранных». Близко к этим идеям примыкает теория элитной демократии, плюрализма элит.⁴⁵

Как заметил читатель, былое противостояние между либерализмом и консерватизмом в настоящее время заметно побавилось. А во внутренней и внешней политике правящих партий того и другого направления это различие вообще трудно определить.

В свою очередь, рабочие партии дифференцируются на социал-демократические, социалистические, лейбористские, коммунистические. Выражая и представляя в основном интересы рабочего класса, они тем не менее различаются между собой по экономическим, политическим и идеологическим установкам. Например, лейбористские партии в Австралии, Великобритании, Голландии, Канаде, Новой Зеландии отличаются «мягкой» организационной структурой, рациональностью и подвижностью проводимой политики, постоянным учетом конъюнктуры экономического и политического рынка. Они скорее всего относятся по своим признакам к партиям смешанного типа, ориентируясь и опираясь на профсоюзное движение в своих странах. Мировоззренческий фактор не играет никакой роли. Являясь в течение длительного времени обязательным атрибутом коммунистических партий, мировоззрение фактически предано забвению сегодня и в компартиях. Они имеют в своих рядах верующих и неверующих, материалистов и идеалистов, приверженцев разнообразных светских и религиозных школ. Несомненно, что в перспективе в данных партиях может появиться более жесткая регламентация в отношении индивидуального членства.

Характеристики типов партий не являются собою постоянную величину, а изменяются в зависимости от социальной подвижности каждого общества, от особенностей и традиций сообществ как в региональном, так и в международном масштабе. К примеру, для большинства партий Латинской Америки характерны ярко выраженная нестабильность, резкие колебания количественного состава в зависимости от складывающейся политической ситуации. Они не играют решающей роли в механизме осуществления государственной власти, ибо в политических традициях этих стран превалируют иные ценности: приоритет исполнительных органов, опора на вооруженные силы, слабость законодательных органов, теория «сильных личностей», «демократического цезаря».⁴⁶

Данный феномен, несомненно, связан с внутренней струк-

⁴⁵ Современные социально-политические теории. М., 1991.

⁴⁶ Орлов А. Г. Политические системы стран Латинской Америки. М., 1982. С. 56—60.

турой партий, их аморфностью. Это одна сторона вопроса. Другая, более важная, свидетельствует о своеобразии политической культуры и политических традиций стран данного региона. Исследователи в свое время указывали на противоречие между растущим влиянием масс на политический процесс и довольно низким уровнем их политической культуры, в результате чего устанавливалось «тоталитарное государство».⁴⁷

Структура государственной власти в этом случае представляет собой не пирамиду, а «луковицу», в центре которой правят не партии, а вожди. Все политические организации, выполняющие их волю, соотносятся между собой так, что каждая из них — будь то партия, профсоюз, группа давления — составляет фасад государственного здания в одном направлении, а центр — в другом. В основе такой системы лежит жесткое разграничение общества на социальные группы, отличающиеся друг от друга степенью удаленности от власти, выполняемыми функциями, психологией. «Луковичная» структура политического управления дает «уникальные возможности манипулирования массами, использования их энергии в интересах данной политической системы, делает ее необычайно цельной и устойчивой по отношению к различным деструктивным воздействиям внешнего мира».⁴⁸

Под партийной системой общества следует понимать ту часть политической надстройки, которая, формируясь вследствие образования политических партий, включает в себя:

— все партии, выступающие причиной генезиса и субъектами развития политических отношений в обществе;

— отношения между самими партиями, с одной стороны, а с другой — между партиями, классами, социальными группами, общественно-политическими организациями, государством;

— выработанную партиями политическую идеологию, надстраивающуюся над обыденным сознанием всех категорий населения, которая, входя в качестве специфического элемента в политическую систему, детерминирует соответствующие качественные изменения и элементов, и всей системы.

Естественно, что такая констатация несводима просто к количественному признаку — к числу партий, их отношений, наличия идеологий. Во-первых, факт множественности партий предопределяет то обстоятельство, что возникает необходимость учитывать партии не только основных, но и неосновных классов и групп. Во-вторых, не следует упускать из виду существование нескольких партий, представляющих по существу один и тот же класс или одну и ту же социальную группу. В-третьих, все партии в действительности имеют неоднознач-

⁴⁷ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3-4.

⁴⁸ Медушевский А. Н. М. Я. Острогорский и политическая социология в XX веке // Социологические исследования. 1992. № 8. С. 116.

ную социально-классовую базу, формируя свой состав из представителей разных социальных групп. В-четвертых, если ранее отмечалось, что наличие партии как особого субъекта политического развития ведет к созданию новых аспектов, компонентов политических отношений, то, очевидно, что в системе организованных партий слой вновь создаваемых отношений значительно усложняется. Поскольку эти отношения складываются вследствие деятельности партий самой различной социально-классовой системы, то данные отношения, следовательно, столь же многообразно противоречивы, как и прочие политические отношения данной общественной надстройки. В-пятых, резко усложняется вся организационная структура, представленная совокупностью учреждений и других надстроечных институтов. В-шестых, так как каждая из политических партий претендует на теоретическое осмысление интересов, места и роли в общественной структуре и общественном развитии классов и социальных групп, которые она представляет, то это значит, что любая из партий вырабатывает ту или иную политическую идеологию. Отсюда происходит закономерное усложнение всей сферы политического сознания общества, ибо идеологический уровень этой сферы включает в себя многообразие конкретных видов идеологических и мировоззренческих концепций, а они, отражая в идеальной форме противоречивые интересы и отношения, в своей совокупности воспроизводят все противоречия, генерированные на уровне базиса и нашедшие соответствующее преломление в разных компонентах надстройки. В-седьмых, поскольку социально-классовые группы общества, создающие партии, неравноценны между собой, то и партии вносят разный вклад в систему отношений, находятся в неравных отношениях с государственными и общественными институтами, по-разному воздействуют на сознание населения.

В свое время сущностные характеристики партийной системы в нашей литературе выявлялись на основе формационного подхода: в капиталистическом обществе существуют партийные системы со своими типологическими особенностями; в социалистическом — совершенно иные партсистемы, сущность и содержание которых определялись ведущей ролью рабочего класса и его партии. Всякое отклонение от этого стереотипа подвергалось резкой критике в научных кругах стран социализма. Примером тому может служить позиция польского социолога Е. Вятра, который в 60—70-х годах попытался с учетом международного опыта дать свою «универсальную» классификацию буржуазных и социалистических партсистем. Она сводилась к следующему:

— многопартийная система, особенностями которой являлись: завоевание власти в государстве более, чем двумя партиями; существование оппозиции в лице одной или нескольких партий, потерпевших поражение на выборах и не участвующих

в осуществлении власти; возможность существования коалиционных правительств в случае отсутствия большинства в парламенте, которое гарантировало бы наиболее сильной партии самостоятельное осуществление власти;

— двухпартийная система, в которой имеется относительное равновесие двух политических партий, поочередно осуществляющих власть;

— система доминирующей партии — относительно устойчивое господствующее положение одной сильной партии над всеми остальными; отсутствие коалиционного правительства и невозможность его создания ввиду слабости других партий;

— система руководящей партии, состоящая из двух и более партий в условиях социализма. Ее основные черты: руководящее положение компартии в политической системе общества; осуществление власти всеми существующими партиями на совместно выработанных принципах межпартийного сотрудничества; отсутствие организованной политической оппозиции в лице одной или нескольких партий;

— однопартийная система характеризуется функционированием лишь одной партии, которая является правящей, а также отсутствием других партий, а значит, отсутствием легальной оппозиции.⁴⁹

Этот пример свидетельствует о том, что в бывших социалистических странах творческая мысль исследователей вырывалась за пределы официальной идеологии и пыталась найти точки соприкосновения с научными воззрениями западных исследователей на сей счет.

Один из патриархов западной политологической мысли второй половины XX в. М. Дюверже считал, что все партии, независимо от того, в какой стране они действуют, составляют партийную систему на основе относительно стабильных связей; что партсистемы являются результатом взаимодействия многообразных и сложных факторов, одни из которых присущи данной конкретной стране, а другие носят всеобщий характер; что они определяются формами и способами сосуществования политических партий. К всеобщим факторам относятся: социально-экономические, идеологические и технические. При этом утверждалось, что главенствующими факторами являются технические, а именно — избирательная система. Представительство социально-классовых интересов и идеология отодвигались на второй план. Подлинная демократия, отождествляемая с многопартийностью, определяется через «свободу для народа и для каждой части народа». Сама же свобода — при-

вилегия не по рождению, должности и образованию. Она есть для всех, кто имеет определенный уровень жизни, общее образование, социальное равенство и обеспечивает политическое равновесие в обществе. Многопартийная система, таким образом, обеспечивая каждой «доле» народа минимум свободы, выступает и как сбалансированность, и как источник и определенный образ этой сбалансированности. Однопартийная система, являясь чертой переходного периода и основой для формирования авторитарного режима, создает одновременно положительные социальные и экономические предпосылки для возникновения и развития политической свободы. Что касается самой организационно-политической структуры переходного периода, т. е. политической системы, то она должна вселять надежду на свободное и творческое развитие общественной системы. Мерцающий в «далекой дали» свет демократии обязательно приблизится и вспыхнет ярким пламенем в каждом обществе, жаждущем этой демократии.

М. Дюверже отрицательно относится к беспартийным режимам, ибо они консервативны, увековечивают элитарное правление. Даже диктатура с одной партией «более близка к демократии, чем диктатура без партий, личного или военного типа, которые усиливают феодальные черты власти».⁵⁰

Основательные рассуждения М. Дюверже дополняются выводами других западных авторов. Среди них заметно выделяется Дж. Сартори, который предлагает ввести две качественные характеристики для всех партий, стремящихся попасть в функционирующую структуру партсистемы:

— коалиционный потенциал малых партий, т. е. «способность — неспособность» этих партий присоединиться к правящему большинству;

— потенциал угрозы, т. е. партии постоянной оппозиции, исключенные при расчете правящих коалиций, должны учитываться в той мере, в какой они вынуждают правящие партии совершенствовать свои приемы и способы конкурентной борьбы за власть. Сюда же относится и «антисистемная оппозиция», присущая крайне поляризованной партсистеме. Многопартийная поляризованная система обладает следующими качественными признаками:

— наличие двухсторонних оппозиций «слева и справа» от правительства. Они взаимно исключают друг друга и находятся в состоянии постоянного конфликта;

— центральное положение занимает одна или несколько партий. При этом механизм поляризованного плюрализма называется многополярным;

— поляризация, когда система находится в состоянии резкого идеологического размежевания;

⁵⁰ Duverger M. Sociologie de la politique. Paris, 1968. P. 462—467.

⁴⁹ Partie polityczne i systemy partyjne. Warszawa, 1971. S. 54—64. — По поводу теоретических воззрений Е. Вятра на этот и другие вопросы была опубликована острая критическая статья и у нас (см.: Кузнецов А. В. О теоретических концепциях одного польского политолога // Вопросы философии. 1983. № 12. С. 26—39).

— преобладание центробежных тенденций над центростремительными, вследствие чего ослабляется центр;

— наличие крайне безответственных оппозиций в лице экстремистских политических партий;

— стремление всех партий превзойти друг друга в обещаниях, не отвечая за их выполнение;

— атомизированная система, когда нет никакой необходимости в точном подсчете партий, ибо достигается порог, за которым количество партий не имеет существенного значения.⁵¹

Взаимодействие партий в системах квалифицируется как механическое. Что же касается наиболее оптимального варианта, то к нему можно отнести партсистему умеренного плюрализма, где отсутствуют антисистемные организации и двухсторонняя оппозиция. К тому же все партии стремятся с учетом своих возможностей участвовать в правительстве коалиционного типа. В рамках данной партсистемы идеологические различия между партиями незначительны, а двухполюсная коалиционная конфигурация и центростремительное соперничество создают благоприятные условия для выражения и представления всех социальных групп в обществе. Тем самым нейтрализуются предпосылки для формирования и возникновения крупных социальных конфликтов.

В зарубежной литературе существуют и другие существенные и квалификационные характеристики партсистем. Нет никакого резона приводить их здесь, так как постоянно меняющиеся политические реальности во многих странах затрудняют формулировку каких-то закономерностей, определяющих стабильную классификацию. Например, А. Бэнкс и Р. Тектор, которые проанализировали партсистемы 115 государств, считают, что двухпартийная действует в 11. Ж. Блондель уверяет, что такая система существует в 21 стране, а Р. Даль пишет лишь о 7.⁵²

В нашей литературе последних лет имеются плодотворные попытки анализа партсистем. У Б. А. Стародубского партсистема выступает как отражение соотношения и расстановки действующих в стране партий и сил. Отношения между существующими партиями в обществе проявляются на четырех уровнях: социальном, электоральном, парламентском, правительственном.⁵³ В. Б. Евдокимов выделяет четыре типа: неполяризованная, поляризованная коалиционная, с одной господствующей партией, с двумя господствующими партиями.⁵⁴

⁵¹ Sartori G. Parties and Party Systems. P. 179.

⁵² Ibid. P. 185.

⁵³ Стародубский Б. А. Политические режимы европейских буржуазных стран. Свердловск, 1989. С. 43—44, 47, 49.

⁵⁴ Евдокимов В. Б. Партии в политической системе буржуазного общества. С. 75.

Другие авторы различают партсистемы с точки зрения их способности устанавливать в обществе социальную и политическую стабильность. Р. С. Ким характеризует два типа: несбалансированную и сбалансированную. Под первой он понимает такую, в которой «одна из партий или несколько партий стремятся к монопольному положению, оставляя другие в роли союзника, партнера в диалоге». Сбалансированная предполагает равноправие всех партий, независимо от их численности, ориентированных на взаимное уравновешивание в системе властных отношений. Только такая партсистема «способна принести в общество стабильность».⁵⁵ Б. П. Курашвили высказывается по этому поводу еще более решительно, считая сбалансированную многопартийность единственным способом организации политической жизни, обеспечивающим социальную стабильность, оптимальное эволюционное развитие общества; развернутую демократию, функционирование правового государства.⁵⁶ При этом партийная система рассматривается как форма общественного управления, основанная на гуманных, общечеловеческих принципах.

Наконец, приведем мнение А. П. Бутенко, который под партийной системой, идентифицируя ее с многопартийностью, понимает такую форму общественного управления, выработанную человеческой цивилизацией, при которой борьба нескольких политических партий за государственную власть выступает как механизм использования расхождения интересов, инакомыслия и разномнения в целях общественного прогресса.⁵⁷

Вышеизложенные подходы и рассуждения в очередной раз демонстрируют многообразие мнений по поводу такого «многообразного» феномена, каким является система организованных партий в каждом обществе. Это «многообразие» есть постоянный поиск рациональности в самом существовании и функционировании партсистемы — почему она нужна сегодня, завтра, послезавтра, а не только — что она из себя представляет вообще. Если согласиться с тем, что партийная система есть механизм согласия или конкуренции между существующими в обществе политическими партиями по поводу завоевания и использования государственной власти, то возникает следующий вопрос — зачем нужны «согласие или конкуренция»? Сама власть — не конечная, а промежуточная цель каждой партии. С ее помощью партии реализуют свои заранее разработанные программы, в которых заложены целевые установки и задачи. Сотрудничество или конкуренция закладываются в со-

⁵⁵ Ким Р. С. Человек в политике. Барнаул, 1991. С. 151—152.

⁵⁶ Курашвили Б. П. Страна на распутье. М., 1990. С. 148—149.

⁵⁷ Бутенко А. П. Советская многопартийность: современность и первый послеоктябрьский опыт // Советское государство и право. 1991. № 1. С. 80—90.

держание партийной системы для того, чтобы данное «соотношение» проявилось в политической, общественной системе на ином уровне — уровне рационального и нерационального взаимодействия всех составляющих политическую надстройку. Они являются переменными величинами. В многопартийной системе, где несколько партий имеют шанс получить места в законодательных и исполнительных органах, на первоначальном этапе предвыборной гонки за места приоритет остается за конкуренцией. На этом этапе все соперничающие партии проявляют свои способности, интеллектуальный потенциал в борьбе за власть. Временное согласие может присутствовать между партиями, не могущими в одиночку преодолеть процентный барьер. Конкуренция выявляет элементы «похожести — непохожести» политических партий, их реальный, а не закамуфлированный политический образ. Выигравшие в результате соперничества, партии формируют коалиционное правительство, в котором приоритетное место отдается согласию, сотрудничеству, ибо от них зависит как устойчивость самого правительства, так и всей общественной системы. Сотрудничество характеризуется рациональной величиной в том случае, если представители всех партий в органах власти с помощью компромиссных соглашений достигают выработки и проведения единой эффективной политики как внутреннего, так и внешнего характера. В результате развитие общества происходит на основе предсказуемости и стабильности. Рациональность такого межпартийного сотрудничества характеризуется относительной замкнутостью цикла. На первоначальном этапе все социально-классовые группы имели широкие возможности выразить и представить свои интересы через политические партии. Последние, используя конкурентные формы борьбы за власть, «продвигают» своих кандидатов во властные структуры, где на основе согласия и компромисса сообща работают во имя всеобщего блага.

Рациональность такого «движения» носит слишком идеальный характер. В политической практике представители партий зачастую не находят компромиссных решений на уровне властных органов, и первоначальная рациональность превращается в нерациональную междоусобицу с непредсказуемыми последствиями: распускается парламент, уходит в отставку правительство, объявляется референдум и т. д. Вся общественная система подвергается «испытаниям на прочность». То есть множество партий, участвующих в завоевании и разделении власти, с точки зрения представительства разнообразных интересов, рационально и в идеальном варианте привели бы к уменьшению возможностей социального напряжения или конфликта в обществе. Однако при отсутствии компромиссного взаимодействия по ключевым проблемам развития на уровне властных структур это «множество», представляющее в полном

объеме «народную волю», приводит к неэффективной политике и носит нерациональный характер.

При наличии в обществе двух сильных конкурентоспособных партий, самостоятельно формирующих свои правительства, социальная и политическая картина имеет другую конфигурацию. В данном случае интересы классов и социальных групп на уровне властных структур «урежаются» в пользу двух партий, и тем самым сознательно лимитируется «народная воля». С этой точки зрения система двух постоянно соперничающих между собой партий нерациональна. Она рациональна с точки зрения устойчивости правительственных структур, эффективности политики, стабильности общества. Однопартийное правительство не связано в принятии решений мнением представителей других партий. Оно может реагировать в информационно-пропагандистском плане лишь на «демарши» оппозиционной конкурирующей партии. Политическая стратегия и тактика правительства гарантируются большинством мандатов в парламенте правящей партии. Общественная система не подвергается структурным изменениям, которые могли бы вывести ее из состояния равновесия. Следовательно, формируются благоприятные условия для воспроизводства национального дохода, для повышения благосостояния людей. Тем самым реализуется идея справедливости, заложенная в основе рациональности.

Снижение эффективности проводимой политики, ослабление электоральных связей происходят в условиях однопартийного режима, в котором власть осуществляется одним лицом или коллективным органом, игнорирующим право и представительные учреждения. Вовлечение в систему управления представителей других институтов, как правило, сочетается с опорой на бюрократический и полицейский аппарат, на меры принудительного и насильственного характера. Одна партия — это политическая опора вождя, диктатора; это возникновение и «расцвет» тоталитарного правления.

Говорить в данном случае о какой-либо рациональности не имеет смысла. Ее можно рассматривать лишь в контексте впаавшей в угрожающий дезинтеграцией кризис общественной системы, когда вождь, опираясь на свою партию, интегрирует и мобилизует систему, останавливает расширение кризиса чрезвычайными мерами.

В свое время в советском обществе все теоретические силы общественности были брошены на обоснование укрепления и возрастания руководящей роли единственной партии рабочего класса, которая «выражала интересы всех классов и слоев и цементировала морально-политическое единство советского народа». Сегодня известно, что из этого вышло. Наряду с субъективными факторами и ошибками в разработке и проведении данной политической доктрины, несомненно, присутствовали и

объективные основы, которые в конце концов привели бы советское общество и «ядро его политической системы» — компартию, выражающую интересы «всех и вся», к печальному финалу. В качестве факторов такой «основы», по крайней мере, могут выступать два. Первый из них связан с тем, что каждая партия, видимо, имеет определенные структурные границы выражения «интересов всех» и своих интеграционных способностей. Выходя за их пределы, она не в состоянии переварить объем «желаемого» и тем самым сама разрушает свои жизненные основания и погибает. Второй фактор напрямую связан со стагнацией мировоззренческо-политического профиля партии. Догматизированный тип партии пролетарского типа, сложившийся еще в начале века, не позволял «животворящему началу» как в самой партии, так и за ее пределами производить какие-либо перемены. Если кто-то осмеливался на этот шаг, то сразу же зачислялся в оппортунисты, ревизионисты, отступники, враги народа.

Итак, однопартийная система — это своего рода иррациональная система, в которой воля вождя олицетворяется с «народной волей». От имени последней вождь, обладая абсолютной властью, не обязанный подчиняться каким-либо правилам и нормам, правит один. И он же один находится в полной безопасности. «Все бояться, и потому все, сверху донизу, обречены на равенство, но в отличие от равенства граждан в условиях свободы, это — равенство в страхе».⁵⁸

Представленные выше теоретические постулаты могут быть проинтерпретированы теперь как определенные требования и задачи конкретно-социологического, конкретно-политического и конкретно-исторического изучения партийной системы любого общества в ее становлении, функционировании и развитии. Именно конкретно-исторические процессы и должны быть исследованы в их проявлениях для наиболее точного уяснения истоков, предпосылок, причин наличия в каждой стране данной правящей партии, для выяснения обстоятельств и времени формирования партийной системы.

Овладение этого рода знанием открывает возможность перехода к изучению вклада всех партий, составляющих партсистему, в преобразование и развитие системы политических отношений данного общества, т. е. отношений партий к государству, к иным общественно-политическим организациям, самим межпартийным отношениям, а также каждой партии к своему классу, к другим классам и социальным группам и т. д. В этом случае конкретное изучение воздействия всех наличных политических партий на сложившуюся структуру политических отношений будет тем точнее и глубже, чем более явно

любое из конкретно-исторических состояний такого воздействия будет осмыслено как определенный итог прежней политической активности партий как субъектов политических отношений. И это — не формальное соблюдение требования единства исторического и логического, а лишь констатация того факта, что мера политического влияния каждой партии в любой момент формируется объективно, резюмируя весь предшествующий вклад ее в общий прогресс общественного развития в целом.

Партийные системы имеют постоянную тенденцию к эволюции, направление которой зависит от многих слагаемых объективного и субъективного характера. К первым прежде всего относится флуктуация социальной базы политических партий и, как следствие этого, — неопределенность, одинаковость их программ. Ко вторым следует отнести разочарование, скепсис, неверие большинства избирателей в способности и умение ведущих партий находить реальные пути выхода из конфликтных и кризисных ситуаций. Примером тому может служить «американский феномен» в 1992 г., когда кандидатом в президенты страны, наравне с представителями двух основных партий — республиканской и демократической, был выдвинут независимый претендент, не представлявший какую-либо партию и собравший значительное количество голосов электората. Это, кажется, неожиданное явление в истории американской политической жизни еще предстоит изучать специалистам. Но сам по себе факт свидетельствует о том, что две правящие партии страны, представители которых на протяжении более столетия попеременно сменяли друг друга у президентского руля, начинают в своей деятельности давать сбой. Избиратели засомневались в способности «партийных машин», традиционно определявших политический курс государства, успешно нести бремя руководства. Конечно, в этом факте можно предположить исходной причиной и тактические соображения одной из правящих сторон.

Для всестороннего познания деятельности системы организованных партий необходимо исследовать их роль в качестве коллективных субъектов развития общественного сознания. Это общее требование дифференцируется на систему более специфических задач:

— каждая партия разрабатывает свой мировоззренческо-политический профиль с учетом интересов класса, социальной группы и общества в целом;

— разработка общей теории партий представителями научного знания во всех странах, как коллективная научно-теоретическая деятельность, обеспеченная развитой системой исследовательских учреждений и организаций;

— исследование социальных и нравственных норм, принципов, механизмов, исторических тенденций и особенностей, тра-

⁵⁸ Арон Р. Демократия и тотализм / Пер. с франц. М., 1993. С. 17.

дий, политических, идейных, организационных взаимоотношений правящих партий с другими партиями, со всей партийной системой;

— изучение каналов движения партийной информации при посредстве специально созданных информационных систем.

Следовательно, только при условии конкретного исследования всех этих сфер, направлений, аспектов деятельности политических партий как субъектов развития политических отношений, политических институтов и организаций, содержания общественного сознания общества можно считать, что получено относительно полное и истинное научное знание о партийной системе соответствующей страны. И только обобщение такого рода знаний на предмет выявления закономерности-типичных характеристик и тенденций дает адекватное научное представление о партийной системе в целом как о конкретно-исторической реальности. Понятно, что такой сравнительный и большой по объему результат достижим лишь вследствие длительной скоординированной научной деятельности базовых коллективов ученых.

§ 3. СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Новые социальные движения как особая форма политической деятельности, «уровень» которой «ниже» партий и эстаблированных политических институтов и «выше» индивидуального участия в политике, возникли в 60-е годы одновременно во всех развитых странах Западной Европы и в США. Среди наиболее ярких новых социальных движений можно назвать движение за права человека, движение против войны во Вьетнаме в США, студенческое движение конца 60-х годов в ФРГ, движение за ядерное разоружение в Великобритании, экологическое движение во всех промышленно развитых странах.

В бывших социалистических странах до 1989 г. (пожалуй, за исключением Польши) отсутствовал политический плюрализм, и новые социальные движения не могли развиваться. Однако общая для всех стран сталинская политическая система постоянно пыталась инспирировать социальные движения как проявление народной инициативы по строительству коммунистического общества, например, движение за достойную встречу очередного съезда господствующей партии или движение за коммунистические отношения к труду. Лишь после реальных шагов демократизации в бывшем СССР во всех странах стали развиваться политические отношения плюралистического типа.

В России новые социальные движения возникли в мае 1988 г., в период подготовки к 19-й Всесоюзной конференции КПСС, когда впервые длительные призывы генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева поддержать перестройку

и демократизацию «снизу» нашли отклик среди интеллигенции, а затем и более широких слоев граждан, в виде самостоятельного, «неформального» участия в политике, положив начало становлению политического плюрализма, не связанного более социалистической идеологией. Доверие к политике демократизации возникло после открытой конфронтации бывшего секретаря МГК КПСС, члена ЦК КПСС Б. Н. Ельцина с высшим руководством партии, в результате которой он вопреки законам большевистской политики не канул в Лету, не был устранен с политической сцены, а остался на ней и успешно продолжил политическую карьеру.

Другой отправной точкой развития новых социальных движений являются избирательные реформы и выборы народных депутатов СССР и местных органов власти в 1989 и особенно 1990 гг., предоставившие возможность легального участия в политике новым политическим актерам. С тех пор в России существуют многочисленные новые политические движения и организации, среди которых можно выделить демократическое движение, русское национально-патриотическое движение и социалистическое движение.

Новые социальные и политические движения стали самостоятельным предметом научных исследований с начала 80-х годов, и в настоящее время позволяют отметить как уникальный характер движений в отдельных странах, так и выделить их общие черты и основные факторы развития.

Движения можно классифицировать как тематически (экологическое движение, движение за права человека, женское движение, молодежное движение, движение за эмансипацию), так и по политической направленности (движение за многопартийность в России, демократическое движение, фашистское движение) или по степени политического радикализма и по многим другим основаниям.

Важным результатом научной дискуссии о новых социальных движениях является определение понятия движений. Американские исследователи из США, где было больше контркультурных и религиозных движений, склоняются к более общим, абстрактным определениям понятия движений, в то время как исследователи из Европы, где движения носят ярко выраженный политизированный характер, склоняются к более частным, конкретным определениям понятия движений.

Согласно западногерманским исследователям Ф. Нульмайеру и И. Рашке, обобщившим итоги изучения движений в 80-е годы, социальное движение является мобилизующим коллективным действующим лицом, которое с известной степенью непрерывности, на основе высокой символической интеграции и малой ролевой дифференциации, посредством изменяющихся форм организации и действия преследует цель провести, избе-

жать или обратить вспять основополагающие общественные изменения.⁵⁹

В определении понятия движения отражены его необходимые признаки и специфические черты этого нового участника политической жизни. Постоянная мобилизация участников движения связана с низкой степенью формальной организации движений, что влечет за собой постоянную угрозу исчезновения движения и вызывает необходимость постоянного поиска новых участников движения. Известная непрерывность движений (скажем, в течение нескольких лет) позволяет отличать движения от массовых эпизодов политической жизни, например митингов и демонстраций. Как и для всех участников политической жизни, для движений характерна собственная символика, выполняющая функцию политической интеграции участников и сторонников движения. Движения активно используют гербы, флаги, эмблемы, фигуры лидеров, развивают свой политический словарь, иногда создают собственную форму одежды. Национально-патриотические движения без труда черпают свою символику из государственной истории своей страны, традиционных идеологических течений, как правило, консервативного толка. Демократические и социалистические движения пользуются терминологией из идеологии либерализма или социализма. Например, представителей партии «Демократический союз» и тесно связанного с ней движения за многопартийность в России можно было легко отличить по терминологии, когда они в противоположность «официальному» термину «демократизация» пользовались термином «либерализация». Фашистские движения во всем мире заимствуют символику и идеологию германского Третьего рейха, так как фашизм в остальных странах не смог развиться во столь всеобъемлющую, хотя и примитивную идеологию, движение и форму политического господства. Некоторые движения, например анархисты, пытаются с небольшими изменениями продолжить свою историческую традицию.

Характерным признаком движений является малое разделение ролей между его участниками, руководителями, простыми членами движения и сторонниками. Этот признак позволяет отграничить движение от партий с бюрократическим аппаратом управления, хотя и в движениях существует определенное разделение ролей, а значит, и структура власти. Характерным признаком как минимум европейских новых социальных движений является их направленность на основополагающие общественные изменения, что позволяет отличить их от субкультурных явлений, прежде всего в молодежной среде, напри-

мер, рокеров и панков, которые обладают всеми остальными названными признаками движений.

Европейская история знает немало мощных политических и социальных движений: они приобрели особенно большой размах в конце XIX — начале XX в. В этой связи, естественно, возникает вопрос о том, что «нового» в новых социальных движениях второй половины XX столетия?

Новые социальные движения нашего времени объединяет собственная динамика развития в Западной Европе и США, которую они приобрели в 60-е годы, а затем и в странах Восточной Европы на рубеже 80—90-х годов. Им присущ ряд специфических современных тем: идея прав человека, осознание угрозы существования всего человечества, будь то ядерной, будь то экологической, идея политической и культурной эмансипации и эмансипации отдельных социальных слоев, прежде всего женщин, радикальное изменение образа жизни, вплоть до смены религии на восточные и даже погружение в мистические формы мышления и поведения. В странах классического капиталистического развития движения часто выступают против технической и экономической рационализации мира; в бывших социалистических странах они тесно связаны с идеей политической эмансипации.

Строго говоря, ни одна из этих тем не является новой, все их без труда можно обнаружить в истории Европы и отдельных стран как минимум со времен Великой французской революции. Новым является лишь удивительная сила мобилизации участников движений, которую западные исследователи часто связывают с радикальными изменениями жизненных условий человека в XX в.: бурным экономическим ростом, расширением материальных и духовных возможностей развития личности и ростом индивидуализма, разрушением традиционных социальных связей с семьей, соседями, местом жительства, зависимости жизненного пути от карьеры, бюрократизацией общественных отношений. Недовольство, возникающее на почве критики современной цивилизации, является, по их мнению, источником силы движений и представляет собой «новое» в них. Лишь в восточноевропейских странах социальные движения можно с уверенностью называть новыми, потому что их историческая непрерывность была утрачена.

«Новым» в движениях является их децентрализованная форма организации, противоположная традиционной бюрократической (аппаратной) структуре партий и других политических организаций. Современные социальные и политические движения ограничиваются, как правило, созданием координационных органов и «крышевых» организаций, решения которых не обязательны для исполнения отдельными движениями, как это часто имеет место в российских движениях, хотя в этом отношении существует много исключений, которые можно обнару-

⁵⁹ Нульмайер Ф., Рашке И. Социальные движения // Общественные науки за рубежом. Сер. 4: Государство и право. 1990. № 6. С. 15.

жить в Великобритании, Франции, США, Швеции и особенно в ФРГ, где движения либо взаимодействуют с партиями, либо активно используют другие формы, например лоббизм, для влияния на политические решения. В России, где появление самостоятельных политических движений было встречено Коммунистической партией Советского Союза с большим недоверием, в результате падения ее власти и возможности участия в выборах, политические движения очень быстро перешли к образованию формальных политических структур, которые стали даже предметом официальной пропаганды в связи с выборами в парламент в 1993 г.

Таким образом, термин «новые» в отношении социальных движений носит весьма условный характер: по-настоящему новыми они являются лишь в качестве предмета научных исследований. Достаточно привести известные аргументы в пользу исторической непрерывности социальных движений.

Во-первых, современные европейские социальные движения обнаруживают большое тематическое и структурное сходство с предшествующими волнами движений, связанными с резкими социальными изменениями или реформами государственного устройства, в том числе и в России.

Во-вторых, можно сослаться на эмпирически наблюдаемое периодическое изменение основного общественного настроения от безграничного оптимизма в отношении перспектив общественного развития до глубокого пессимизма, влекущего за собой ностальгию и переоценку непосредственного жизненного мира человека, которая в общем и целом совпадает с господствующим характером движений. Такая смена основной тональности движений произошла в Западной Европе в 60-х и 70-х годах, в Восточной Европе — в конце 80-х и начале 90-х годов.

Наконец, несмотря на плюрализацию политической жизни, в каждой стране сохраняется традиционная линия политического конфликта, по отношению к которой социальные движения обнаруживают известную преемственность.⁶⁰

Однако несомненно, что можно говорить о новых проблемах и противоречиях современного общества и повседневной жизни человека и новом политическом опыте социальных движений.

Достаточно многочисленные исследования движений в отдельных странах и крайне редкие интернациональные сравнительные исследования позволяют охарактеризовать основные связанные между собой факторы, содействующие или препят-

ствующие развитию социальных движений в отдельных странах.

К ним относится значение традиционной линии политического конфликта, прежде всего право-левого спектра расстановки политических сил; способность государства управлять конфликтом и демонтировать его. Далее, существенным фактором является открытость или закрытость политической системы для новых политических сил, которая зависит от институционализированных возможностей восприятия, выражения и представительства общественных интересов, т. е. от партийной системы, избирательной системы, централизованного или децентрализованного типа государственного управления, наличия или отсутствия корпоративного блока из политических сил. Наконец, возможности развития новых социальных движений зависят от политической культуры страны. Все эти факторы действуют совместно, и не всегда легко определить, какой из них имеет наибольший вес.

Во Франции, сохраняющей закрытую авторитарную политическую систему с централизованным управлением, корпоративный блок между исторически сложившимися сторонами политического конфликта, богатые традиции конфронтации по отношению к оси право-левого спектра и острого течения политического конфликта, постоянно существует легко возбудимая модель политического конфликта с поляризацией общества на два лагеря. Связь с этими условиями не дает движениям возможности для длительного автономного политического развития, так как движения постоянно связаны с левой оппозицией, служат для нее источником мобилизации и теряют свое значение по мере углубления традиционной общественной поляризации.

В отличие от Франции довольно открытая политическая система и либеральная политическая культура Великобритании, с одной стороны, создает хорошие возможности интеграции общественных интересов в каналы обычного политического процесса, а с другой — критика системы традиционно связана с Лейбористской партией как «партией движения», которая связывает новые социальные движения с право-левым политическим спектром. Кроме того, в Великобритании по-прежнему большое значение сохраняют производственные конфликты и, соответственно, экономическая тематизация движений, что в конечном счете в условиях экономического спада и последующей жесткой экономической политики правительства премьер-министра М. Тэчер привело к усилению новых социальных движений.

В Швеции, где имеется, с одной стороны, развитая практика социального государства и корпоративный блок основных участников политических отношений, а с другой — благодаря готовности государства и партий к реформам критика си-

⁶⁰ См. подр.: Brandt K. W. (Hg.) Neue soziale Bewegungen in Westeuropa und den USA. Ein internationales Vergleich. Frankfurt; New York, 1985. S. 316.

стемы и умеренные оппозиционные группы быстро интегрируются в систему и теряют силу, а радикальные оппозиционные группы остаются на обочине политической жизни.

Германские социальные движения опираются на богатую идеологию и тематизируются по фундаментальным социальным проблемам. С одной стороны, развитая этатистская традиция влечет за собой их кооперацию с традиционными партиями, а с другой — федералистская структура государства и развитое местное самоуправление часто влекут за собой развитие политической активности граждан на местном уровне в форме гражданских инициатив.

Социальные движения в *России* находятся в условиях традиционной авторитарной политической культуры, которая характеризуется резкой политизацией по поводу актуальных тем политической дискуссии и их быстрой сменой. Существовавшие ранее политические институты социалистической системы оказались неспособны к восприятию самостоятельной политической активности, что создало благоприятные возможности для самостоятельного развития движений, однако крушение социалистической системы и возникновение новых политических институтов позволили интегрировать лидеров движений в новые органы политической власти, так что социальные движения потеряли собственную политическую динамику. Наличие в *России* традиционного рабочего класса создает все же благоприятную возможность развития непрерывного рабочего движения с экономической программой, поскольку экономический конфликт между рабочим классом и правительством обладает большой мобилизующей силой.

В *Соединенных Штатах Америки*, где сложилось классическое плюралистическое общество с большой степенью самостоятельности штатов и развитым местным самоуправлением, не знавшее сильного рабочего движения и традиционного европейского конфликта правых и левых, для социальных движений не существует возможности развить заметную политическую идеологию, и они носят узкий контркультурный и религиозный характер.

Существует определенная связь между факторами политической жизни и особенностями движений в различных странах, которую можно сформулировать в виде тезисов.⁶¹

Чем большее значение сохраняет традиционная линия конфликта, право-левая ось поляризации политических сил, классовый конфликт, тем меньше шансов самостоятельного развития новых социальных движений. И наоборот, чем больше традиционный классовый конфликт и конфликт по поводу распределения материальных благ канализованы политическими институтами, тем больше вероятность развития самостоятельных

социальных движений. Если классовый конфликт не имеет значения, как в *США*, то новые социальные движения легко приобретают самостоятельное развитие. Отсутствие право-левой оси затрудняет формирование масштабного политического движения, так как не позволяет ему развить связь с традициями политической истории страны.

Наличие в обществе противоречий между городом и деревней, центром и провинцией может послужить положительным фактором формирования новых социальных движений.

Высокий уровень благосостояния общества способствует более мягким формам политических движений, влечет за собой деполитизацию идеологии движений и развитие общей критики цивилизации.

Чем выше открытость политической системы, тем умереннее политические акции движений и больше вероятность их интеграции в существующую политическую систему; и наоборот, закрытая политическая система влечет за собой самостоятельное развитие движений. Аналогичное влияние имеет готовность политической системы к реформам. Легкий доступ к парламенту благодаря пропорциональной избирательной системе при условии закрытости политических партий для новых социальных движений способствует их самостоятельному развитию и, наоборот, чем труднее доступ к парламенту, например, из-за мажоритарной избирательной системы и барьеров, связанных с определенным процентом голосов, полученных на выборах, тем чаще движения кооперируются с существующими политическими партиями или уходят во внепарламентскую оппозицию. Для самостоятельного развития движений большое значение имеет тип партий. Партии, которые открыты для движений, например Лейбористская партия Англии или американские политические партии, легко воспринимают новые темы, вносимые движениями в политический процесс, и препятствуют их самостоятельному развитию. Традиционные аппаратные партии плохо воспринимают движения и способствуют тем самым их развитию, например партии ФРГ и особенно КПСС.

В целом чем меньше традиционная политическая поляризация общества и чем сильнее практика социального государства, тем скорее движения вырабатывают собственную динамику развития. Если этот фактор существует одновременно с закрытостью политической системы, то движения могут приобрести ярко выраженный самостоятельный оппозиционный характер.

Помимо факторов развития новых социальных движений важными аспектами их исследования являются причины их возникновения, процессы формирования целей и идеологий, мобилизации участников, воздействие на государственные институты и взаимоотношения с опосредующими политическими институтами: партиями, союзами по интересам, средствами массовой информации, политическими движениями. Наиболее

⁶¹ Ibid.

сложной задачей исследования движений является оценка его успешности, т. е. выявление влияния движения на социальные изменения в обществе.

Простое наличие движения еще не означает его успеха. Проблема заключается в том, что, с одной стороны, без доступа к политической системе и влияния на процесс принятия политических решений движение оказывается заведомо безуспешным, с другой стороны, открытый доступ к политической системе подрывает самостоятельность движения. В общем и целом можно отметить успех движения, если в результате его деятельности происходит доступ новых социальных групп к процессу выработки и осуществления политических решений, меняется форма политики или проводятся общественные реформы. Значительно труднее охарактеризовать успех движения в сфере культурной жизни общества.

Всестороннее исследование движений затруднено отсутствием общей теории социальных движений, так что можно охарактеризовать лишь основные теоретические подходы к исследованию движений, которые соответствуют современной дифференциации в социологической теории и более или менее удачно объясняют отдельные аспекты исследования движений.

Историко-теоретическими источниками исследования социальных движений являются классовые теории, в том числе марксизм, психология масс и историческая социология.

Понятие «социальные движения» было введено в научный оборот прусским общественным мыслителем и государственным деятелем Лоренцом фон Штайном в середине 40-х годов XIX в. для обозначения стремлений пролетариата к социальной (а не только политической) революции. Л. фон Штайн соединил анализ движений с идеей социальных реформ по инициативе государства с тем, чтобы интегрировать в систему стабилизирующие элементы рабочего движения. Начало анализа движений с позиций классовой теории на примере революционных и контрреволюционных движений во Франции в середине XIX столетия имеется в работах К. Маркса.⁶² В дальнейшем в марксизме возобладала идея революционной партии, руководящей рабочим движением, и исследования движений были ограничены изучением рабочего и коммунистического движений с позиций теории социалистической революции.

Представители психологии масс и теории коллективного поведения положили начало академическим исследованиям движений, однако пользовались для их объяснения иррациональными категориями и гипотезами (например, «душа масс» и «гипотеза заражения»).

⁶² Маркс К. 1) 18-е брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8; 2) Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 год // Там же. Т. 7.

гипотеза заражения».⁶³ Американский социолог Р. Парк, изучавший неинституционализированное коллективное поведение, лишил трактовку движений иррациональной окраски и показал, что движения не обязательно грозят вылиться в новый общественный порядок. Тем самым он нормализовал и дедраматизировал предмет исследования, что открыло возможность применять к анализу движений обычные социологические категории.

Изучение движений с историко-социологической точки зрения восходит к трудам Л. фон Штайна и К. Маркса. Это направление было продолжено социологами и политологами начала XX в. — М. Вебером, В. Зомбартом, Т. Гайгером, Р. Михельсом. Однако в начале XX столетия от научных исследований движения заслонили собой мощные политические партии, возглавившие рабочее, коммунистическое, социалистическое и фашистское движения. Тем не менее немецкий политический социолог Р. Михельс, прекрасно осведомленный о деталях политического развития в Европе, уже наметил общие контуры теории социальных движений.⁶⁴

Одним из основных современных подходов западных исследователей к теоретическому анализу движений⁶⁵ является теория социального действия. Согласно символическому интеракционизму социальные движения формируются в ходе общей интерпретации реальности и ее оценки с точки зрения социальной справедливости, что позволяет исследовать конфликт между движениями и существующими социально-политическими институтами. В данном случае в поле зрения исследователей находится идеология и программы движений, однако выпадают структурные причины возникновения последних особенности мобилизации участников и стратегия движений. В теориях рационального выбора исследуется в первую очередь успех движений, который связывается с успешной или безуспешной мобилизацией материальных и нематериальных ресурсов для достижения целей движения. Представители этого направления преувеличивают роль социальных конфликтов, которые распространены шире, чем движения, и упрощают объект исследования за счет использования модели рационально выбирающего и максимизирующего собственную выгоду «экономического человека», изучают движение по аналогии с союзом по интересам, оставляют без внимания вопросы формиро-

⁶³ Лебон О. Психология народов и масс. СПб., 1896; Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Дегуманизация искусства. М., 1991.

⁶⁴ Михельс Р. Социология политических партий в современной демократии // Диалог. 1990. № 1; 1991. № 3.

⁶⁵ Nullmeier F., Raschke J. Soziale Bewegungen // Regierungssystem und Regierungslehre: Fragestellungen, Analysekonzepte und Forschungsstand eines Kernbereichs der Politikwissenschaft / S. von Bandemer, G. von Wewer. (Hg.). Opladen, 1989. S. 249—272.

вания целей движения. Современные социально-психологические подходы к исследованию движений основаны на использовании модели рационально действующей личности, которая применяется вместе с гипотезой об изменении основных ценностей. Социально-психологический подход позволяет прежде всего исследовать индивидуальную готовность к участию в движении.

Другой подход к исследованию движений основан на использовании функционалистских и системно-теоретических положений. Согласно теории коллективного поведения Н. Смерзера, основанной на структурном функционализме Т. Парсонса, движения являются развитой ступенью коллективного поведения. Так, они возникают вследствие напряжения в общественной структуре и представляют собой иррациональную, ошибочную, «сырую» реакцию на них. Этот подход сосредоточен на исследовании структурных причин возникновения движений и их идеологии. С точки зрения теории самореферентных социальных систем Н. Лумана, социальные движения — это одна из самовоспроизводящихся подсистем общества, «самореферентная система своеобразного типа», которая выполняет функцию иммунной системы общества, указывает на нарушения общественной коммуникации. Теоретические положения Н. Лумана направляют внимание исследователя на то новое, что вносят движения в саморефлексию современного общества, при этом внутривыдвиженческие процессы остаются вне поля зрения.

Теоретические положения в отношении социальных движений сформулированы ранними представителями критической теории, которые раскрыли связь между структурой личности и общества. Современный представитель Франкфуртской школы социальный философ Ю. Хабермас трактует движения с точки зрения теории коммуникативного действия как выражение конфликта и протеста против колонизации «системой» «жизненного мира», не раскрывая характер движений как коллективных действующих лиц.

Современные западные представители марксизма трактуют социальные движения по-разному, однако общим является идея одного центрального конфликта, одной из сторон которого выступает социальное движение, а другой — например, технократия. Они определяют социальные движения как проявление борьбы за контроль над информацией, знаниями, символами и культурой.

Российские исследователи социальных движений пытаются применить современные теоретические подходы к анализу движений к отечественному социокультурному контексту.⁶⁶

Эмпирические исследования движений связаны со значительными трудностями, среди которых следует отметить нестабильность объекта исследования, подозрительность и недоверчивость участников движения по отношению к исследователям, связанную с опасностью шпионажа за движением. От исследователя требуется завоевание доверия участников движения, отказ от предвзятых гипотез, участие в коммуникационных связях движений.

При эмпирическом исследовании движений используются обычные социологические методы: наблюдение, анализ документов (контент-анализ), опрос, интервью, групповые дискуссии, выборочные методы. Существуют эксперименты по инспирированию социальных движений с последующим наблюдением за их развитием. Основным недостатком при этом является то, что в поле зрения исследователя попадает прежде всего видимая часть деятельности движений, особенно их политические акции, в то время как внутренние процессы часто остаются неисследованными.

Специально для исследования движений французский социолог А. Турен разработал метод «социологической интервенции». Этот метод заключается в многократной конфронтации исследователя, выступающего в роли стратегического противника движения, с его наиболее представительными активистами. В ходе дискуссии с представителями движения исследователь просит их проанализировать свой политический опыт и обдумать его, что позволяет ярче выявить представления участников движения о политическом конфликте и определить их стратегические склонности. Главный недостаток этого метода состоит в потере исследователем дистанции от объекта, необходимой для всякого научного исследователя, так что ученый часто превращается в сторонника и пропагандиста изучаемого движения и иногда оставляет исследование, пополняя число участников движения.

⁶⁶ Здравомыслова Е. А. Социологические подходы к анализу общественных движений // Социологические исследования. 1990. № 7.

ГЛАВА V

СТАБИЛЬНОСТЬ КОНТРА КОНФЛИКТНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

§ 1. ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

Структурные изменения, происходящие в российском обществе, со всей очевидностью выявляют все большую дифференцированность, самостоятельность и внутреннее саморазвитие каждой из составляющих социальную систему. Складывается впечатление, что «маховик рассогласования» интересов основных функциональных величин системы раскрутится до максимальных оборотов и... тогда надо будет собирать все заново. Однако на границах «отрыва» все еще держатся ограничители, которые напоминают как об опасности, так и о возможности самосохранения в условиях качественных перемен. Возвращение общественной системы в прежнее состояние невозможно, ибо изменились как сама элементная база, так и динамика этого процесса. Подвижки системы в сторону стабильности или к обострению социального конфликта являются результатом, продуктом совершающихся трансформаций. Ответ на вопрос: «В каком направлении установится вектор развития?» зависит от большого количества составляющих.

Стабильная система — это своеобразный идеал общественного устройства, который постоянно привлекал внимание и теоретиков, и практиков. «Возможного нельзя было бы достичь, если бы в мире снова и снова не тянулись к невозможному», — провозглашал М. Вебер.¹ Возникает потребность определения самого понятия «стабильность», в том числе «политической стабильности». В существующей на сегодняшний день специальной литературе они рассматриваются пока недостаточно.² Между тем успешные попытки анализа данных явлений пред-

¹ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 705—706.

² Буржуазное общество в поисках стабильности / Под ред. А. А. Галкина. М., 1991; Сокольский С. О политической стабильности системы // МЭ и МО. 1991. № 5; Орещук П. Создание стабильных демократических институтов: уроки американского развития // Там же. № 8.

принимались В. Парето, Т. Парсонсом и др. И один из основополагающих факторов стабильности политической системы — разделение властей — еще раньше предложил Ш. Л. Монте-скье.

У В. Парето, известного своей «элитарной теорией», непрерывная циркуляция элит создает необходимые предпосылки для удержания социальной системы в состоянии равновесия. В качестве механизма обновления правящей элиты у него выступает социальное перемещение по вертикали тех представителей из низших и средних слоев, кто обладает высокими личными качествами, всеобщими достоинствами «избранных». Равновесие — вот один из ключевых признаков общественной системы. При этом оно не имеет ничего общего со статичным, механическим равновесием. Нормально функционирующее общество — это постоянно нарушаемое и восстанавливаемое равновесие. Любые изменения в одной из его подсистем сразу же «отзываются» в других, и в результате общество приходит в состояние движения до тех пор, пока не восстановится динамическое равновесие. Отдельные изречения В. Парето из «Трактата по всеобщей социологии», посвященные «социальной мобильности», как фактору стабильности системы и циркуляции элит, стали классическими: «Чем больше открыт правящий класс, тем крепче его здоровье», «Чем более он замкнут, тем сильнее тенденция к упадку», «Чем больше изменений, тем больше это одно и то же».³

Размышления В. Парето нашли своеобразный отклик у Т. Парсонса, для которого «равновесие» в его теории социального действия представляет также важное значение. Теоретические изыскания Парсонса в этой области касаются прежде всего методов, способов поддержания равновесия в социальных системах. Само понятие «равновесие» адекватно понятию «относительная упорядоченность», в рамках которой предполагаются диапазоны толерантности. В то же время, если изменения выходят за пределы допустимого, то данная упорядоченность заменяется другим его типом, а не хаотичным беспорядком. Здесь явно прослеживается связь равновесия с порядком, как постоянно присутствующей величиной. Понятие «стабильность» используется в качестве эквивалента «стабильное равновесие», которое в разных соотношениях может быть и в статичном, и в динамическом варианте. Теоретик структурно-функционального анализа считает социальную систему стабильной или находящейся в состоянии относительного равновесия в том случае, если отношения между ее структурой и происходящими внутри процессами, а также между ней и окружением остаются неиз-

³ Цит. по: Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология / Пер. с франц. Ч. III. М., 1992; Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Пер. с франц. М., 1993. С. 402—487.

менными. С точки зрения внутреннего развития стабильное равновесие обеспечивается тем, что всякие эндогенные изменения удерживаются в определенных границах с помощью «интегративных механизмов». Внешние отношения между средой и системой регулируются в рамках отклонений среднего значения с помощью «адаптивных механизмов». В качестве стабилизирующего средства в предотвращении социальных аномалий предлагается так называемый «социальный контроль», который является не столько прерогативой государства и правовой системы, сколько результатом деятельности социально-психологических механизмов, способных изолировать коллективные проявления социальной девиации или ограничить их. Внутренняя стабильность системы и отношения ее равновесия с внешней средой обеспечиваются функциональными требованиями, «функциональными императивами», которые включают: адаптацию системы к внешней среде; инструментальное достижение поставленных целей; интеграцию всех элементов системы; сохранение латентных, скрытых моделей; устранение социальных расстройств, напряжений.⁴

Согласно взглядам сторонников структурно-функционального анализа любые отклонения в функционировании общественной системы могут быть откорректированы с помощью социальных институтов. Среди них важнейшее положение занимают политические, которые поддерживают нормативное состояние системы, сглаживают возникающие конфликты, ибо обладают «единственной реальной и легитимной силой — властью. Последней присущи функции контроля и корректирования поведения людей во всех ситуациях, ведущих к нарушению правовых норм. Конечно, данная схема носит скорее теоретический характер, где на первом месте находятся различные модели функционирования систем. Реальная жизнь всегда имеет более многообразную и противоречивую картину, которую трудно «уложить» в рамки соответствующих моделей или схем. На каждом этапе своего функционирования общественный организм индивидуален, как индивидуален и сам человек. Построение и использование разных моделей оправдано и эффективно лишь в том случае, когда социальные процессы в обществе при всей их противоречивости имеют в основном постоянные величины, легко поддающиеся координации и исправлению.

Что же следует из того, когда сильно дифференцированное общество находится в состоянии расстройств, разлада? Поможет ли использование традиционных средств и методов, которые применялись в прошлом во многих государствах? Хорошо известно, что всякая модернизация общественной системы закономерно предполагает увеличение количества разнооб-

разных возможностей выбора. Советское, российское общество, пережив эпоху авторитарного, тоталитарного правления, «опьяненное свободой», при попустительстве и с помощью радикальных «перестройщиков» окунулось в «демократический омут». О вариантах выбора даже не вспомнили, несмотря на имевшие место исторические прецеденты и известные положения классиков политической мысли. Еще Н. Макиавелли предостерегал, что нельзя стремиться к молниеносному установлению демократии в обществе «развращенном», так же как монархии — в свободолюбивом. Управляемое авторитарное государство в результате утерю ориентиров своего местонахождения и дальнейшего продвижения и превратилось в нестабильное, с большим трудом управляемое. Новые властные структуры вместо создания системы «сотрудничества через конфликт» фактически способствовали формированию состояния «войны всех против всех».

Переход к новому авторитарному правлению в данной ситуации — не лучший вариант выбора, но вынужденный и оправданный с точки зрения дальнейших моральных и человеческих потерь. Как ни печально констатировать это положение, но его осуществление являет собою «закономерную незакономерность» в условиях утраты политической стабильности. Фактор политической координации усиливается за счет введения в действие «насильственного инструментария» с целью ввода общественной системы в равновесное состояние. В нормально функционирующем обществе фактор политического регулирования выполняет профилактическую роль. Его тогда можно охарактеризовать как предвидение такой ситуации в обществе, когда не должно происходить ничего крайне негативного, если все же «что-то случается». Сам феномен «случается» в жизне-способном и самообновляющемся обществе является постоянной величиной. При его отсутствии система «стагнирована», хотя в чисто абстрактном плане ее можно было бы назвать в этом случае абсолютно стабильной. Благодаря эффекту соотношения «действие — действие», «действие — противодействие», политическая система уравнивается, стабилизируется в некоем нестабильном равновесии.⁵ При этом следует подчеркнуть один важный момент, на который обращают внимание исследователи: «Политическая система не задумана для контроля с помощью моральных критериев. Она способна лишь к политическому саморегулированию».⁶

Понятие «стабильность» предполагает разнообразие уровней развития ее составляющих, их взаимодействия между собой, а также с внешней средой. Стабильность — динамическая

⁴ См. подр.: Структурно-функциональный анализ в социологии. М., 1968.

⁵ Бурдье П. Социология политики. М., 1993. С. 275—276.

⁶ Луман Н. Честность политиков и высшая аморальность политики // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 76.

величина, измерить которую на практике трудно, хотя попытки такого исследования предпринимались неоднократно как за рубежом, так и у нас. Относительные уровни ее состояния могут быть измерены с помощью комплекса социологических методов общенаучного и эмпирического характера. В теоретическом плане общественные системы по уровню стабильности можно разделить:

- система с высоким уровнем стабильности;
- система со средним уровнем стабильности;
- система с низким уровнем стабильности;
- нестабильная система.

Под последней понимается система, переходящая из одного качественного состояния в другое, когда ее самосохранение не обеспечивается ни внутренними естественными факторами, ни внешним окружением.

Стабильность можно измерять как методом количественных, математических показателей, так и методом интерпретационных, экспертных оценок. В ее основании лежит относительное равновесие между величинами, которые, с одной стороны, постоянно воспроизводят систему, а с другой — стремятся к ее изменению. Это равновесие находится под постоянной угрозой разрушения, ибо экономические, политические, социальные и иные характеристики системы на каждом этапе ее функционирования имеют свои временные рамки. Изменение ведет к новому состоянию равновесия, что означает самообновление системы в границах определенного уровня ее стабильности. Новое состояние равновесия свидетельствует и об успешной реализации политическими структурами своих нормативных функций по поддержанию, воспроизводству и защите национальных ценностей и традиций. К ним относятся:

- уровень экономического благосостояния и социальной защиты граждан;
- обеспечение конституционного порядка, свободы и прав человека;
- обеспечение независимости, безопасности, суверенитета государства.

Если социальные группы и общности строят отношения с подобными себе по типу «друг — враг», то властные структуры обязаны охранять социальную целостность общества, прежде всего с помощью ненасильственных методов. В числе последних могут быть: компромисс и согласие; достижение частичных самоограничений с обеих сторон; нейтрализация экстремистских начал; строгое соблюдение конституционных положений.

Не способствует сохранению внутреннего равновесия системы односторонняя, ориентированная на удовлетворение интересов части общества политика властей, озабоченных не достижением политического порядка, а сохранением своих функ-

ций любым путем, вплоть до использования антиконституционных мер. Политическая культура в подобной ситуации превращается в «культуру» взаимных оскорблений, в политическую, а иногда и в военную дуэль без цивилизованных норм и правил.

Стабильность общественной системы как одна из общих социологических категорий характеризует состояние общества в целом. Состояние отдельных его сфер можно измерить посредством использования таких категорий, как экономическая, политическая, социальная, национальная стабильность. Их тесная взаимосвязь несомненна. Каждая из них имеет свое содержание и особенности проявления. Трудно говорить о приоритетности какой-то одной из них. Однако экономическая и политическая стабильность оказывает решающее воздействие на развитие системы. Если первая характеризуется уровнем экономического развития, удовлетворением материальных потребностей людей, приростом национального, а следовательно, индивидуального богатства, то вторая гарантирует воспроизводство материальных и духовных ценностей, обеспечивает порядок в обществе, соблюдение прав и свобод граждан и т. д.

Проблема политической стабильности связана с проблемой устойчивости политической системы, всех ее элементов. Чтобы последняя обладала качествами действенности и устойчивости, ей необходимо обеспечить себя профессиональным административным аппаратом, политическими партиями, общественными организациями и движениями, средствами массовой информации, т. е. всем тем, что принято называть «развитой структурной дифференциацией». Это происходит из самой универсальности системы, ее многофункциональности и разнообразных способностей к регулированию, к распределению, к мобилизации, к самообновлению и выживанию. Политсистема вынуждена реагировать на внутренние и внешние «раздражители», вырабатывать и применять инновационные стабилизирующие приемы и устройства, измерять уровень соответствия своего функционирования социальным потребностям, мобилизовывать необходимое количество возможностей выбора в общественном развитии.

Стабильная система — это активный действующий целостный организм, в котором все составляющие, несмотря на самостоятельность и свободу выбора, находятся во взаимозависимости. Политический вес составляющих неодинаков. Это связано не только с объемом функций, их приоритетностью, но и с тем, какая из составляющих осуществляет главную функцию — функцию власти. Методы и формы реализации властных функций обычно свидетельствуют о способностях политической системы к самосохранению и самовоспроизводству.

Организация и функционирование системы в традиционных обществах несут на себе печать большого социального опыта,

включающего спокойные и «штормовые» периоды, социальные примирения и революционные катаклизмы, демократические правления и тоталитарные диктатуры. Отсюда следует, что стабильность или нестабильность являются не случайными и временными состояниями, а результатом длительной эволюции политического устройства общества. Вовремя заметить и откорректировать социальную девиацию в нужном направлении является прерогативой политиков, их прямой обязанностью. Если этого не происходит, то такие политические деятели должны уходить по своей собственной инициативе в отставку. Историческая практика многих зарубежных государств свидетельствует, что любые социальные изменения происходят на основе сохранения преемственности «прошлое — настоящее — будущее», на основе сохранения непрерывности, неделимости «социального времени», пережитого данным обществом. Печальный опыт России в XX в. говорит об обратном. Так, несуровой российской «особенностью» становится тот факт, что лучше всего, оказывается, отвергнуть, перечеркнуть, разрушить политическое прошлое со всем положительным и отрицательным, чем, сохранив его национальные и государственные основания, продолжить его модернизацию с учетом исторических традиций и опыта. Фактор преемственности в политическом развитии (да и не только в этом) полностью перечеркивается в угоду политическим амбициям, конъюнктуршине, откровенной недобросовестности и неграмотности. А на факторе политической преемственности столетия остаются стабильными политические системы большинства цивилизованных государств. Если у кого-то есть желание перенести политическое устройство США на российскую почву, то надо помнить и о том, что американская система функционирует более двухсот лет и ее не собираются менять, так же как и не спешат в пожарном порядке принимать новую конституцию. Беспамятство российских политиков (впрочем, данное явление постоянно присутствовало в России) — это не величина эмоционального свойства, а политическая константа. Она присутствует у некоторых категорий наших граждан, всегда готовых строить «новое» на обломках своего государства.

Обращение к недавнему и далекому прошлому России является не данью времени, а настоятельной потребностью возродить лучшие национальные традиции политического устройства общества и на этой основе профессионально и бережно двигаться по направлению к созданию демократического правового государства и общества.

Формирование или обновление политической системы на национальном фундаменте — лишь начало пути. Важным фактором ее стабильности выступает фактор учета интересов всех классов, социальных групп и общностей как в рамках властных структур, так и в проводимой ими политике. Уже упоми-

налось о том, что политическое здоровье правящей элиты находится в прямой зависимости от ее открытости, способности к самообновлению. Социальные перемещения по вертикали и горизонтали позволяют найти свою «нишу» не только энергичным и талантливым, но и большинству граждан с их постоянными устремлениями к свободной и лучшей жизни. Политическим выражением этих устремлений выступают политические партии, объединения и движения. Именно в их лоне удовлетворяются деятельностные интересы и потребности человека. Они выполняют посредническую функцию в соотношении человек — власть. Последняя в лице государства предоставляет социальное и политическое пространство для выражения и столкновения различных взглядов на перспективы развития общественной системы.

Наблюдаемые процессы перехода от партий к движениям, блокам и обратно свидетельствуют о первоначальном накоплении «политического капитала» в обществе, об использовании тактических приемов, ориентированных на привлечение в свои ряды возможно большего количества потенциальных сторонников. Своеобразной особенностью политического процесса в России является падение авторитета и престижа партий, выражение недоверия к их деятельности со стороны массового избирателя. Свидетельством этого стало появление лозунга «Объединимся в партию беспартийных!». На политической арене все чаще возникают фигуры независимых, беспартийных политиков. Данная тенденция замечена социологами. В этих условиях партия «как механизм выдвижения и поддержки на выборах таким лидерам не нужна — они сами себе партии. В этой персонализации политических предпочтений кроются основания популизма».⁷

На наш взгляд, данная тенденция является временной, конъюнктурной в условиях переходного периода. Ей трудно прогнозировать большое будущее, ибо неустребованные интересы всех классов и социальных групп, несомненно, найдут в перспективе свое политическое выражение в лице массовых партий и социальных движений. Через многоступенчатую организацию партийной системы, через выдвижение ее кандидатов в органы представительной и исполнительной власти видится один из факторов стабилизации политической системы в России.

Традиционные основные классы и социальные группы российского общества не спешат идентифицировать себя в настоящее время с какой-то политической группировкой потому, что: во-первых, идет болезненный процесс переосмысления всего того, что совершается на наших глазах в экономической, полити-

⁷ Социология общественных движений: концептуальные модели исследования. 1989—1990. М., 1992. С. 25.

ческой, культурной, национальной и в других сферах общественной жизни; во-вторых, переходное состояние общества неожиданно «выбросило» на политическую арену значительное количество авантюрных, даже криминальных элементов, которые не способствуют в глазах населения формированию устойчивых представлений о сегодняшнем образе политического лидера; в-третьих, большинство населения живет не политическими пристрастиями, а элементарной озабоченностью «сводить концы с концами», чтобы прокормиться; в-четвертых, появление полюсов богатых и бедных формирует новое состояние социально-классовой структуры с элементами острого противостояния; в-пятых, формирование так называемого «среднего класса-сословия», который, по мысли российских реформаторов, «призывается» спасти страну от политических и экономических катаклизмов, происходит по типу «гангстерских мафиози» середины XIX в.

Если в западных странах буржуазия сумела за долгие годы правления выработать «механизм ответственности правящих партий в создании двух и более именно своих политических организаций, борющихся за власть и отвечающих за издержки политического курса уходом в отставку»,⁸ то в современной России пока нет ни малейшего намека на то, что какой-то класс (не будем упоминать о буржуазии) сможет в ближайшее время сформировать и использовать подобный «механизм ответственности». Сегодня было бы утопической идеей утверждать тезис о том, что вскоре в нашем обществе образуется традиционная многопартийная политическая система, которая уже фактом своего существования может выполнять функцию «гаранта» от политических потрясений. Формирование такой системы займет длительный промежуток времени, а значит, еще один из факторов политической стабильности не сможет действовать в российском обществе.

Концепция разделения властей, предложенная Ш. Монтескье, в политической практике большинства государств используется давно и успешно. Являясь одним из важнейших принципов правового государства, она в то же время выступает и в качестве фактора стабильности политического развития. Сосредоточение власти в руках одного лица или коллективного органа вызывает цепную реакцию в зарождении диктаторского режима. Этот период пережили многие государства. Рассредоточение власти на законодательную, исполнительную, судебную ставит жесткие барьеры в ее монополизации. В результате создается механизм противовесов, который сдерживает попытки узурпации власти, уравнивает все ее ветви, формирует

⁸ Андреев С. С. Политическое доверие и политическая ответственность // Социально-политический журнал. 1992. № 10. С. 41.

основу стабильного и демократического правления. Возможно ли нарушение этой триады? В традиционных обществах, имеющих давние парламентские традиции и соблюдающих закон, ответ на вопрос может быть лишь отрицательным. В обществах с неустойчивой политической системой, подвергающейся постоянным трансформациям, принцип разделения властей не выдерживается. Происходит поочередное «усиление — ослабление» законодательной и исполнительной власти. Это зависит от многих причин.

В современном российском обществе система разделения властей находится в зародышевом состоянии. Насильственный разгон парламента, представительных органов, конституционного суда по причине политической нелояльности и недоверия к президенту привел страну к установлению авторитарного, диктаторского режима. Дальнейшее политическое развитие России пока трудно предсказать. Ясным остается лишь одно — в высшие эшелоны законодательной и исполнительной власти должны прийти новые люди, избранные на многомандатной основе и имеющие опыт политического руководства. Лидеры «переходного типа», находящиеся во властных структурах, в силу своей «политической зашоренности» и патологической ориентации на борьбу с «врагом» не смогут вывести общество из глубокого кризиса. Новой демократии, если она получит дополнительные импульсы, нужны политические лидеры новой формации, наделенные широким воображением, гибкостью и живостью ума, способностью понимать настроения людей, не поддающиеся «тулому давлению» чиновничьей бюрократии. В этом аспекте «парламентская лавка» является не только местом для политических баталий, но и «нерестилищем для политических лидеров, способных... получить поддержку масс». И так, еще один фактор стабильности — разделение властей — не имеет сегодня в политической практике России своего воплощения. Реализуется лишь его вторая часть — специализация работников, занятых выполнением властных функций на профессиональном уровне. Есть надежда на то, что и первая часть получит свое разрешение в цивилизованных формах. Для этого нужно время, ибо, как заметил М. Вебер, политика «есть мощное медленное бурение твердых пластов, проводимое одновременно со страстью и с холодным глазомером».¹⁰

Социальные перемены обостряют отношения людей, социальных групп, общностей, всех субъектов власти. Гармонизация этих отношений, установление согласия — все это слагаемые процесса стабилизации общественной жизни. Политическая конфронтация — это крайнее выражение тупиковой ситуа-

⁹ Гидденс А. Политика, управление и государство // Рубеж. 1992. № 3. С. 90.

¹⁰ Вебер М. Избр. произв. С. 705.

ции. Но она может быть предотвращена путем взаимных уступок, компромисса. «Мы и Они», «Свои и Чужие», «Союзники и Враги» — эти образы и понятия не могут иметь места в обществе, стремящемся к установлению демократических форм правления. Если они и присутствуют, то лучшим путем разрешения данного противостояния является не обращение в третейский суд, а достижение взаимного согласия. Высшую оценку получает тот, кто сделал первый шаг в поиске компромисса, хотя, возможно, он в свое время выступал инициатором конфликта, разделения общества на противостоящие части.

В политическом пространстве всегда есть «заветная» сфера потенциального согласия, в рамках которой «варится» баланс стабильности, позволяющий удерживать общественную систему в состоянии «неустойчивого равновесия». Баланс стабильности включает, с одной стороны, элементы крайней зарегулированности политической жизни, ведущие к диктатуре, а с другой — элементы «неразбавленной демократичности», ведущей к анархии. Мудрость политического руководства как раз и состоит в том, чтобы элиминировать крайние состояния и поддерживать в обществе систему открытой функционирующей демократии. Последняя сама по себе еще не является гарантом стабильности. Она предоставляет лишь широкие возможности для свободного взаимодействия людей и придает организационную определенность этому взаимодействию на разных уровнях.¹¹

Разумеется, вышеперечисленные факторы политической стабильности общества не исчерпывают всей полноты проблемы. Любая политическая система, являясь внутренне сложным образованием, испытывает на себе воздействие множества других факторов. Даже строго оформленная и обладающая необходимым спектром стабилизирующих политических факторов, она может быть неэффективной, если слабо функционирует экономика и ее составляющие, если права и свободы человека не осуществляются в полном объеме, если граждане не имеют социальной защиты в своем государстве.

§ 2. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

В общественных науках принято различать близкие понятия *поведения и действия*. О поведении говорят, когда речь идет о приспособлении человека к внешним обстоятельствам, поведением обычно «управляют». Действие, напротив, означает самостоятельный выбор возможностей осмысленной и целенаправленной деятельности. Таким образом, действия основа-

ны на рациональном выборе целей и средств, а поведение представляет собой совокупность рациональных и иррациональных компонентов человеческой деятельности. Говоря о поведении, мы будем пользоваться обычным словоупотреблением этого термина, означающим совокупность действий и поступков гражданина или группы граждан с целью влияния на политические решения в современном демократическом государстве.

Классики европейской и американской демократической мысли предполагали, что господствующей формой политического поведения должно быть непосредственное активное участие в политике определенного круга граждан, которое делало бы демократию живой властью народа. В наши дни вряд ли найдется столь наивный человек, который понимал бы демократию буквально — как власть народа — и верил бы в возможность непосредственного участия в политике каждого гражданина. Очевидно, что в демократических государствах, как и во всех других, существуют отношения господства и подчинения. Однако в отличие от других политических режимов в условиях демократии господство и подчинение осуществляются на основе законов и под контролем народа, а носители власти избираются на определенный срок. Отсюда возникает необходимость конкретизировать понятие политического поведения и политического участия для условий современной демократии конца XX в.

В наше время общественные условия поведения и возможности участия в политике значительно изменились по сравнению с периодом классической демократии. Принципы классической демократии были созданы в то время, когда задачи государства были ограничены и обозримы, и считалось, что можно создать такое государственное устройство, которое гарантировало бы свободу человека. Речь идет об известных принципах народного суверенитета, разделения властей, связанности исполнительной власти законом, защите личной сферы жизни человека от государственного вмешательства.

В отличие от представлений теоретиков классической демократии современное государство и общество не являются более двумя отдельными сферами. Государство распространило многие свои функции на общество, а общество, в свою очередь, значительно усилило свое влияние на государство.

Современное общество и государство являются гораздо более сложными по сравнению с периодом классической демократии. Независимо от формы общественного и политического устройства сегодня значительно выросли экономические и социальные задачи государства, возрос его бюрократический управленческий аппарат.

Если раньше демократия защищала граждан от произвола носителей власти, а в остальном они были предоставлены самим себе, то современная демократия стремится быть социаль-

¹¹ Капицын В. М., Ролдугин Ю. Д. Общечеловеческое в демократии: Социологический аспект // Вестн. Моск. ун-та. Социально-политические исследования. 1992. № 2. С. 41—42.

ной: многие граждане могут жить только благодаря поддержке государства.

В классической либеральной теории демократии возможность участия в политике предусматривалась не для всех, а лишь для определенных — довольно ограниченных — слоев населения, в то время как современная демократия предоставляет такие возможности каждому гражданину.

Расширение общественных задач государства повлекло за собой расширение политического регулирования жизни общества, стирание различий между частной и публичной жизнью, политизацию жизненного мира человека. Поэтому изменился характер политического поведения и участия в политике. В наши дни речь идет не о защите личной сферы жизни человека от государственного вмешательства, а об участии в политике с целью удовлетворить свои многообразные интересы.

Далее, современное общество больше не представляет собой ни множества свободно конкурирующих индивидов времен раннего капитализма, ни социально-однородного единства реально существующего социализма; оно обладает групповой формой организаций, так что человек действует не во всем обществе, а в определенных группах, к которым он принадлежит. Поэтому для современной демократии характерно не непосредственное участие в политике, а участие, опосредованное организациями, в которых концентрируются интересы отдельных граждан. Это влечет за собой важное изменение характера политического поведения, в частности, снижение его стихийности, которая все менее оправдывает себя в современных условиях.

Таким образом, в наше время произошло тесное переплетение государства и общества, личной и политической сферы, задачи современного демократического государства стали неопознаны, политические организации и институты велики и непросматриваемы, техника принятия и исполнения политических решений — сложной. Бюрократизация всех сфер общественной жизни стала нормой. Это означает, что, с одной стороны, прежнее представление о том, что каждый гражданин может и должен принимать участие во всех политических решениях, утратило силу, а с другой — невозможно четко отграничить социальное и политическое поведение.

Поэтому современные исследователи отдают предпочтение понятию политического поведения в узком смысле, определяя его как влияние на процесс принятия и осуществления политических решений, которые затрагивают большой круг людей, их цели и интересы, подчеркивая его прагматичный характер, сбалансированность относительно реальных возможностей, зависимость успеха от связи с различными организациями.

Наиболее эффективными формами политического поведения в современной демократии являются:

— участие в выборах в высшие и местные органы власти, в выборах главы исполнительной власти. Участие гражданина в политике будет более эффективным, если он избран в органы власти или выдвинут кандидатом на выборах;

— членство и активная работа в политических партиях и профсоюзах. Еще более эффективным это участие будет в случае занятия руководящих постов в политических организациях;

— участие в новых социальных движениях, гражданских инициативах, разрешенных митингах и демонстрациях, особенно в случае, когда такое участие направлено на решение конкретных проблем;

— личные контакты с депутатами, политиками, служащими органов власти и управления, влияние на них;

— менее эффективны формы политического поведения, содержащие значительные элементы стихийности, так как процесс принятия политических решений в современных демократиях является институционализированным и связан с бюрократическими процедурами. Поэтому самовольное занятие административных зданий, домов, предприятий, стихийные митинги и демонстрации, произвольное разбрасывание листовок, силовые акции, как правило, не приводят к желаемым результатам.

Политическое поведение в современном плюралистическом обществе определяется несколькими типичными политическими позициями, связанными с мировоззренческими установками граждан.

Активная политическая позиция, соответствующая классическим принципам демократии, означает заинтересованное участие граждан в политике. Приверженцы активного участия в политике считают, что народ несет полную ответственность за политику, и в подтверждение своего мнения приводят известное высказывание Г. Гегеля о том, что каждый народ имеет такое правительство, которое он заслуживает.

Активное политическое поведение и содержательное участие в политике требуют умения вырабатывать собственное мнение по политическим вопросам и влиять на формирование политической воли общества. Известный немецкий ученый, современный политический просветитель Т. Элвайн, разработавший современное учение о политическом поведении, дает в этой связи целый ряд советов, полезных для каждого гражданина.¹²

Собственное мнение о политике и самостоятельная политическая позиция связаны с накоплением знаний и анализом политической информации. Для этого необходимо читать газеты

¹² Ellwein Th. Politische Verhaltenslehre. — 7. unveränd. Aufl. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz; Kohlhammer, 1972. S. 188.

и политическую литературу, знать Конституцию и важнейшие законы страны, изучать программы и уставы организаций, в которых состоишь, читать их финансовые отчеты, посещать публичные выступления, предвыборные собрания, митинги, заниматься политическим самообразованием, знакомиться с бюджетом страны, местным бюджетом.

Для того чтобы возникло собственное мнение, нужно сравнивать газеты, передачи новостей различных информационных агентств, беседовать с людьми на политические темы, убеждать их в своей точке зрения, выслушивать и анализировать их позицию.

Чтобы участвовать в образовании политической воли, нужно беседовать с друзьями, знакомыми, коллегами на политические темы, в том числе использовать доверительную форму беседы, так как некоторые верят только тому, что сообщается «по секрету». Следует точно отвечать на вопросы исследователей общественного мнения, поскольку их результаты часто влияют на формирование общественного мнения и политическую позицию других. Нужно принимать участие в закрытых и открытых дискуссиях на собраниях, ибо выступления участников дискуссии часто выслушиваются внимательнее, чем заранее намеченные доклады. Можно писать в газеты, редакции радио и телевидения, требовать опровержения ложных сведений, побуждать к этому других. Хорошо действуют открытые письма политикам: политики относятся к таким письмам очень внимательно и охотно идут на контакт с их авторами, так как опасаются подобных публикаций. Определенное влияние на общественное мнение имеют изготовление и расклейка плакатов в людных местах, особенно если автор сам стоит с плакатом.

Большой эффект производит выход из партии с публичным обоснованием своего шага, возбуждение судебных исков к политикам. Несмотря на то, что политики, как правило, имеют против этого иммунитет, но внимание общественности будет привлечено к теме иска, и можно рассчитывать как минимум на заметку в газете.

Так как современная политическая жизнь проходит в организациях, политическое влияние и участие в процессе образования политической воли происходят, если жертвовать деньги партиям и другим политическим организациям, приглашать с собой знакомых и друзей на организованные политические мероприятия, вступать в политические партии, участвовать в социальных движениях, работать на выборах, участвовать в забастовках.

Более целенаправленное влияние на формирование политической воли достигается путем беседы с высокопоставленными служащими, ведающими определенными вопросами, встреч с депутатами, писем в их адрес. Нужно снабжать депутатов ма-

териалами, сведениями по интересующим вопросам. Следует «обрабатывать» знакомых, обладающих властью.

Политическое влияние будет еще сильнее, если человек занимает должность в органах власти или избирается на выборах. Такой человек обладает хорошим контролем за процессом принятия и исполнения политических решений.

Однако несмотря на богатые возможности участия граждан в политике, активная политическая позиция является далеко не самой распространенной. Очень многие считают, что политика — это грязное дело и от нее нужно держаться подальше, чтобы не испачкаться, что простой человек не может оказать никакого влияния на политику и поэтому о политическом поведении даже не стоит говорить. Достаточно отметить, что во всех демократических государствах число граждан, принимающих участие в выборах, значительно меньше, чем число граждан, имеющих право голоса. Еще меньше численность граждан, состоящих в политических партиях, совсем невелика степень участия в работе органов местного самоуправления, в социальных движениях и гражданских инициативах, мало кто обращается к политикам, депутатам или служащим органов власти и управления. Позиция таких людей называется «политической апатией». Люди, страдающие ею, не являются противниками демократии, но и не принадлежат к ее сторонникам. Они ничего не хотят делать для демократии, им все равно, кто правит.

Между активной политической позицией и политической апатией существует целый ряд промежуточных политических позиций и соответствующих политических установок, которые характеризуют степень участия в политике и особенности политического поведения. Однако то, что является общим практически для всех людей нашего времени — это большой интерес к политике, пусть не всегда связанный с непосредственным участием в ней. Свидетельство тому — множество политических передач по радио и телевидению, которые привлекают большую аудиторию, большое число политических газет, журналов и литературы на политические темы, которые охотно читаются.

Различное отношение к активному участию граждан в политике и политическому поведению вообще существует и среди трех важнейших направлений политической мысли и политических течений: консерватизма, либерализма и социализма.

Родоначальники политического консерватизма основывались на идее приоритета государства над обществом и отклоняли возможность влияния общества на государственную власть. Появление политических партий и активное участие граждан в политике воспринимались ими как угроза суверенитету государства и решительно отклонялись. Исходя из представления о негативной природе человека (линия Т. Гоббса в политической мысли), теоретики консерватизма уделяли внимание пре-

жде всего контролю за политическим поведением граждан со стороны государства.

Современные консервативные мыслители примирились с плюралистической многопартийной демократией и участием граждан в политике; хотя, с их точки зрения, государство по-прежнему обладает полным политическим суверенитетом и является гарантом стабильного функционирования всей общественной системы. Поэтому современные консерваторы одобряют лишь формальное участие граждан в политике и лояльное политическое поведение, которые рассматриваются не как необходимая составная часть демократии, а как способ сохранения равновесия системы; интеграции человека в существующую общественную систему. Ограничение участия в политике лишь тем, что полезно для сохранения общественной системы, не позволяет провести ясное различие между политическим и социальным поведением, так что политическое поведение является частным случаем социального.

Представители политических теорий и концепций, основанных на представлении о позитивной природе человека (линия Ж.-Ж. Руссо в политической мысли) и идее эмансипации человека, одобряют активное политическое поведение и содержательное участие граждан в политике. Эти мыслители и политики отождествляют подлинную демократию с устранением отношений господства в обществе или хотя бы смягчения его форм, наиболее сильно унижающих человеческое достоинство.

В концепции классической демократии, разработанной теоретиками и идеологами либерализма и ее современном продолжении — концепции плюралистической демократии, формальное участие в политике является объектом критики, так как оно означает отсутствие реальных возможностей влияния человека на политические решения, лишь видимость его участия в политике. Участие в политике измеряется в данном случае не количественно, а качественно, оно — решающий признак демократии. Речь всегда идет о реальном влиянии человека на политические решения и процесс их осуществления. Политическое участие — это не интеграция, а именно участие в политике, которая связана со всей общественной системой. Поскольку политика рассматривается в связи со всей общественно-экономической системой, неформальное политическое поведение, например участие в демонстрациях или гражданских инициативах, является не только возможным, но и желательным. Кроме того, мировоззренческий индивидуализм либерализма создал методологические предпосылки для эмпирического исследования политического поведения.

В основе социализма как политического движения и течения политической мысли, как и либерализма, лежит идея эмансипации человека и построения общества без господства. Однако в отличие от либерализма политические идеалы эпохи Про-

свещения: свобода, равенство и братство, соединились в нем с критикой буржуазного общества после Великой французской революции, которое классики социализма и родоначальники марксизма К. Маркс и Ф. Энгельс объявили злой карикатурой на идеалы просветителей. Представители социализма, последователи Маркса и Энгельса, требуют, с одной стороны, активного участия в политике с целью революционного преобразования существующего буржуазного общества в социалистическое, а с другой — не признают важности индивидуального участия граждан в политике и выступают только за коллективные политические действия рабочего класса. Они придерживаются теории общественных классов, согласно которой общество состоит в конечном счете из двух антагонистических классов — буржуазии и пролетариата. Поэтому причинами определенного классового поведения считаются существующие производственные отношения и социальные условия, в которых живут представители классов. Считается, что объективное положение рабочего класса в обществе («класс в себе») осознается идеологическими представителями класса, т. е. возникает классовое сознание («класс в себе» превращается в «класс для себя») и классовое поведение, направленное на устранение господства буржуазии. Если в действительности такое поведение рабочего класса не наблюдается, то причиной этого объявляется либо противодействие буржуазии, которая манипулирует сознанием рабочего класса или применяет политическое насилие, либо недостаточная просветительская работа среди рабочего класса, либо то и другое вместе. Невнимание к индивидуальному политическому поведению в марксизме повлекло за собой отсутствие систематического изучения связи между политическими установками и определенными формами политического поведения.

В отличие от XIX в. в XX столетии марксизм-ленинизм в социалистических странах одобрял не конфликтное, а лишь конформное политическое поведение и всеобщее участие в официальных формах политической жизни. Так как социалистическое общество понималось как искусственно создаваемое по заранее намеченному плану в противоположность капиталистическому обществу, считавшемуся естественно выросшим из недр феодализма, правящая в Советском Союзе Коммунистическая партия и ее спутники в странах реального социализма строго преследовали неформальное и отклоняющееся политическое поведение, усматривая в нем угрозу провала общества обратно в капитализм. В социалистических странах, равно как и в марксизме, вообще эмпирические исследования политического поведения не получили заметного развития, их место заняли постоянно уточняемые прогнозы об этапах построения коммунистического общества, понимаемого как коллективная деятельность всего народа под руководством правящей партии.

В этих странах социологические исследования политического поведения стали развиваться лишь после общественной трансформации конца 80-х — начала 90-х годов.

В современной политической социологии исследуются следующие аспекты политического поведения:

- институциональные возможности непосредственного участия в политике;
- участие в политике через организации;
- стихийное политическое поведение (участие в демонстрациях, гражданских инициативах, массовые политические феномены);
- социальное поведение в широком смысле этого термина, если политическое поведение понимать как его составную часть.

Политическое поведение впервые стало предметом изучения политической социологии и политической науки в США благодаря широкому распространению бихевиоризма¹³ в общественных науках. Несмотря на то, что бихевиоризм является разнородным методологическим направлением, его представителей объединяет ряд общих методологических требований к научному исследованию политики, а именно: исследование должно ограничиваться лишь наблюдаемыми явлениями; полученные данные должны быть по возможности количественными; исследование должно быть направлено на решение прикладных проблем; ценностные суждения, например высказывания о демократии или свободе, не могут быть обоснованы научно. Бихевиоризм является не отраслью знания, а методологическим направлением, получившим распространение во многих дисциплинах, изучающих поведение: психологии, социологии, политологии и др., поэтому бихевиористские исследования политического поведения носят междисциплинарный характер.¹⁴ Благодаря представителям бихевиоризма еще в довоенные годы политическое поведение стало одним из основных понятий политической социологии, хотя поначалу исследования ограничивались изучением поведения избирателей и лишь позднее распространились на другие области.

Первоначально бихевиоризм в политической науке и политической социологии при объяснении поведения исходил из жесткой психологической парадигмы «стимул — реакция» ($S \rightarrow R$). Поведение понималось как ответ на стимулы окружающей среды, а сознательные аспекты поведения не изучались как ненаблюдаемые. Представители современного бихевиоризма, соединив его с системной теорией, пользуются более

сложной парадигмой «стимул — организм — реакция» ($S \rightarrow O \rightarrow R$), которая в определенной степени учитывает чувства, мотивы, нормы и другие аспекты поведения личности. В современном бихевиоризме при необходимости используются концепции социальной роли, социальной группы, институтов, организаций, культуры, системы.

Заслугой бихевиоризма является разработка точных методов исследования политического поведения, позволяющая получить систематические данные о поведении населения и определенных социальных групп, источником которых являются разнообразные интервью, сделать выводы о связи политического поведения с идеологией. Методика бихевиористских исследований всегда позволяет точно сказать, что именно исследуется в политическом поведении и каким образом.

Бихевиористские исследования поведения обладают и целым рядом недостатков: их стоимость высока, они плохо приспособлены к прогнозам будущего поведения, имеют тенденцию сводить исследование к получению статистических данных, деидеологизируют предмет исследования и, главное, оставляют без внимания моральные аспекты поведения, страдают упрощенным образом человека и социальной обусловленности его поведения.

В Европе, богатой философскими и этическими подходами к исследованию поведения, бихевиоризм никогда не занимал господствующего положения в общественных науках, хотя в XX в. стимулировал исследования политического поведения. Современной европейской альтернативой бихевиоризму в исследованиях политического поведения (противопоставление американской и европейской традиции исследования политического поведения носит относительный, условный характер) можно считать концепцию социальной установки.

Понятием социальной установки обозначается устойчивая предрасположенность, готовность индивидуума или группы к действию, ориентированному на социально значимый объект. В социальной психологии сложилась концепция трехуровневой структуры социальной установки:

- аффективный уровень связан с эмоциональной оценкой социальных объектов;
- когнитивный уровень выражает осознание человеком социального объекта;
- поведенческий уровень включает реальные действия человека по отношению к социальному объекту.¹⁵

Научная концепция установки соединяет анализ биографического социального опыта человека, его самоопределения и интерпретации внешней социальной реальности. Формы пове-

¹³ Бихевиоризм (от англ. behavior, behaviour — поведение) — одно из ведущих направлений в американской психологии конца XIX — начала XX в., буквально — наука о поведении.

¹⁴ Veume K. von. Die politischen Theorien der Gegenwart. — 7. neubearb. Aufl. Opladen, 1992. S. 81.

¹⁵ Комаровский М. С. Установка социальная // Современная социальная социология. М., 1990. С. 362–363.

дения являются реализацией определенных установок, соответственно высказывания, описывающие поведение, находятся в тесной связи с высказываниями, описывающими установки.

Установки опосредуют поведение и социальную реальность. С одной стороны, установки обеспечивают обобщенную картину реальности на основе конкретного опыта, а с другой — влияют на ее восприятие и тем самым на поведение. В установке соединяются личный опыт и объективные обстоятельства жизни человека.

Человек только тогда способен к действию, когда у него имеется стабильная непротиворечивая картина реальности, которая позволяет ему ориентироваться в общественной реальности и принимать решения о характере своего поведения. Уже сложившиеся установки являются фильтром при восприятии новой информации и опыта. Они выполняют роль защитных механизмов личности от деструктивного влияния объективных противоречий.

Эти функции установок особенно важны для объяснения политического поведения. В богатой противоречиями политической жизни они обеспечивают устойчивые личные непротиворечивые модели интерпретации политической реальности и последовательное политическое поведение. Эмпирические исследования политического поведения основаны на разработке шкал установок, которые позволяют выявить наиболее характерные политические позиции и образцы политического поведения граждан.

Предметом эмпирических исследований является содержание личных политических установок, политические ценности, убеждения, настроения, влияние объективных обстоятельств на политическое поведение.

В нашей стране в рамках изучения общественного мнения уже накоплены богатые эмпирические материалы исследования политических установок и политического поведения. Они показывают, что система политических установок российского общества может быть описана как композиция следующих элементов:

- во-первых, традиционные для советского общества ценности и установки социалистического, коллективистского типа;
- во-вторых, противоположные им либерально-индивидуалистические ценности и установки, характерные для буржуазного общества;
- в-третьих, прагматические жизненные и политические установки;
- в-четвертых, модернистские установки, занимающие промежуточное положение между вторым и третьим элементами.¹⁶

¹⁶ Рукавишников В. Ш. Факторная модель структуры общественного мнения и проблемы экологии в современной России // Социологические исследования. 1992. № 12.

С помощью этой модели можно интерпретировать позиции различных социальных групп по политическим и другим вопросам, объяснить результаты опросов общественного мнения и политическое поведение людей в условиях происходящих социальных изменений. Люди старшего поколения часто воспринимают происходящие перемены негативно, поскольку среди них много приверженцев традиционных ценностей советского общества. Среди молодежи доминируют сторонники радикальных взглядов, основанных на либерально-индивидуалистических ценностях и установках. Среди людей среднего возраста преобладает прагматичное понимание необходимости глубоких общественных реформ, которые следует проводить с большей ответственностью и предусмотрительностью.

Даже такая упрощенная модель позволяет сделать вывод о том, что различия в политических позициях и политическом поведении групп населения по отношению к демократизации и переходу к рыночной экономике в нашей стране в значительной степени определяются возрастом. Для старшего поколения крушение привычной системы ценностных координат и социальной среды означает катастрофу. Молодежь, социализация которой приходится на период реформ, принимает новую реальность такой, какой она есть, и стремится найти свое место в ней. Отсюда следует, что темпы общественной трансформации в России, демократизация государства и общества связаны со вступлением в активную политическую жизнь новых поколений, придерживающихся демократических ценностей.

ГЛАВА VI

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

§ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Термином «политическая культура» называют обобщенную характеристику отношения граждан к политической системе своего общества и к политической активности. Понятие политической культуры включает характерную для данного общества совокупность норм политического поведения и политических оценок, степень усвоения и реализации основных прав и свобод гражданами, историко-политический опыт общества и традиции политической жизни, которые определяют политическое поведение и действия граждан, политическое воспитание, политическую социализацию и политический процесс в целом.

В политической социологии важнейшими компонентами политической культуры считаются совокупность политических установок и позиций граждан по отношению к политической системе общества, их типичные рациональные и эмоциональные компоненты политического поведения, масштабы оценки политических событий.

Понятие политической культуры было впервые введено в политическую социологию и политическую науку американским ученым Габриэлем Альмондой в 1956 г.¹ и получило концептуальное оформление и широкое научное употребление после выхода в свет результатов фундаментального сравнительного исследования политической культуры пяти стран: США, Великобритании, ФРГ, Италии и Мексики, выполненного Г. Альмондой и С. Вербой.² Их исследование до сих пор определяет основы концепции политической культуры и подходы к ее изучению.

С помощью концепции политической культуры впервые удалось исследовать объективные связи между индивидуальным

политическим поведением, политической системой в целом и политическими традициями общества, достигнув тем самым большой объективности и глубины анализа существенных особенностей политического поведения.

Значение концепции политической культуры для социологических исследований политического поведения состоит в том, что она во многом способствовала вытеснению бихевиоризма и других односторонних схем, господствовавших прежде в поведенческих исследованиях, и предоставила более широкие возможности для сравнительных исследований политики в разных странах. Чтобы по достоинству оценить прогресс в области политической социологии, достигнутый благодаря распространению исследований политической культуры, достаточно сравнить их, например, с популярными ранее исследованиями национального характера. Исследования национального характера исходили из наличия врожденных качеств членов нации, которые описывались категориями психологии и затем применялись для описания и объяснения политического поведения. При этом влияние субъективных факторов, определяющих поведение, явно переоценивалось. Особенно преувеличивалось влияние на поведение личности в обществе фазы раннего детства и последующего воспитания в духе психоанализа З. Фрейда. Так, по мнению одного из западных исследователей национального характера, типичное политическое поведение русских представляет собой сплав рабского терпения с внезапными взрывами протеста и объясняется тем, что в России распространен жесткий способ пеленания младенцев с обвязкой лентой, так что младенец бывал «свободен» лишь в течение коротких пауз. Такой способ пеленания младенцев, согласно исследователю, формирует личность, демонстрирующую описанные выше особенности политического поведения: политическую апатию значительной части населения, его непротивление царскому режиму, сталинскому господству и короткие выступления революционного характера.³

Исследования политической культуры позволили избежать и других упрощений в анализе политического процесса и политического поведения, например, на основе преувеличения роли идеологии и общественного мнения. Благодаря тому, что они выработали однородные и устойчивые критерии исследования, сравнительные политико-социологические исследования разных обществ в значительной степени деидеологизировались. Этому способствует и учет как формальных, так и неформальных компонентов политического поведения, распространенных нравов и обычаев, использование большого арсенала эмпирических методов. Все это позволило получить объективные основы по-

³ Цит. по: Berg-Schlosser D. Politische Kultur. München, 1972. S. 23—24.

¹ Almond G. A Comparative Political System // Journal of Politics. 1956. P. 391—409.

² Almond G., Verba S. The Civic Culture. Princeton UP, 1963.

нимания национальных политических процессов и перейти к их интернациональному сравнению.

В центре внимания социологов-исследователей политической культуры находится отношение людей к политической системе и соответствующие политические ориентации, определяющие основные черты политического поведения. В настоящее время сложилось общепризнанное представление о регуляторах политического поведения, существенных для политико-культурных исследований. К ним относятся: ценности и нормы как стабильные ориентации поведения; установки как относительно устойчивые личные ориентации поведения; мнения как относительно поверхностные поведенческие позиции. Мнение представляет собой суждения и оценки по злободневным вопросам, представляющим интерес для человека, а установка — это, например, длительное предпочтение определенной партии и политической линии. Ценность — это основополагающая установка по отношению к общественному порядку в целом.

Таким образом, между поведенческими ориентациями имеется иерархия, согласно которой мнения являются поверхностной, а ценности — глубинной predispositionностью к определенному политическому поведению. Установки занимают в этой иерархии среднее положение, т. е. являются достаточно устойчивыми и общественно значимыми ориентирами человека при выборе политической позиции и вместе с тем в достаточной степени индивидуальными ориентирами, отражающими личный опыт человека.

Для социологического исследования политической культуры наибольшей практической ценностью обладает концепция установки. Установки не так сильно изменчивы и разнообразны и не так стабильны и ограничены как набор основных ценностей общества. Поэтому установки как достаточно различные и стабильные ориентиры политического поведения наилучшим образом подходят для проведения эмпирических исследований политической культуры. Кроме того, существует связь между мнениями, установками и ценностями, которая состоит в том, что мнение основывается, как правило, на сходной установке, которая, в свою очередь, опирается на соответствующие основные ценности.

Предмет исследования политической культуры значительно шире, чем анализ политического поведения. Поэтому, хотя установки и являются наиболее существенной ориентацией поведения, в практике исследований все-таки предпочитают изучение более широкого спектра ориентаций, элементы которого несколько отличаются от структуры установок.⁴

Согласно Т. Парсонсу и Э. Шилзу, ориентации содержат

когнитивные, аффективные и оценочные компоненты.⁵ Когнитивные (научные) компоненты носят рассудочный характер, опираются на объективное знание о том, что является правильным или неправильным в политической жизни. Аффективные компоненты связаны с эмоциональным отношением к политике и основаны на социально-психологических особенностях общества. Ценностные компоненты связаны с основными ценностями общества и формируют отношение личности к политике с моральных позиций.

Вслед за Г. Альмондой и С. Вербой в качестве объектов ориентации принято выделять четыре блока: политическая система в целом; структуры входа, т. е. то, что вносится гражданами в политическую систему; структуры выхода, т. е. то, что производят политические институты в политическом процессе, прежде всего решения государства в определенных направлениях политики; и, наконец, представление граждан о политической жизни своего общества и своем месте в ней, которое можно назвать «политическим автопортретом общества».

В результате объединения компонентов ориентаций и их объектов получается матрица из 12 ячеек, которая дает элементарное представление о предмете политико-культурных исследований (см. табл. 2).

При исследовании политической культуры обычно выделяют несколько вопросов, которые в связи друг с другом позволяют получить основные характеристики политической культуры и сравнить политическую культуру разных обществ. Среди важнейших из них, составляющих основное содержание исследования, можно назвать отношение граждан к политике в целом, интерес к политике, информированность о ней, отношение к средствам массовой информации, связь с политическими партиями и другими политическими организациями, возможности участия в выработке политических решений, степень реализации гражданских прав и свобод.

Таблица 2. Предмет политико-культурных исследований

Компоненты ориентаций	Объекты ориентации			
	Политическая система в целом	Структуры входа	Структуры выхода	Политический автопортрет
Когнитивные				
Аффективные				
Оценочные				

⁵ Parsons T., Shils E. Toward a General Theorie of Action. Cambridge (Mass.), 1951. P. 58 ff.

⁴ Ср. гл. 5 § 2 «Политическое поведение».

Важной характеристикой политической культуры является степень удовлетворенности политической системой, которая характеризуется оценкой эффективности демократии и доверием к демократическим институтам. Другой существенной характеристикой политической культуры является способ разрешения политических конфликтов, степень готовности к революционным и насильственным выступлениям в случае политического конфликта либо склонность к компромиссному разрешению конфликтов. Очень важен вопрос о связи политического процесса с экономической ситуацией в обществе, которая формируется исторически. Поведение избирателей на выборах ярко характеризует политическую культуру страны и является постоянной темой политико-культурных исследований. Среди других показателей можно отметить религиозные особенности общества, характер проявления политических чувств и оценок, дифференциацию политической культуры общества по поколениям.

Среди методов исследования применяются как обычные социологические методы: интервью, биографический анализ, анализ обобщенных данных, так и контент-анализ исторических документов, позволяющий определить, какие исторические события особенно повлияли на политические ориентации общества.

Важным условием понимания политической культуры общества является изучение исторических условий ее формирования и механизмов постоянного воспроизводства.

Исторический опыт общества включает события, которые наложили отпечаток на «коллективную память» людей. К ним относятся войны, экономические и политические кризисы, оставившие яркие следы в обществе, имеющие значение для политического поведения. Например, во Франции до сих пор сильны революционные традиции, связанные со штурмом Бастилии в 1789 г. Это сказалось, в частности, на характере политических движений конца 60-х годов в Европе, политические акции которых во Франции проходили значительно острее, чем, например, в ФРГ. Широко известным фактом является то, что в Германии отклонения от экономической стабильности, особенно рост инфляции, переживаются населением острее, чем в других странах, например, в Англии или Японии, поскольку мировой экономический кризис 30-х годов ставится в связь с печальными сторонами политической истории Германии, так же как и последующим упадком экономики. Эти события оставили глубокий след в памяти поколений немецкого народа, в то время как в других странах экономическая ситуация может быть значительно хуже, а ее влияние на политическое поведение граждан — значительно меньше. Исторический опыт передается от поколения к поколению через рассказы родителей, через изучение истории в школе, а современные со-

бытия, которые оказывают аналогичное воздействие, передаются через средства массовой информации.

При анализе механизмов воспроизводства политической культуры исследуют факторы, связанные со становлением личности. К ним относятся особенности политической социализации в семье, в обществе, учитывающие как стадию раннего детства, когда происходит усвоение дисциплины и признание авторитетов, так и влияние институтов образования, методы воспитания в школе, религиозных институтах, формирующих мировоззрение.

Значение исследований политической культуры особенно возросло в последние два десятилетия, когда почти на всех континентах: в Латинской Америке, в Южной и Восточной Европе, в Азии и Африке идет глубокое преобразование общественно-политических систем из тоталитарных и авторитарных в демократические. Политическая культура, которая способствует осуществлению демократических принципов, является важным условием перехода к демократии, основанной на принципе плюрализма, многопартийности, гарантирующей индивидуальные права и свободы человека.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что политическая культура России является сложным и неоднородным образованием. С одной стороны, в России с XVI в. существовала традиция авторитарного, централизованного, персонифицированного и бюрократического политического господства Москвы, при котором отсутствуют политические институты, позволяющие публично выразить и защитить интересы людей, участвовать гражданам в политике, препятствующие демократическим преобразованиям. С другой стороны, в XX столетии Россия превратилась из аграрного в современное сложное индустриальное общество, само начавшее демократические преобразования. Многочисленные исследования последних лет показывают, что политические установки граждан российского общества являются достаточно демократическими и не слишком отличаются от соответствующих установок граждан Западной Европы. Таким образом, политическая культура России изменяется, однако еще предстоит выявить те ее конкретные компоненты, которые способствуют или препятствуют демократизации и формированию демократической политической культуры как у отдельных граждан, так и у всего общества. Такие исследования, конечно, очень велики по объему и дороги, требуют регулярного повторения через несколько лет для того, чтобы проследить изменения политической культуры.

§ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ

Социализацией называются процессы усвоения человеком культурных ценностей и норм поведения в обществе и его под-

системах. Процессы, с помощью которых общество обеспечивает усвоение его членами принятых норм и ценностей, также называются социализацией. В результате социализации человек превращается в личность с индивидуальными чертами и интегрируется в общественную систему.

В ходе социализации формируется психическая структура человека, усваиваются социальные роли, формы межличностных отношений, нормы поведения в системе общественных институтов. Поэтому социализацию традиционно изучают психология, педагогика, социология, подходы которых различаются между собой.

В психологии основное внимание уделяется формированию психической структуры индивида и становлению личности под влиянием общественной среды. Особенно большое значение придается опыту раннего детства, полученного в семье, и его влиянию на последующий процесс социализации и социального поведения.

В педагогике социализация человека является одной из центральных тем и понимается как процесс целенаправленного и планомерного педагогического воздействия на человека путем воспитания и образования. В психологии и педагогике основной проблемой выступает формирование индивидуальности в процессе социализации.

Наибольшее внимание к механизму усвоения социальных ролей уделяется в бихевиористской теории научения. Поскольку оно понимается как адаптивное поведение, в бихевиоризме понятие социализации означает процессы адаптации человека в форме реакции на физические и психические стимулы окружающей среды. Поэтому основной проблемой является интеграция личности в социальную систему, а не формирование индивидуальности личности.

Социологический подход к изучению социализации означает прежде всего исследование того, каким образом общество организует процессы социализации. Социология изучает возможности, созданные обществом для того, чтобы индивид стал дееспособным в самом общем смысле слова. Социологический и социально-психологический подходы являются классическими в изучении социализации и понимают ее как перенос поведенческих ожиданий путем социального научения, т. е. усвоения социальных ролей. Теория социальной роли — основа изучения социализации в социологии.

В основе современного подхода к изучению социализации различными дисциплинами лежит социально-антропологическая теория, с точки зрения которой человек является пластичным, открытым миру существом, не приспособленным от природы к определенной роли и к определенным социальным условиям, и поэтому может быть приспособлен к любой роли. Основы ролевого поведения человек получает в семье и затем

в качестве дееспособного индивида развивает и осваивает их всю жизнь.

Таким образом, социализация является предметом междисциплинарных исследований. Эффективность каждого из подходов зависит от того, какой аспект социализации представляет научный и практический интерес.

В политической социологии и политической науке политическая социализация понимается прежде всего по аналогии с социологическим подходом как процесс усвоения индивидом политической культуры общества, его интеграция в политическую систему путем передачи политических ценностей, традиций и норм политического поведения. Благодаря процессу политической социализации обеспечивается воспроизводство политической системы общества и усвоение политических ролей его членами.

В общественной мысли существует длительная традиция сочинений, посвященных воспитанию хорошего гражданина государства и хороших правителей, берущая свое начало в творчестве античных философов — Платона и Аристотеля. Предмет исследования политической социализации в современной политической социологии значительно шире: к нему относятся не только воспитание «хорошего гражданина» и политика, но и усвоение конкретных социальных ролей — избирателя и депутата, политического лидера и государственного служащего, члена партии, профсоюза, политического движения, формирование отклоняющегося политического поведения. Расширение предмета исследования политической социализации произошло под влиянием новых социальных движений, возникших в конце 60-х годов, усиления левого и правого политического экстремизма и терроризма в 70-е и 80-е годы, изменения поведения граждан на выборах. Внимание к процессу политической социализации было стимулировано исследованиями элит, политического лидерства и вождизма. Исследования социализации стали особенно актуальными благодаря глобальным процессам социальной и политической трансформации тоталитарных и авторитарных обществ, идущим с конца 80-х годов в направлении плюрализации и усложнения, что изменило задачи политической социализации, ее институты, повысило роль стихийных процессов социализации.

Подобно тому, как в современном сложном обществе человек не может усвоить всю его культуру и ограничивается нормами и ролями, действующими лишь в определенной сфере, человек усваивает лишь часть возможных политических ролей, в то время как остальные не имеют для него значения. Политическая социализация проходит не одинаково для всех членов общества, она различается в зависимости от принадлежности к социальным, территориальным, профессиональным, возрастным группам, носит биографический характер, различает-

ся у мужчин и женщин.

В политической социологии не существует общепризнанной концепции политической социализации, можно лишь обозначить ее компоненты, не вызывающие больших разногласий, и выделить тематические направления исследований в этой области.

В основе концепции политической социализации лежит представление о том, что этот процесс является композицией активного отношения человека к политической реальности, самостоятельного выбора вариантов политического поведения и в то же время пассивного претерпевания воздействия политической реальности. В результате взаимодействия человека и среды меняется как социально-политическая ситуация, в которой он находится, так и он сам.⁶

Таким образом, политическая социализация не является простым переносом готовой системы политических норм, ценностей и ориентаций на личность, обеспечивающим лишь лояльность, поддержку и одобрение политической власти и сохранение существующего политического порядка, но и источником «неофициальных» политических норм, ценностей и образцов политического поведения, обеспечивающим возможности эволюции политической культуры общества и политических реформ.

Политическая социализация начинается в семье, где ребенок усваивает самые прочные нормы и ценности, в частности, представления об авторитете, порядке, получает первые сведения о политике. В школе и других учреждениях системы воспитания и образования происходит формирование сознательного отношения к политике, приобщение к политической истории страны, возникает первый опыт участия в общественной и политической жизни. В подростковый и юношеский период процесс политической социализации продолжается в молодежных группах, нередко под влиянием молодежной субкультурной среды. Совершеннолетний человек выбирает и осваивает, как правило, несколько политических ролей: полноправного гражданина государства, избирателя, члена партии, профсоюза, политического движения. Формирование индивидуального отношения к политике в зрелые годы тесно связано с профессиональной ролью и возможностью продолжения образования. В преклонном возрасте возможности политической социализации значительно сужаются. Таким образом, процесс политической социализации длится всю жизнь, хотя значение отдельных фаз социализации оценивается по-разному. Например, в концепции авторитарной личности, возникшей на фоне исследований тоталитарного господства, большое значение придается ранней

социализации в детском возрасте, которая определяет весь дальнейший процесс социализации. Хотя это положение трудно проверить эмпирически, можно отметить, что социализация детей, в том числе и политическая, заметно различается в зависимости от социального положения семей. Наибольшее значение в политической практике, и соответственно в теоретических и политико-педагогических исследованиях, придается политической социализации молодежи.

Среди институтов политической социализации выделяют семью, включая родственников и знакомых, школу, учреждения воспитания и образования, церковь, политические институты и организации. Несомненно, что вклад политических институтов и организаций, государства, политических партий и движений, избирательной системы, системы права, системы политического контроля, средств массовой информации является наиболее весомым. В обществе существует специальная система политической социализации, прежде всего политического воспитания и образования, которые поддерживаются государством. Политические партии, профсоюзы и движения, как правило, создают свою подобную систему, особенно для молодежи.

Механизмы политической социализации различаются в зависимости от уровня взаимодействия человека и политической системы. На уровне общества в целом на личность воздействует прежде всего характер политической культуры, затем общее экономическое положение и социальная политика правительства, характер политической борьбы, функционирование избирательной системы, система политического контроля, средства массовой информации. Отдельные периоды в жизни общества, такие, как войны, политические реформы, периоды политизации, оставляют неизгладимый след в политической социализации человека. На уровне личности политическая социализация осуществляется в больших и малых группах, в которую включен индивид. Особенно велико значение для политической социализации политических позиций друзей и знакомых, политических традиций в семье, круг чтения. Основные механизмы политической социализации часто описывают в терминах социальной психологии: заражение, внушение, подражание, научение, политическая самоидентификация личности. На внутриличностном уровне механизмами политической социализации являются мотивы, ценностные ориентации, установки.⁷

В демократических обществах и в авторитарных или тоталитарных государствах процесс социализации протекает по-

⁶ Heitmeyer W. u. a. Die Bielefelder Rechtsextremismus — Studie. Weinheim; München, 1992. S. 15.

⁷ Политическая социализация // Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 278.

разному. В авторитарных государствах политическая социализация является в значительной степени институционализированной и одинакова для всех членов общества. Ее цель — обеспечение безусловной поддержки существующей политической системы путем усвоения строго предписанных политических ролей и заранее спроектированного сверху политического поведения. В демократических государствах политическая социализация также обеспечивает сохранение существующей политической системы, однако предоставляет возможность большего выбора политических взглядов, ролей и самостоятельной линии политического поведения на основе признания основных норм, ценностей и правил политического поведения.

Среди тематических направлений исследования политической социализации можно выделить традиционное изучение институтов политической социализации, в которых основным исследовательским вопросом является вопрос о том, насколько хорошо эти институты выполняют свои функции; процесс усвоения политических ролей гражданами; особенности политической социализации элит и правящего слоя; в последние годы предметом исследования стали особенности политической социализации мужчин и женщин. Классическим направлением исследований является политическая социализация молодежи.

Исследования политической социализации показывают, что значительные различия в ее процессе и результатах наблюдаются в зависимости от принадлежности к социальному слою, от характера образования и профессии. Представители более обеспеченных, образованных, а также организованных слоев населения лучше приспособляются к политической реальности, в частности, приобретают способность лучше выражать и поддерживать свои интересы в политике, делать политическую карьеру.

В исследованиях социализации членов политических элит современного общества, которые являются открытыми для всех слоев населения, установлено, что далеко не все имеют одинаковые шансы попасть в ее ряды. Успешная политическая карьера тем труднее, чем ниже исходное социальное положение. Высшие слои общества поставляют основную часть политической элиты, затем идут средние слои, которые в пропорциональном отношении представлены среди членов элиты. Выходцам из семей рабочих и низших служащих не закрыт путь во властную элиту, однако они встречаются там крайне редко, хотя этот слой составляет до половины населения современных обществ. Например, один западногерманский исследователь отмечает, что некоторые функциональные элиты, как и прежде, надежно закрыты для детей рабочих и простых служащих. «Сюда относятся генеральские должности в армии и ведущие посты в экономических союзах или в Свободно-демократической партии, являющейся ярко выраженной партией крупной буржуа-

зии».⁸ Традиционными возможностями политической карьеры для выходцев из низших слоев общества на Западе является карьера профсоюзного лидера или пост в Социал-демократической партии. Для женщин путь в политическую элиту еще сложнее, нежели для детей рабочих и мелких служащих.

Путь в политическую элиту, как правило, лежит через университетское образование, без которого в настоящее время все реже удается занять ведущую политическую позицию, причем юридическое образование дает некоторые преимущества. В демократических обществах политическая карьера традиционно лежит через депутатские мандаты местных органов власти, затем общенациональных, и наконец, к министерским постам. Успешной политической социализации и политической карьере помимо хороших стартовых возможностей способствует ранний интерес к политике, активная работа в партии с юных лет, овладение свободной профессией.

В социалистический период истории России и СССР рекрутирование правящей элиты осуществлялось на основе кадровой политики КПСС и организованной системы политической социализации. Замещение всех политических должностей контролировалось ЦК КПСС, а многих из них — непосредственно Политбюро. Критериями кадровой политики были: верность господствующей идеологии и лояльность по отношению к руководству. Первая обеспечивалась системой политического просвещения, в которую входили университеты марксизма-ленинизма и организованная политическая пропаганда по месту работы для всех; и более серьезное политическое образование для представителей правящего слоя, осуществляемое в партийных школах при областных комитетах КПСС, с Академией общественных наук при ЦК КПСС во главе.

Дальнейшая политическая социализация потенциальных членов правящей элиты осуществлялась на номенклатурных должностях и включала в себя переходы с партийной на хозяйственную и административную работу, так что члены политической элиты представляли собой довольно однородную в политическом отношении группу. В настоящее время в России значительная часть политической элиты прошла политическую социализацию еще в КПСС, хотя эти политики порвали отношения с коммунистическими организациями, но сохранили характерный для времен социализма авторитарный стиль политического руководства. Другая часть современной политической элиты России приобрела свой политический опыт в новых социальных и политических движениях, в которых, однако, отсутствуют навыки управления большими социальными образованиями.

⁸ Geißler R. Die Sozialstruktur Deutschlands. Opladen, 1992. S. 85.

В нашей стране после Октябрьской революции 1917 г. политическая социализация многих поколений проходила под знаком господствующей идеологической концепции, с одной стороны, уникальности нашей страны, вставшей на путь строительства коммунизма, а с другой — враждебного окружения внешних и внутренних «врагов», причем в идеологии, а в период второй мировой войны и в действительности речь всегда шла о выживании государства. Исторически длительный период, в течение которого существование государства считалось под угрозой, обеспечил неизменную цель политической социализации — воспитание граждан, политически сплоченных вокруг партии и не сомневающих в ее политике.

Особенно серьезное внимание в этой связи уделялось политической социализации молодежи путем коммунистического воспитания, концепцию которого сформулировал В. И. Ленин. В программной речи, обращенной к III Всероссийскому съезду комсомола в 1920 г., он поставил цель «учиться коммунизму» путем сознательного участия в его строительстве. Жесткий контроль за политической социализацией молодежи, начинавшейся в детском саду и продолжавшейся в пионерской и комсомольской организации, прекратился лишь вместе с господством КПСС, однако еще раньше эффективность официальной политической социализации понизилась из-за расхождения коммунистической идеологии с реальностью, которое становилось все более очевидным. После распада социализма и отмены тотального контроля за процессом политической социализации в этой области социализации образовался значительный вакуум и наступила политическая дезориентация. Однако и в новых условиях политического плюрализма продолжают сказываться стереотипы политического поведения, ориентированного на борьбу с внешними и внутренними «врагами».

Другим аспектом исследования политической социализации являются особенности политической социализации мужчин и женщин. В европейском обществе положение женщин все еще преимущественно определяется ролью домашней хозяйки и матери, несмотря на их возросшую профессиональную деятельность. К исполнению своих традиционных ролей девочки готовятся с раннего детства путем более эмоционального воспитания, более тесной связи с матерью, чем с отцом, который, как правило, проявляет свою активность вне семьи. Напротив, мальчики вынуждены ориентировать свое поведение на внешнюю активность, на решение внешних по отношению к личной жизни проблем.

В бывших социалистических странах политическая социализация женщин благодаря их широкому вовлечению в трудовую деятельность в народном хозяйстве продвинулась значительно дальше, чем в западных демократических государствах. Женщины нередко занимают ведущие общественно-поли-

тические позиции в среднем звене руководства и управления, хотя их появление в рядах высшей политической элиты скорее является декоративным исключением. На вершине пирамиды власти все еще имеется монополия мужчин.

§ 3. ВЫБОРЫ И ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА

Среди всех форм участия граждан в политике в демократических государствах выборы являются наиболее всеобщей, поскольку каждый гражданин имеет право голоса, и наиболее важной, так как на выборах определяется состав органов законодательной власти или глава исполнительной власти, создается легитимность представительных органов власти и ответственность правительства перед народом. Посредством выборов возникает доверие к правящей партии и избранным органам власти, формируется политическая элита страны, обеспечивается представительство интересов и мнения избирателей в органах власти, происходит политическая интеграция общества, формулируются политические альтернативы и тем самым развивается политическое сознание населения, обеспечивается возможность контроля за органами власти и сменяемость их состава.⁹ Таким образом, голосуя на выборах за партии, партийные списки или отдельных кандидатов, народ оказывает решающее влияние на содержание политики государства. Влияние избирателей на формирование органов представительной власти в значительной степени зависит от существующей избирательной системы.

Избирательной системой называется порядок организации и проведения выборов в представительные органы власти, закрепленный в юридических нормах и политической практике. Избирательная система включает в себя принципы избирательного права и правила, согласно которым предпочтения избирателей в отношении партий и кандидатов, выраженные путем голосования, превращаются в депутатские мандаты.

В зависимости от устройства избирательной системы результаты выборов, а следовательно, и влияние избирателей на партийно-политическую систему будет различным. Поэтому вопрос об избирательной системе является вопросом о государственной власти и политике. Не удивительно, что реформы избирательной системы являются предметом острой политической борьбы.¹⁰ Россия в данном случае не представляет собой исключения: короткий отрезок времени с 1987 по 1993 г., когда начались робкие эксперименты с альтернативными выборами депутатов местных советов в отдельных избирательных округах и завершились полной реформой избирательной системы,

⁹ Nohlen D. Wahlen / Wahlrecht // Wörterbuch Staat und Politik. München, 1991. S. 764.

¹⁰ Надакс А. Выбор избирательных систем // Политические исследования. 1993. № 3. С. 70—78.

был богат острой полемикой об избирательной системе как среди политиков, так и среди ученых.

Согласно смыслу самого термина выборы означают возможность свободного выбора как минимум из двух альтернатив (кандидатов или партий), однако выборы проводятся в тоталитарных и авторитарных государствах, где свобода выбора отсутствует или значительно ограничена. Такие выборы являются декоративными и нужны лишь самой власти для создания видимости законного политического господства.

В демократических государствах избирателям всегда обеспечивается свобода выбора, так как демократическая избирательная система основана на всеобщем, равном, прямом и тайном избирательном праве. Она гарантирует свободу выдвижения кандидатов, их соревнование за голоса избирателей, равенство возможностей в предвыборной борьбе, свободное волеизъявление избирателей на основе тайного голосования, периодическое повторение выборов. Перечисленные принципы демократической избирательной системы соответствуют современной нормативной концепции демократии. Однако на практике не все из них могут быть реализованы в равной степени, и вряд ли найдется страна, в которой не было бы попыток махинаций на выборах с целью доступа к политической власти. Труднее всего обеспечить фактическое равенство возможностей в предвыборной борьбе для всех партий и кандидатов. Тем не менее эти принципы служат масштабом оценки степени демократичности избирательных систем.

Наиболее важной составной частью демократической избирательной системы является всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право.

Всеобщее избирательное право означает, что правом голоса и правом быть избранными обладают все граждане, независимо от пола, расы, языка, дохода или собственности, социальной принадлежности, профессии, образования, конфессии или политических взглядов. Всеобщее избирательное право включает определенные разумные условия для его осуществления: достижение определенного возраста, наличие гражданства, гражданской дееспособности. В прошлом правом участия в выборах не обладали многие слои населения: этнические и религиозные меньшинства, женщины. Для участия в выборах устанавливались различные цензы: имущественный, налоговый, ценз дохода, образовательный ценз, согласно которому для участия в выборах требовалось наличие школьного образования или профессиональной квалификации или хотя бы элементарная грамотность.

Равное избирательное право означает, что голоса всех избирателей равны и не различаются в зависимости от собственности, дохода, расы, уплачиваемых налогов, образования, религиозной принадлежности, пола или политических взглядов их

обладателей. В прошлом имело место неравное избирательное право, которое означает, что разные избиратели имеют неодинаковое число голосов или что голоса разных групп избирателей имеют разный вес. Неравное избирательное право обычно связано с выборами, предусматривающими деление избирателей на различные группы, которые избирают определенное число депутатов. В истории известны случаи наделения различных социальных групп (земельных собственников, глав семей) дополнительными голосами. Для обеспечения равного избирательного права число депутатов, избираемых в округах, должно быть пропорционально численности населения в них.

Тайное избирательное право означает, что воля избирателя, выраженная путем голосования, не может быть известна другим. Тайна голосования обеспечивается обычно путем голосования при помощи бюллетеней, кабин для голосования, опечатывания избирательных урн. Тайное голосование противоположно всем формам открытого голосования, будь то путем поднятия руки или путем подачи голоса.

Прямое избирательное право означает отсутствие промежуточных инстанций между депутатами и избирателями. Оно противоположно непрямым выборам, при которых избиратели избирают выборщиков, которые являются промежуточным звеном между избирателями и депутатами. В случае не прямых выборов выборщики могут быть связаны волей избирателей, но могут быть и не связаны ею.

Распространение всеобщего и равного избирательного права на все взрослое население заняло около ста лет. До 1848 г. его еще не было ни в одной из европейских стран. В начале XX в. всеобщее избирательное право было введено лишь для мужчин, а после первой мировой войны — и для женщин. После второй мировой войны избирательное право в большинстве развитых стран достигло современного демократического стандарта. Большая заслуга в этом принадлежит рабочему движению XIX—XX вв., которое выступало за расширение участия всех граждан в политике и опиралось на идею эмансипации. Важным условием расширения избирательных прав являются европейские революции XIX столетия, повлекшие за собой повсеместное утверждение парламентаризма.

Благодаря широкому распространению демократического избирательного права под избирательной системой часто понимают лишь правила преобразования голосов избирателей в депутатские мандаты (в случае парламентских выборов), т. е. порядок определения победителей на выборах. Эти правила оказывают влияние на состав парламента, его работу, развитие политических партий, поведение избирателей. В этом смысле существуют только два типа избирательных систем: мажоритарная и пропорциональная избирательные системы. В основе различия между мажоритарной и пропорциональной изби-

рательных систем лежит разное понимание принципа представительства — одного из фундаментальных принципов современной демократии (см. табл. 3).

Таблица 3. Различия между мажоритарной и пропорциональной избирательной системой

Тип избирательной системы	Мажоритарная избирательная система	Пропорциональная избирательная система
Цель представительства	Создание большинства одной партии в органах представительной власти	Пропорциональное представительство политических партий в органах власти
Правило определения победителей на выборах	Получение необходимого большинства голосов на выборах	Распределение мандатов пропорционально числу полученных на выборах голосов

Принцип представительства, заложенный в мажоритарной избирательной системе (от фр. *majorite* — большинство), нацелен на создание политически однородных органов представительной власти. Мажоритарной избирательной системой называется порядок определения результатов голосования, при котором избранным считается тот, кто получил большинство голосов избирателей.

Пропорциональная избирательная система нацелена на представительство в парламенте всех политических партий пропорционально числу полученных ими голосов избирателей. По сравнению с мажоритарной избирательной системой пропорциональная система значительно лучше обеспечивает соответствие состава органов власти и политических партий.

В зависимости от конкретных деталей (количество мандатов в округе, абсолютного или относительного большинства голосов, необходимых для победы на выборах, и пр.) избирательные системы получают конкретное оформление.

Различают мажоритарную систему абсолютного (для избрания необходимо набрать более 50% голосов) и относительного большинства (для избрания достаточно набрать большее по сравнению с другими кандидатами число голосов). Мажоритарная избирательная система может иметь одномандатные или многомандатные избирательные округа.

В мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства с одномандатными округами избранным считается тот, кто набрал абсолютное большинство голосов в округе. Если никто из кандидатов или ни один из списков не набрал предписанного большинства голосов избирателей, то проводится следующий тур голосования, в котором участвуют, как

правило, 2 кандидата или списка, набравшие в первом туре наибольшее число голосов.

В мажоритарной избирательной системе относительного большинства с одномандатными округами избранным считается тот, кто набрал наибольшее количество голосов.

В мажоритарной избирательной системе абсолютного большинства с многомандатными избирательными округами каждый избиратель получает количество голосов, равное числу мандатов в избирательном округе. Свои голоса он отдает нескольким кандидатам. Избранным считается тот, за кого проголосовало абсолютное большинство избирателей. Свободные мандаты распределяются на следующих турах выборов.

В мажоритарной избирательной системе относительного большинства с многомандатными округами каждый избиратель также получает количество голосов, соответствующих количеству мандатов в избирательном округе. Избранными считаются те кандидаты, которые набрали наибольшее количество голосов.

Мажоритарная избирательная система принята во многих развитых странах. В Австралии и Франции — мажоритарная избирательная система абсолютного большинства; в США, Великобритании, Канаде, Новой Зеландии — мажоритарная избирательная система относительного большинства с одномандатными избирательными округами.

Пропорциональной избирательной системой называется порядок определения результатов голосования, при котором распределение мандатов между партиями, выставившими своих кандидатов в представительный орган, производится в соответствии с количеством полученных ими голосов. При пропорциональной избирательной системе создаются большие избирательные округа, в которых каждая партия выдвигает свой список кандидатов, а избиратель подает голос за список соответствующей партии. Для определения результатов голосования устанавливается минимум голосов, необходимых для получения одного депутатского мандата. Распределение мандатов внутри списка партии осуществляется, как правило, в соответствии с тем порядком, в котором кандидаты расположены в списке. Выборы по партийным спискам — распространенная черта пропорциональной избирательной системы. Пропорциональная избирательная система распространена более широко, нежели мажоритарная. Она действует в Италии, Бельгии, Финляндии, Румынии, Чехии и других странах, особенно широко распространена в Латинской Америке.

Общая тенденция изменения демократического государственного устройства состоит в переходе от мажоритарной к пропорциональной избирательной системе, при которой лучше учитываются голоса, поданные за различные политические партии, что, в свою очередь, связано с плюрализацией общества.

Правила определения победителей на выборах имеют второстепенное значение по сравнению с принципом представительства, его целями и функциями. Они могут значительно варьировать, что дает повод говорить о смешанных избирательных системах. Однако в строгом смысле смешанных избирательных систем не существует, так как всегда понятно, какой принцип представительства заложен в основе конкретной избирательной системы. Поэтому под смешанными избирательными системами следует понимать сочетание мажоритарной и пропорциональной систем в процессе выборов представительных органов. Такое сочетание существует в Болгарии, Венгрии, России и некоторых других странах.

Гораздо содержательнее вопрос о влиянии избирательных систем на партийно-политическую систему в соответствии с заложенными в них целями политического представительства. Эффект обеих систем состоит в том, что они уменьшают количество партий, выдвинувших кандидатов на выборах, среди представленных в парламенте и создают преимущества крупным политическим партиям, однако обе системы различаются в зависимости от того, в какой степени это происходит.

Таблица 4. Влияние избирательной системы на образование однопартийного большинства в 23 странах в 1945—1978 гг. *

N 243	Всего	Мажоритарная избир. система		Пропорциональная избир. система	
	абс.	абс.	%	абс.	%
Большинство на основе голосов избирателей	17	7	41	10	59
Большинство на основе эффекта избирательной системы	59	44	75	15	25
Всего случаев образования большинства	76	51	67	25	33

* Цит. по: Beyme K. von. u. a. Politikwissenschaft. Eine Grundlegung. Bd. 2. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1987. S. 112.

В самом общем отношении мажоритарная система больше способствует созданию партийного большинства в парламенте. Так, по исследованиям немецкого политолога Д. Нолен, рассмотревшего результаты 243 выборов в 23 странах в 1945—1978 гг., абсолютное большинство одной партии было достигнуто на этапе голосования лишь 17 раз, однако на этапе рас-

пределения мандатов этот показатель составил уже 76. Следовательно, в 59 случаях однопартийное большинство возникло за счет влияния избирательной системы, причем 44 случая приходится на мажоритарную избирательную систему, хотя и при пропорциональной избирательной системе возможно возникновение однопартийного большинства (см. табл. 4).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, используя слова древнеримского историка Тацита «без гнева и пристрастия», авторы изложили свою позицию по основным проблемам политической социологии. Это вовсе не означает, что их позиция «непорочна», а анализируемые в пособии проблемы не могут быть дополнены другими «основными». Они стремились как можно полнее обозначить содержательные рамки политической социологии на основании опыта преподавания данной научной дисциплины на факультете социологии Санкт-Петербургского университета.

Думается, что дальнейшее развитие политической социологии, расширение ее преподавания в вузах Российской Федерации будет способствовать появлению последующих изменений в ее содержании, даст возможность более рельефно уяснить соотношение теоретических и эмпирических слагаемых. Несомненно, нужна более тесная «увязка» отдельных теоретических положений с практическими потребностями общественной жизни. Конкретные данные, свидетельствующие об «осязаемости», «очевидности» того или иного социального явления, если они получены не по заказу властвующего, вносят элемент устойчивости в теоретические обобщения.

Более многопланово и детально может быть представлена русская политическая мысль как дореволюционного, так и зарубежного периодов. Однако здесь исследователя подстерегает опасность, о которой уже говорилось. Исторически сложилось так, что все русские мыслители самых разнообразных направлений были вовлечены в общественно-политическую жизнь страны, анализировали ее отдельные стороны с пристрастием.¹

¹ Из последних работ, посвященных истории русской социологии, в том числе политической, можно назвать: Медушевский А. Н. История русской социологии. М., 1993; Российская социология / Под ред. А. О. Боронова. СПб., 1993; Замалеев А. Ф., Осипов И. Д. Русская политология: обзор основных направлений. СПб., 1994; Козловский В. В., Голосенко И. А. История русской социологии конца XIX — начала XX в. М., 1995.

Может быть, у читателя возникнет протест, связанный с тем, что авторы слишком много уделяют внимания классическим источникам политической социологии, не высказывают своего отношения к ним. Ответом на эти возможные замечания будет следующее: во-первых, в основании любой науки лежат первоисточники, без которых было бы невозможно ее становление, структурирование, развитие; во-вторых, в истории русской общественной мысли были такие периоды, когда все «западное» обязательно критиковалось или ему давалась однозначная интерпретация. Авторы не решились идти этим путем, а также не решились высказывать своей позиции по проблемам, анализируемым классиками социологической мысли. Они оставляют право на самостоятельные размышления и суждения уважаемым читателям.

С надеждой на взаимопонимание авторов и читателей предлагается настоящее учебное пособие.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Политическая социология как отрасль социологического знания	
§ 1. Что такое политика?	5
§ 2. Политическая социология в системе гуманитарного знания	10
§ 3. Функции, структура, методы, основные категории	18
Глава II. Становление и эволюция политической социологии	
§ 1. Классики политической социологии	29
§ 2. Политическая социология в России: основные направления и представители	39
§ 3. Современная политическая социология	47
Глава III. Власть, ее носители и функции в обществе	
§ 1. Социальные основы власти, функции и формы осуществления	52
§ 2. Принцип разделения властей	60
§ 3. Человек и власть: политическое участие, политическая элита, политическое лидерство	65
§ 4. Бюрократия как социальный феномен	75
Глава IV. Основные характеристики политической системы общества	
§ 1. Политические институты и их деятельность — материальная основа политического процесса	83
§ 2. Политические партии и партийные системы: их функции, основные типы и тенденции развития	87
§ 3. Социальные движения	120
Глава V. Стабильность контра конфликтности в политическом процессе	
§ 1. Основные факторы политической стабильности общества	132
§ 2. Политическое поведение	142
Глава VI. Политическая культура	
§ 1. Политическая культура как социально-исторический опыт	154
§ 2. Политическая социализация	159
§ 3. Выборы и избирательная система	167
Заключение	174